

Е. А. ИСАЕВА, Ж. В. КЛИМЕНКО,
О. К. БЫЦЬКО, А. О. МЕЛЬНИК

Интегрированный
курс

Литература

(русская и зарубежная)

Учебник для 8 класса
общеобразовательных учебных заведений
с обучением на русском языке

*Рекомендовано
Министерством образования и науки Украины*

УДК 821(100).09(075.3)

ББК 83.3(0)я721

I-73

*Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
(приказ Министерства образования и науки Украины от 10.05.2016 г. № 491)*

ИЗДАНО ЗА СЧЁТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ. ПРОДАЖА ЗАПРЕЩЕНА

Эксперты, которые осуществляли экспертизу данного учебника во время проведения конкурсного отбора проектов учебников для учащихся 8 класса общеобразовательных учебных заведений, и сделали вывод о целесообразности предоставления учебнику грифа «Рекомендовано Министерством образования и науки Украины»:

Л. Я. Марусик, учительница общеобразовательной школы I–III ст. № 3 г. Ивано-Франковска, учитель-методист;

В. И. Моквич, методист районного отдела образования Коропской районной госадминистрации Черниговской области;

Н. А. Гринченко, доцент кафедры иностранных языков Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка, кандидат филологических наук.

АВТОРЫ РАЗДЕЛОВ:

Е. А. Исаева, доктор педагогических наук, профессор: «Приглашение к сотрудничеству»; «Гимн достоинствам человека, или О вечных ценностях в литературе эпохи Возрождения» (*В. Шекспир*); «Гармония разнообразий, или Палитра жанров в русской литературе XIX века» (*А. С. Пушкин; Н. В. Гоголь; И. С. Тургенев; М. Е. Салтыков-Щедрин; Л. Н. Толстой*); «Бесконечность вопросов и неисчерпаемость ответов в литературе XX века» (*А. де Сент-Экзюпери; братья Стругацкие*); «В ожидании новой встречи с искусством слова»;

Ж. В. Клименко, доктор педагогических наук, профессор: «Гимн достоинствам человека, или О вечных ценностях в литературе эпохи Возрождения» (*М. де Сервантес*); «Гармония разнообразий, или Палитра жанров в русской литературе XIX века» (*М. Ю. Лермонтов*);

О. К. Быцько: «Родник жемчужин: средневековая поэзия Востока» (*Омар Хайям; Ш. Руставели*);

А. О. Мельник, кандидат педагогических наук, доцент: «Бесконечность вопросов и неисчерпаемость ответов в литературе XX века» (*Максим Горький*).

Исаева Е. А.

I-73 Интегрированный курс «Литература (русская и зарубежная)»: учеб. для 8 кл. общеобразоват. учеб. заведений с обучением на рус. яз. / Е. А. Исаева, Ж. В. Клименко, О. К. Быцько, А. О. Мельник. — Киев : УОИЦ «Орион», 2016. — 352 с. : ил.

ISBN 978-617-7355-46-4.

УДК 821(100).09(075.3)

ББК 83.3(0)я721

© Е. А. Исаева, Ж. В. Клименко,
О. К. Быцько, А. О. Мельник, 2016

ISBN 978-617-7355-46-4

© УОИЦ «Орион», 2016

ДЕРЖАВНИЙ ГІМН УКРАЇНИ

*Музика Михайла Вербицького
Слова Павла Чубинського*

Ще не вмерла України і слава, і воля,
Ще нам, браття молодії, усміхнеться доля.
Згинуть наші воріженьки, як роса на сонці.
Запануєм і ми, браття, у своїй сторонці.

Приспів:

Душу й тіло ми положим за нашу свободу,
І покажем, що ми, браття, козацького роду.

К ВЕРШИНАМ ИСКУССТВА СЛОВА

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!

Давайте продолжим открывать для себя Книгу Памяти и Совести, как образно назвал искусство известный исследователь Юрий Лотман...

В этом учебном году писатели разных поколений из разных стран раскроют вам свои сердца, доверят свои чувства и мысли, поделятся своим духовным опытом, столь необходимым каждому из нас. Надеемся, что, читая многие художественные произведения, представленные в этом учебнике, вы получите удивительную возможность проследить и сравнить, как меняется человек и мир, который его окружает, и что, независимо от времён и появления различных технологий, остаётся неизменным.

Открывая для себя шедевры мировой литературы, которые вы будете воспринимать как в оригинале, так и в литературных переводах, вы сможете провести необходимые параллели и сделать собственный вывод о человеке и окружающем его мире как в прошлом, так и в настоящем. Разнообразие литературных имён и художественных произведений даст вам возможность почувствовать себя в центре настоящего диалога (между художественными текстами, их авторами и переводчиками, другими произведениями искусства, культурно-историческими эпохами и, конечно же, разными читателями). Осмысливая художественные тексты, написанные образным языком, то есть языком искусства, созданные в разные исторические эпохи, начиная от древнего Средневековья и заканчивая литературой близкого нам XX века, вы сможете задать *свои* вопросы и искать *свои* ответы, а значит, формировать *свой* взгляд на жизнь и разобраться в *самом себе*.

Итак, давайте читать, а это значит размышлять и обсуждать, спорить и не соглашаться, сопоставлять и проверять, давать собственную оценку и *познавать*, в первую очередь, *себя и окружающий мир*. И при этом будем помнить, что сегодня, как никогда, актуальными являются слова о том, что люди, которые читают, всегда будут руководить теми, кто смотрит телевидение. Ведь главное в чтении, как подчёркивал известный русский популяризатор науки и писатель Николай Рубакин, не текст сам по себе, а те мысли и чувства, образы и вопросы, которые рождает он в душе читателя.

С искренними пожеланиями успехов на этом пути
Авторы

К вершинам искусства слова	4
Книга и чтение в нашей жизни	7
РОДНИК ЖЕМЧУЖИН: СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ ВОСТОКА	8
«С Востока свет»	9
Омар ХАЙЯМ: звезда персидского Возрождения	10
<i>Из тайников искусства слова.</i> Понятие о рубаи	12
Рубайят. В переводах И. Тхоржевского, О. Румера, Г. Плисецкого, Г. Семёнова, В. Державина	13
Шота РУСТАВЕЛИ: «Певец великой дружбы и великой любви»	19
Витязь в тигровой шкуре (отрывки). Перевод Н. Заболоцкого.	22
<i>Из тайников искусства слова.</i> Понятие о героическом в литературе. Развитие понятия о поэме.	35
«ГИМН ДОСТОИНСТВАМ ЧЕЛОВЕКА», или О ВЕЧНЫХ ЦЕННОСТЯХ В ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	
«Открытие мира и человека»	42
Вильям ШЕКСПИР: Шекспир «на все времена»	45
<i>Из тайников искусства слова.</i> Понятие о драме как литературном роде. Диалог и монолог	47
Ромео и Джульетта (в сокращении). Перевод Б. Пастернака.	49
<i>Из тайников искусства слова.</i> Трагедия как жанр драмы	77
Мигель де СЕРВАНТЕС СААВЕДРА: создатель бессмертного образа Дон Кихота	82
Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский (отрывки). Перевод Николая Любимова	86
<i>Из тайников искусства слова.</i> Эпос как род литературы и роман как жанр эпоса	104
<i>Из тайников искусства слова.</i> О «вечных образах» в литературе	107
ГАРМОНИЯ РАЗНООБРАЗИЙ, или ПАЛИТРА ЖАНРОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА	
Александр Сергеевич ПУШКИН: «Глаголом жги сердца людей!»	114
И. И. Пущину	118
«Во глубине сибирских руд...»	119
19 октября 1825 (отрывок)	121
<i>Из тайников искусства слова.</i> Лирика как литературный род.	122
Капитанская дочка (в сокращении)	123
Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ: «Провозглашать я стал любви и правды чистые ученья»	159
Родина	162

<i>Из тайников искусства слова.</i> О лирическом герое	163
Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...»)	164
Поэт	165
Молитва	166
Дума	167
«Выхожу один я на дорогу...»	169
Пророк	170
Николай Васильевич ГОГОЛЬ: «...Человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших!»	173
Ревизор (в сокращении)	177
<i>Из тайников искусства слова.</i> Понятия о комедии.	
Сатира и гротеск.	204
Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ: «Моя биография — в моих произведениях»	207
Воробей	210
Порог	211
<i>Из тайников искусства слова.</i>	
Понятие о стихотворении в прозе.	212
Ася (в сокращении)	213
Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: летописец минуты	235
Премудрый пескарёв	238
<i>Из тайников искусства слова.</i> Развитие понятия об «эзоповом языке»	243
Медведь на воеводстве (в сокращении)	244
Лев Николаевич ТОЛСТОЙ: «Толстой — это целый мир»	248
После бала	251
БЕСКОНЕЧНОСТЬ ВОПРОСОВ И НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ ОТВЕТОВ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА	
Максим ГОРЬКИЙ: в поисках ЧЕЛОВЕКА	264
Макар Чудра	267
Старуха Изергиль (отрывки)	277
Антуан де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ: взрослый, который смотрел на мир широко раскрытыми глазами ребёнка...	288
Маленький принц (в сокращении). Перевод Н. Галь	290
<i>Из тайников искусства слова.</i> Понятие о притче. Подтекст	317
Аркадий Натанович СТРУГАЦКИЙ и Борис Натанович СТРУГАЦКИЙ: мир братьев АБС	320
Трудно быть Богом (отрывки)	323
Познаём себя через книгу	351
Ваш помощник в учёбе	форзац 1
Словарик литературоведческих терминов	форзац 2

КНИГА И ЧТЕНИЕ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

В книгах заключено особое очарование; книги вызывают в нас наслаждение: они разговаривают с нами, дают нам добрый совет, они становятся живыми друзьями для нас.

Франческо Петрарка (1304–1374), итальянский поэт

Книга — учитель без платы и благодарности. Каждый миг дарит она тебе откровения мудрости.

Алишер Навои (1441–1501), узбекский поэт, мыслитель, государственный деятель

Чем более читаете, не размышляя, тем более уверяетесь, что много знаете, а чем более размышляете, читая, тем яснее видите, что знаете очень мало.

Вольтер (1694–1778), французский писатель, философ

Однажды научившись читать, ты навсегда становишься свободным.

Фредерик Дуглас (1818–1895), американский писатель и просветитель

Шесть-семь лет занятий классической литературой сообщают уму такое благородство, такое изящество, силу и красоту которых не достичь никакими иными средствами.

Анатоль Франс (1844–1924), французский писатель

Чтение — это один из истоков мышления и умственного развития.

Василий Сухомлинский (1918–1970), украинский педагог

Книга даёт нам слова, к которым вы сами подбираете картины, возникающие в вашем воображении, вы знаете, как выглядит д'Артаньян и Дон Кихот, это ваш д'Артаньян и ваш Дон Кихот.

Айзек Азимов (1920–1992), американский писатель

Прокомментируйте прочитанное. Подыщите самостоятельно и обсудите со своими одноклассниками другие высказывания о роли книги и чтения в жизни человека.

Родник жемчужин: средневековая поэзия Востока

*Говорят про запад, а ты помни,
что есть ещё и восток.*

Японская мудрость

*В безмолвии садов, весной, во мгле ночей
Поёт над розою восточный соловей.*

Александр Пушкин

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✘ **ощутить** неповторимый вкус восточной поэзии и культуры;
- ✘ **узнать** о жизни великих поэтов Востока;
- ✘ **разобраться** в особенностях жанров *рубаи* и *эпической поэмы*;
- ✘ **увидеть** красоту героического и **осмыслить** его общественную и эстетическую ценность;
- ✘ **получить удовольствие** от чтения восточных стихов, наслаждаться их глубиной и изысканностью;
- ✘ **задуматься** над актуальностью гуманистических идей средневековой поэзии Востока.

С ВОСТОКА СВЕТ

Махмуд Фаршчиан.
Свет Персии (2000)

Встань! Бросил камень в чашу тьмы Восток!
В путь, караваны звёзд! Мрак изнемог...
И ловит башню гордую султана
Охотник-Солнце в огненный силок.

Омар Хайям¹

Востоком люди называют сторону света, которая первой встречает солнце нового дня. Существует даже латинское выражение — «Ex Oriente lux» — «С Востока свет». В направлении востока, как известно, вращается планета Земля. Но Восток также — особый культурный регион, которому довелось стать духовной родиной человечества, дать миру великих

Учителей таких, как Будда, Иисус, Мухаммед и др. С Востока пришли мировые религии. Человеческая цивилизация обязана ему таким важнейшим достижением, как Книга.

В современном мире *Востоком* принято называть страны Азии и Северо-Восточной Африки.

Средние века на Востоке — это время формирования правил и укоренения традиций, расцвета культуры отдельных его народов. Многие литературные явления и жанры становятся классическими (образцовыми) для последующих поколений. Недаром некоторые учёные² высказывают мысль о **Восточном Ренессансе** (фр. *renaissance* — «возрождение»), связывая с ним бурное развитие всех сфер общественной жизни и появление нового взгляда на человека — **гуманизма** — с присущей ему идеей права каждого на счастье.

«Испить» из *родника жемчужин* (как принято называть стихотворные шедевры Востока), познать мудрость жизни и величие человеческой души вы сможете в процессе чтения произведений двух величайших поэтов-гуманистов — Омара Хайяма и Шотá Руставели.

¹ Перевод Ивана Тхоржевского.

² Грузинский исследователь Ш. Нуцубидзе (1888–1969) считает, что родиной Возрождения стал Восток. Именно отсюда, по мысли учёного, данное явление пришло в Европу. Теория Восточного Ренессанса нашла продолжение в работах других известных востоковедов.

Омар Хайям

(1078–1131)

Твой стих, Хайям, отделан и отточен,
Он — в сердце дверь, отворена она.
Твой краток стих, всего четыре строчки,
Но ведь и жизнь не более длинна.

Лоик Шерали, таджикский поэт

ЗВЕЗДА ПЕРСИДСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Наш путь по средневековому Востоку пролегает через *Персию* (современное название *Иран*) — страну древней культуры и удивительной красоты природы. X–XV века в её истории стали периодом расцвета всех сфер жизни, в том числе и литературной. Недаром ценители называли их «шестью веками славы».

Как вы, наверное, помните, становление древнеиранской культуры прошло под влиянием *зороастризма*¹. В середине VII в. Иран был завоёван арабами, которые принесли на покорённые земли новую веру — *ислам*². Во всех сферах культуры, в том числе и в литературе, утверждается арабский язык. Поэты осваивают арабское стихосложение, систему жанров, образность. Распад Арабского халифата в VIII–IX вв. способствовал образованию самостоятельного восточноиранского государства Саманидов (875–999) со столицей в Бухаре. Иран становится на путь национального и культурного возрождения. Формируется новоперсидский язык — *фарси*. Под пером мастеров слова расцветает *поэзия*.

18 мая 1048 года на востоке Ирана, в его древней культурной провинции Хорасан, родился мальчик, которому суждено было стать одной из ярчайших звёзд на небосклоне персидского

¹ *Зороастризм* — одна из древнейших религий мира, основанная на учении пророка Заратустры (Зороастра) об исконной борьбе добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти.

² *Ислам* (букв. «покорность»), или *мусульманство* — религиозное учение, проповедующее веру в Единого Бога (Аллаха) и его пророка Мухаммеда.

Возрождения, известным учёным, философом и поэтом. Спустя много столетий дагестанский поэт Расул Гамзатов скажет о нём так: «Звездочёт — он стал негасимой звездой веков».

Полное имя персидского гения — **Гиясад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури**. Оно включает, кроме прочего, собственное имя поэта — Омар, имя его отца — Ибрахим, литературный псевдоним — Хайям (буквально «палаточник» — по роду занятий семьи), а также название его родного города — Нишапур.

Путь Хайяма в науку начался с обучения в Нишапурском медресе¹ и продолжился в других городах Хорасана — Балхе, Самарканде. Юноша изучал математику и физику, философию и медицину. В двадцатипятилетнем возрасте он стал автором математического трактата «Проблемы арифметики», принёсшего ему первую научную известность.

В 1074 г. молодой учёный прибыл в Исфахан, столицу Сельджукской империи², ко двору султана Мелик-шаха и был назначен главой построенной здесь обсерватории. В течение многих лет с группой учёных-единомышленников и при поддержке главного *вазира* (министра) Низама аль-Мулька проводил здесь исследования, многие из которых опередили своё время.

Омар Хайям достиг значительных результатов в математике, физике, астрономии, философии, создал календарь «Джалали», более точный, чем ныне действующий григорианский.

Щедрая одарённость личности Хайяма проявилась также в области художественного слова. На полях своих арабоязычных трактатов он записывал на родном фарси лирические миниатюры, рождавшиеся в глубинах его ума и сердца. Они стали своеобразным продолжением раздумий учёного о мире и месте человека в нём:

Мы цель создання, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира — перстень драгоценный,
А мы в том перстне — вправленный алмаз.

Перевод *Константина Бальмонта*

¹ *Медресе* — высшее исламское учебное заведение.

² *Сельджукская империя* (1037–1094) — государство во главе с тюркской династией Сельджуков.

Памятник Омару Хайяму в Душанбе (Таджикистан).
Скульптор Анатолий Галян

- ?
1. Какой период в истории Ирана называют «шестью веками славы»? Есть ли основания для такого определения? Приведите примеры диалога культур на этом этапе развития страны.
 2. Какие факты биографии Омара Хайяма вас заинтересовали? Что они говорят нам о личности и эпохе поэта?
 3. Прокомментируйте приведённое выше четверостишие. Какое представление о мировосприятии Хайяма оно даёт?

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О РУБАИ

Рубай, в котором проявился поэтический талант Омара Хайяма, называется *рубаи*. Это традиционная форма иранской поэзии, которая зародилась ещё в доисламский период в недрах народного творчества и со временем распространилась в литературе народов Ближнего и Среднего Востока. Вот почему русский востоковед Евгений Бертельс назвал рубаи «наиболее летучей формой персидской поэзии».

Рубаи́ (от араб. — «увеличенный вчетверо») — четверостишие философско-афористического характера, в котором рифмуются первая, вторая и четвёртая строки, а третья остаётся без рифмы (*аа — а*).

В детстве ходим за истиной к учителям,
 После — ходят за истиной к нашим дверям.
 Где же истина? Мы появились из капли,
 Станем — ветром. Вот смысл этой сказки, Хайям!

Перевод Германа Плисецкого

Краткость и метафоричность в рубаи сочетаются с глубиной смысла. Его основу составляют два двустишия (*бейта*), отличающиеся ритмической, композиционной и смысловой завершенностью, причём второй бейт содержит вывод из того, о чём говорится в первом.

Совокупность рубаи называют *рубайят*. Наш соотечественник учёный Агатангел Крымский отмечает: «...Звичайно буває так, що коли хтось вимовить слово “рубайят”, то європейці згадують нікого іншого, як Хайяма: в цій поетичній парості він — цар». Омар Хайям значительно расширил возможности жанра рубаи, обогатив его новым гуманистическим содержанием, философскими раздумьями над проблемами бытия.

1. Каковы сущность и происхождение жанра рубаи? Назовите известные вам «секреты» этой формы восточной поэзии.
2. Поясните поэтическое высказывание Самуила Маршака об Омаре Хайяме:

Четыре строчки источают яд,
 Когда живёт в них злая эпиграмма,
 Но раны сердца лечат «Рубайат» —
 Четверостишья старого Хайяма.

3. Можно ли отнести к жанру рубаи данное четверостишие С. Я. Маршака?

РУБАЙЯТ

* * *

Закрой Коран. Свободно оглянись
 И думай сам. Добром — всегда делись.
 Зла — никогда не помни. А чтоб сердцем
 Возвыситься, — к упавшему нагнись.

* * *

Будь мягче к людям! Хочешь быть мудрей? —
 Не делай больно мудростью своей.
 С обидчицей-Судьбой воюй, будь дерзок,
 Но сам клянись не обижать людей!

* * *

Что там, за ветхой занавеской тьмы?
В гаданиях расстроились умы...
Когда же с треском рухнет занавеска...
Увидим все, как ошибались мы.

Перевод *Ивана Тхоржевского*

* * *

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Перевод *Осипа Румера*

* * *

Недостойно — стремиться к тарелке любой,
Словно жадная муха, рискуя собой.
Лучше пусть у Хайяма ни крошки не будет,
Чем подлец его будет кормить на убой!

* * *

От безбожья до Бога — мгновенье одно!
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало, ни много — мгновенье одно!

* * *

Не давай убаюкать себя похвалой —
Меч судьбы занесён над твоей головой.
Как ни сладостна слава, но яд наготове
У судьбы. Берегись отравиться халвой!

* * *

Хорошо, если платье твоё без прорех.
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

* * *

Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

* * *

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О жестокое небо! Едва распустилась,
Как уже осыпается роза моя.

* * *

Трудно замыслы Божьи постичь, старина.
Нет у этого неба ни верха, ни дна.
Сядь в укромном углу и довольствуйся малым:
Лишь бы сцена была хоть немного видна!
Перевод Германа Плисецкого

* * *

Не смотри, что иной выше всех по уму,
А смотри, верен слову ли он своему.
Если он своих слов не бросает на ветер —
Нет цены, как ты сам понимаешь, ему.

* * *

Изначальней всего остального — любовь,
В песне юности первое слово — любовь.
О, несведущий в мире любви горемыка,
Знай, что всей нашей жизни основа — любовь!
Перевод Глеба Семёнова

* * *

Когда б скрижаль судьбы мне вдруг подвластна стала,
Я всё бы стёр с неё и всё писал сначала.
Из мира я печаль изгнал бы навсегда,
Чтоб радость головой до неба доставала.
Перевод с фарси Владимира Державина

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Прочитайте рубаи Омара Хайяма. Какое впечатление они произвели на вас?
2. Можно ли, по вашему мнению, назвать Хайяма поэтом-гуманистом? Какие моральные уроки даёт нам поэт?
3. Найдите и прочитайте рубаи, которые ярко демонстрируют философичность творчества Омара Хайяма. О чём размышляет великий мудрец Востока?
4. Выучите наизусть 2–3 рубаи, которые вам особенно понравились. Аргументируйте свой выбор. Проанализируйте идейно-художественное содержание выученных произведений.

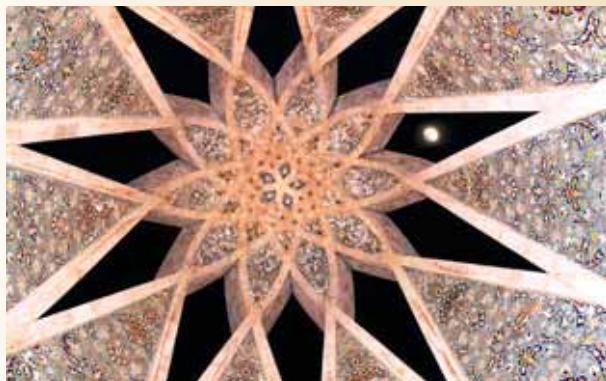
5. Найдите другой перевод (русский или украинский) понравившегося вам рубаи Хайяма и сравните с имеющимися. Что в переводах совпадает? Чем они отличаются друг от друга?
6. Приведите примеры афористичности и метафоричности (образности, иносказательности) поэтического языка Хайяма.
7. Прокомментируйте эпиграф к разделу об Омаре Хайяме. На какие качества поэзии персидского гения указывает Лоик Шерали? Согласны ли вы с такой оценкой? Что можете добавить к сказанному? Предложите свой эпиграф к данному разделу учебника.

У литературной карты мира

Во многих уголках Востока и Запада можно встретить памятники Омару Хайяму: в Ашхабаде (иначе — Ашгабат) (Туркменистан), Душанбе (Таджикистан), Тегеране (Иран), Бухаресте (Румыния) и др.

Одной из известнейших достопримечательностей Ирана является усыпальница Хайяма, возведённая в XX веке посреди прекрасного сада в родном для поэта Нишапуре, где прошли его последние годы. Под куполом гробницы, имеющим форму звезды, — могила великого мыслителя-гуманиста.

Свод гробницы
Хайяма

Гробница
Омара Хайяма
в Нишапуре (Иран).
Архитектор
Хушенг Сейхун

Читателю XXI столетия на заметку

Омар Хайям — один из наиболее известных на Западе поэтов Востока. Мировое признание его творчества началось с публикации в 1859 г. 75-ти рубаи в вольном английском переводе Эдварда Фицджеральда.

На русский язык персидского поэта переводили Иван Тхоржевский, Герман Плисецкий и др. Популяризации поэтических миниатюр Хайяма в украинской культуре способствовали переводы Агатангела Крымского, Василя Мысыка и др.

Свет звезды Омара Хайяма нашёл своё отражение в мировой литературе. Так, Сергей Есенин в «Персидских мотивах» вспоминает великого певца Востока:

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хайям.

Интерес к личности поэта-мудреца породил множество новых рубаи по всему миру. В Украине известность приобрёл сборник этого жанра Дмитра Павлычко.

Узнаём о выдающейся личности

Филолог и историк, востоковед и славист, переводчик и писатель, учёный с мировым именем и полиглот — знаток более 60-ти языков Востока и Запада (включая диалекты многих из них)... Вот далеко не полный перечень определений украинского титана мысли Агатангела Крымского (1871–1942). Его ученик Омелян Прицак назвал учёного «наилучшим крымским подарком Украине» (его отец имел крымско-татарские корни). Не будучи этническим украинцем, он стал истинным патриотом своей Родины — Украины, внёс огромный вклад в развитие её науки и культуры. А. Крымский первым из украинцев исследовал рубаи Омара Хайяма и перевёл их на «соловьиный», «барвинковый» украинский язык.

Агатангел
Крымский

Подытожим изученное

1. Какие факторы обусловили расцвет персидской поэзии в X–XV вв.?
2. Поясните связь биографии Хайяма и его поэтического творчества.
3. Раскройте суть рубаи. Чем можно объяснить широкую распространённость этого жанра среди народов Ближнего и Среднего Востока? Сравните рубаи с известным вам жанром японской лирики. Что у них общего и различного?
4. Какие мотивы, по вашему мнению, преобладают в поэзии Хайяма: оптимистические или пессимистические? Аргументируйте свою точку зрения.
5. С кем из известных вам русских или украинских поэтов вы бы могли сравнить творчество Омара Хайяма? Обоснуйте свою мысль на конкретном примере.
6. Найдите на YouTube ролик, посвящённый творчеству Хайяма, или фильм «Хранитель: Легенда об Омаре Хайяме». Поделитесь впечатлениями с одноклассниками. При желании — подготовьте собственный видеоклип к одному из рубаи персидского поэта.

Постер к фильму
«Хранитель».
(США, режиссёр
Кайван Машайех,
2005)

7. Назовите известных вам переводчиков Хайяма на разные языки. Кто из них способствовал популяризации его рубаи на Западе? А кто сделал Хайяма известным и почитаемым в Украине?
8. Как поэзия персидского титана повлияла на литературу и искусство?
9. Найдите рубаи Дмитра Павлычко и подготовьте выразительное чтение одной его миниатюры. Удалось ли украинскому автору сохранить специфику восточного жанра? Что приобрели рубаи на новой национальной «почве»?
10. Чем объяснить популярность Омара Хайяма в современном мире?

ШОТА РУСТАВЕЛИ

(ОКОЛО 1160/1166 — ОКОЛО 1216)

У скарбниці світової культури по праву лежить світла перлина стародавньої грузинської літератури — пронизана сонцем, насичена благородними ідеями дружби і любові, напоена безсмертними соками народної мудрості поема великого співця і мудреця з Руставі.

Микола Бажан, український поет і перекладач

«ПЕВЕЦ ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЫ И ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ»

Уменно так назвав автора поеми «Витязь в тигровой шкуре» її російський перекладач Николай Заболоцкий. Поет-певец Шота Руставели жив в удивительное для истории Грузии время, названное золотым веком и грузинским Ренессансом (XI – начало XIII в.).

Предпосылки для расцвета всех сфер национальной жизни появились в эпоху царствования **Давида IV Строителя** (1089–1125), который изгнал из страны иноземных завоевателей и объединил разрозненные грузинские княжества в единую державу. Приход к власти его правнучки — мудрой царицы **Тамар** (1184–1213) — усилил национальное возрождение. В стране продолжается строительство дорог, мостов, дворцов, крепостей, храмов, бурно развиваются науки, ремёсла и искусства. Открываются Гелатская и Икалтойская академии — центры научно-философской мысли того времени. На грузинский язык переводятся труды греческих и других философов, произведения античной и персидской словесности. Развивается национальная литература, вершиной которой стала поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

О жизни Руставели сохранилось мало достоверных свидетельств. Главные источники информации — это его поэма и народные легенды. Во вступлении к произведению автор представляется именем Руставели, что означает «из Рустави» и указывает на место рождения поэта. В заключительной части

поэмы имеется ещё одна подсказка — «*месх безвестный из Рустави*», т.е. родом из Месхети, южной провинции Грузии.

Шота Руставели был высокообразованным человеком своего времени. Учился он, как предполагают, в знаменитой Икалтойской академии, а затем в Греции, где в те времена получали образование многие грузины. В совершенстве знал греческий, арабский, персидский, серьёзно изучал литературу и философию.

После окончания учёбы Руставели вернулся в Грузию и стал казначеем при дворе царицы Тамар, а ещё — стихотворцем, призванным воспевать красоту и мудрость правительницы. В период между 1198 и 1212 годами он пишет поэму «Витязь в тигровой шкуре» и посвящает её «солнцеликой» Тамар. Пытаясь избежать соотнесения поэмы с политическими реалиями современной ему Грузии, он убеждает читателя, что использовал для её создания древнее иранское сказание, которое якобы переложил «грузинским складом», облачив при этом в стихотворную форму.

Поговаривают, что Шота как истинный рыцарь был страстно влюблён в свою Прекрасную Даму — царицу Тамар. Да и сам поэт признаётся в этом:

Страсть любви меня, миджнура, к этой повести склонила:
Та, кому подвластны рати, для меня светлей светила.
Поражённый ею в сердце, я горю в огне горнила.
Коль не сжалится светило, ждёт безумного могила¹.

По одной из легенд, за свой труд Руставели был награждён царицей Тамар золотым пером — в знак признания высоких художественных достоинств его творения. По другой — изгнан из страны и отправлен в монастырь, поскольку осмелился признаться «светилу» (царице) в своей безумной любви.

Поэма «Витязь в тигровой шкуре» стала самой крупной жемчужиной в национальной сокровищнице грузинской литературы и заметным явлением в литературе мировой. Объективно содержание произведения значительно превысило замысел, о котором говорит автор во вступлении к нему. Новаторские для Средневековья гуманистические идеи поэмы дали основание грузинскому поэту Ираклию Абашидзе заявить: «*Руставели поднял на недостижимую высоту для своей эпохи и для более поздних времён имя человека*».

¹ Перевод Николая Заболоцкого.

1. В какую эпоху жил Шота Руставели? Почему её называют золотым веком и грузинским Ренессансом?
2. Назовите источники биографических сведений о Шота Руставели. Какое представление о жизни поэта они дают?
3. Что вам известно об истории создания поэмы «Витязь в тигровой шкуре»?
4. Прокомментируйте высказывание И. Абашидзе о Руставели. Согласуется ли оно, по вашему мнению, с определением, данным поэту переводчиком Н. Заболоцким?

Диалог искусств

Культура Грузии отличается значительным своеобразием. На весь мир известны грузинские песни, традиционно исполнявшиеся мужчинами в два, три, а то и четыре голоса. Это так называемое *многоголосие*, или *полифония* — одновременное звучание нескольких мелодий, сливающихся в один звенящий поток. В старые времена дорогим гостем на грузинских свадьбах и народных гуляниях был *местви́ре* — странствующий поэт, музыкант и певец-сказитель. Импровизируя под звуки грузинской волынки, он радовал слушателей весёлыми четверостишиями (*шаи́ри*), а порой — протяжными, как время, сказаниями о героях.

Прославилась Грузия и ремёслами — изделиями из металла, керамики, дерева и др. Приметой её золотого века стало бурное развитие ювелирного искусства и техники чеканки¹.

Своеобразный колорит имеет архитектура Грузии, стиль которой во многом определили горный ландшафт и принятие в IV в. христианства.

Часовыми вечности и символами нескгибаемой стойкости грузинского народа являются возведённые им твердыни. Среди них — крепость *Хертвиси*, что на юге Грузии, а также пещерный монастырь *Вардзия* (XII–XIII вв.), где можно увидеть уникальные фрески, в том числе изображение царицы Тамар. Особый интерес для ценителей литературы представляет монастырский храм Джвари, воздвигнутый в начале VII ст. на вершине горы вблизи Мцхеты (древней столицы Грузии). Именно его изобразил М. Лермонтов в известной вам поэме «Мцыри».

¹ *Чеканка* — художественная обработка металла, заключающаяся в выбивании на пластине определённого рельефа.

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

(Отрывки)

НАЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О РОСТЕВАНЕ, ЦАРЕ АРАВИЙСКОМ

Жил в Аравии когда-то царь от бога, царь счастливый,
Ростеван, искусный воин и владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый, величавый и правдивый,
Был он грозный полководец и мудрец красноречивый.

Кроме дочери, владыка не имел другого чада.
Дочь его звездой сияла и была ему отрада.
Славных витязей царевна с одного пленяла взгляда.
Чтоб воспеть её достойно, мудрецов немало надо.

Тинатин ей дали имя¹. Лишь царевна подросла
И затмила свет светила блеском юного чела,
Царь собрал своих вазиров², знатоков добра и зла,
И завёл беседу с ними про высокие дела.

[Царь Ростеван, ссылаясь на старость, хочет посадить на арабский престол свою дочь Тинатин. Вазиры соглашаются с намерением царя.]

Сын вельможи-полководца, сам прославленный спаспет³,
Автандил-военачальник был в расцвете юных лет.
Стройный станом, почитался он соперником планет,
Но ресницы солнцеликой довели его до бед.

Затаив любовь к царевне, он страдал, испепелённый.
Розы щёк его бледнели в тишине уединённой,
И росло при каждой встрече пламя страсти затаённой...
Сколь достоин сожаленья унывающий влюблённый!

В день, когда решилось дело с солнцеликою царевной,
Боль души его сменилась светлой радостью душевной.
Он сказал: «Теперь всё больше, с каждой встречей ежедневной
Буду я освобождаться от судьбы моей плачевной». [...]

И когда на трон царевну царь возвёл пред всем собором,
И когда её венчал он дивным царственным убором, —
С царским скипетром, в короне, восхваляемая хором,
На людей смотрела дева вдохновенно-кротким взором.

¹ По мнению учёных, буквальное значение имени Тинатин — «отблеск солнечных лучей».

² *Вазир* — царский советник, министр.

³ *Спаспет* — верховный военачальник.

И склонились перед нею все собравшиеся ниц,
И признали эту деву величайшей из цариц,
И ударили кимвалы¹, и, как крылья чёрных птиц,
Все в слезах, затрепетали стрелы девичьих ресниц.

Ей казалось: трон отцовский отдан ей не по заслугам,
Потому в слезах томился садик роз, взращённый югом.
Царь сказал: «Отцы и дети, мы царим здесь друг за другом.
Не отдав тебе престола, был бы я убит недугом!

Не томись напрасно, дочка! — он просил, увещевая. —
Ты теперь надежда наша, отдал все тебе права я.
Аравийская царица, будь правительницей края,
Мудро, скромно, прозорливо государством управляя.

Как бурьяну, так и розам солнце светит круглый год, —
Будь и ты таким же солнцем для рабов и для господ.
Царской щедростью и лаской привлекли к себе народ,
Помни: море не иссякнет, расточая бездны вод.

Щедрость — слава государей и премудрости основа.
Дивной щедростью владыки покоряют даже злого.
Есть и пить любому нужно, в том не вижу я плохого.
Что припрячешь — то погубишь, что раздашь — вернётся снова».

[Тинатин приказывает раздать своё богатство народу. На следующий день царь и его спаспет едут состязаться в стрельбе из лука.]

АРАВИЙСКИЙ ЦАРЬ ВСТРЕЧАЕТ ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Вдруг заметили арабы чужестранца молодого.
Опечаленный, держал он за поводья вороного.
Крупным жемчугом сверкало снаряжение верхового,
Роза инеем покрылась, как от ветра ледяного.

Облачённый в шкуру тигра и в такой же шапке странной,
Он сидел и горько плакал, этот витязь чужестранный.
Толщиной в мужскую руку, плеть его была чеканной².
«Что за странное виденье!» — думал царь со всей охраной.

Наконец, чтобы знакомству положить скорей почин,
Своего раба отправил за пришельцем властелин.

¹ *Кимвалы* (греч.) — древний восточный ударный музыкальный инструмент в виде двух медных тарелок, применяемый в богослужении и в некоторых других торжественных случаях.

² *Чеканный* — тут: изготовленный чеканкой.

Но струился дождь хрустальный из агатовых стремнин,
И не смог ни слова молвить, подскакав, простолюдин.

Произнести не мог ни слова чужеземцу раб смущённый.
Наконец, придя в сознание, он воскликнул, восхищённый:
«Царь велел...» И вновь умолкнул, безгранично удивлённый.
Но его не видел даже витязь тот иноплемённый.

Ничего не слышал витязь и не понял этой речи,
Невдомёк страдальцу было, что войска шумят далече.
Сердце в пламени пылало, тихо вздрагивали плечи,
Кровь мешалась со слезами, как на поле грозной сечи.

Ум его витал далёко, грёз не в силах отряхнуть.
И, когда его посланец пригласил с собою в путь,
Не сказал ни слова витязь, только слёзы лил на грудь.
Не хотела эта роза уст прекрасных разомкнуть.

Серго Кобуладзе. Витязь в тигровой шкуре (1935–1937)

И посланец к Ростевану возвратился без ответа:
«Царь, не хочет этот витязь слышать царского привета,
Ослепил мои глаза он блеском солнечного света,
Только время потерял я, не вини меня за это».

Удивился царь и в гневе приказал немедля слугам:
«Поезжайте все двенадцать, каждый с палицей и луком!
Если этот незнакомец не ответит мне ни звуком,
В плен его возьмите силой и воздайте по заслугам».

Вот рабы, гремя оружием, к незнакомцу подошли,
И очнулся этот витязь, сын неведомой земли.
Оглянулся он внезапно, увидел войска вдали.
«Горе мне!» — сказал, и слёзы по лицу его текли.

И смахнул он эти слёзы, и отёр лицо рукою,
Меч на поясе поправил, лук повесил за спиною,
Сел в седло неторопливо и поехал стороною,
Не послушал, что хотели доложить рабы герою.

Руки воины простёрли, задержать его хотели.
Горе, что он с ними сделал! Их враги бы пожалели!
Он валил их друг на друга, как никто другой доселе,
Рассекал по пояс плетью, пробивая в латах щели!

Царь был взбешен, и в погоню полетел другой отряд.
Вьётся пыль, несутся кони, латы в воздухе горят.
Витязь снова оглянулся и, мешая с рядом ряд,
Стал рабов метать друг в друга, лютым пламенем объят.

Царь вскочил и с Автандилом поспешил на поле брани.
Стройный станом незнакомец тихо двигался в тумане.
Лик его светился светом, конь ярился, как Мерани¹,
Приближенье государя приметил он заране.

Он хлестнул коня, и взвился чудный конь, покорный воле
Седока, и всё исчезло — никого не видно боле:
Ни коня, ни чужестранца... Вознеслись на небо, что ли,
Или в землю провалились — но следы исчезли в поле.

[Тинатин поручает Автандилу разыскать таинственного витязя. Трёхлетние поиски приводят скитальца в пустынный край, где он, наконец, находит незнакомца. Им оказался амирбар² индийского царя Фарсадана Тариэл. Витязи братаются, и Тариэл рассказыва-

¹ *Мерани* — в древних грузинских сказаниях крылатый вороной конь, обгоняющий ветер и помогающий герою в совершении подвигов.

² *Амирбар* — начальник военного флота в Индии XII века.

ет Автандилу о своей любви к царской дочери Нестан-Дареджан и её похищении злыми каджами¹. Поиски царевны привели юношу в Мульгазанзар², где ему довелось побрататься с царём Фридоном и помочь государю вернуть утраченную над державой власть. Не найдя возлюбленной, Таризэл поселяется в отвоёванной у дэвов³ горной пещере. Автандил отправляется в Аравию, но обещает брату вернуться к нему. Тинатин с сочувствием отнеслась к рассказу Автандила и его намерению помочь другу. Однако царь Ростеван не желает и слышать об отъезде спаспета. Тот решается ехать без позволения царя.]

ЗАВЕЩАНИЕ АВТАНДИЛА ЦАРЮ РОСТЕВАНУ

Витязь сел и, скорбный сердцем, так составил завещанье:
«Царь, к покинутому другу я спешу без колебанья.
Не могу его я бросить, он — души моей пыланье.
Будь ко мне добросердечен и прости мои деянья!

Не осудишь ты, я знаю, государь, моё решение.
Мудрый друг не бросит друга, несмотря на все лишенья.
Вспомни, царь, Платон-философ⁴ нам оставил поученье:
«Ложь несёт душе и телу бесконечные мученья».
Так как ложь — источник горя, то, покинув царский кров,
Ради страждущего друга ухожу я от пиров.
Для чего и мудрость людям, коль не чтить её даров?
Знанья мудрых приобщают нас к гармонии миров.

О любви ты, верно, помнишь, что апостолы⁵ гласили,
Как в кимвалы ей бряцали, как в Писаньи⁶ возносили?
«Возвышает человека лишь любовь!» — они твердили.
Прежде всех живущих в мире должен верить им не ты ли? [...]

¹ *Кадж* — в грузинской мифологии злой дух; тут: злое, коварное человекообразное существо, наделённое колдовской силой.

² *Мульгазанзар* (перс. *мульгар* — «лужайка») — вымышленная приморская страна.

³ *Дэв* — в персидской и грузинской мифологии злой демон-великан.

⁴ *Платон* (427–347 до н.э.) — древнегреческий философ, широко известный в странах Востока.

⁵ Имеется в виду сочинение апостола Павла «Первое послание к коринфянам», вошедшее в состав Нового Завета, в котором содержится восхваление любви.

⁶ *Писанье* — Библия (Ветхий и Новый Завет).

Как бы ни был ты разгневан, не лишай меня прощенья:
Я не в силах был исполнить твоего предназначенья.
Мне отъезд послужит средством от тоски и огорченья.
Пусть я буду жить в пустыне, лишь бы жить без принужденья. [...]

О друзьях иметь заботу никогда не вредно людям!
Презирая лицемеров, мы лжецов сурово судим.
Как же мог я, царь великий, стать предательства орудьем?
Хорошо ли, коль на помощь мы спешить к друзьям не будем?

Есть ли кто презренной труса, удручённого борьбой,
Кто теряется и медлит, смерть увидев пред собой?
Чем он лучше слабой пряжи, этот воин удалой?
Лучше нам гордиться славой, чем добычею иной.

Смерть сквозь горы и ущелья прилетит в одно мгновенье,
Храбрецов она и трусов — всех возьмёт без промедленья.
И детей и престарелых ожидает погребенье.
Лучше славная кончина, чем постыдное спасенье! [...]

Многочисленным богатством я владел тебе в угоду.
Ты раздай богатство бедным, возврати рабам свободу.
Надели сирот несчастных, обречённых на невзгоду, —
Пусть я буду и по смерти дорог нашему народу.

Коль не все мои богатства пожелаешь взять в казну ты,
Пусть на них мосты построят и сиротские приюты.
Раздавай мои именья, не колеблясь ни минуты,
Ибо только ты сумеешь погасить мой пламень лютый. [...]

Написавший завещанье, я его теперь кончаю.
Царь, отец и воспитатель! Вновь тебя я покидаю!
Я тебе желаю счастья! Я в тоске изнемогаю!
Не давай врагам отчизны угрожать родному краю!» [...]

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Где начинаются события поэмы? С кем из её героев мы знакомимся в начальной повести? Как автор характеризует их?
2. Почему Ростеван решил возвести на престол свою дочь Тинатин? Какие наставления венценосный отец даёт дочери? Прислушалась ли она к его советам?
3. Перескажите эпизод «Аравийский царь встречает витязя в тигровой шкуре».

4. Что поразило наблюдателей-арабов в облике чужестранного витязя? Как автор изображает его внутреннее состояние? Поясните поведение витязя.
5. Кем оказался витязь в тигровой шкуре? В чём причина его страданий и уединения?
6. Что побуждает Автандила снова отправиться в путь вопреки воле царя? Дайте оценку поступку героя. О чём просит витязь царя в своём завещании?

АВТАНДИЛ НАХОДИТ ТАРИЭЛА ВО ВТОРОЙ РАЗ

[Автандил находит умирающего друга, лежащего посреди пустыни рядом с бездыханными львом и тигром. Спаспету с трудом удаётся отвлечь побратима от мыслей о смерти.]

«...Сядь в седло!» — молил он брата, наречённого светилом,
Ибо знал, что верховому невозможно быть унылым.
И ресницы в знак согласия тот склонил пред Автандилом
И внезапно подчинился, убеждён собратом милым. [...]

Автандил промолвил другу: «Мне служить тебе — отрада,
Но и ты забудь о ранах и не пей напрасно яда.
Бесполезна нам наука, коль творим не то, что надо, —
Посуди, какая польза от закопанного клада?

Мало толку, если горе несчастливому снедает:
До назначенного срока человек не умирает.
Роза, солнца ожидая, по три дня не увядает.
Смелость, счастье и победа — вот что смертным подобает!» [...]

РАССКАЗ ТАРИЭЛА О ТОМ, КАК ОН УБИЛ ЛЬВА И ТИГРИЦУ

«Расскажу тебе, мой витязь, что со мной случилось в поле,
Сам тогда судить ты сможешь о моей несчастной доле.
Проводив тебя, в пещере я не мог томиться боле
И, вскочив на вороного, устремился на приволье.

Я сквозь заросли проехал и на холм поднялся скоро.
Вижу: лев спешит к тигрице, полный страсти и задора.
Их весёлые забавы были радостны для взора,
Но затем меня смутила непонятная их ссора.

Эти яростные звери, столь беззлобные вначале,
Вдруг напали друг на друга и от злобы зарычали.
И отпрянула тигрица, словно женщина в печали.
Лев почуял запах крови и за ней пустился дале.

Рассердился я на зверя и сказал: «Умалишённый!
Разве с милою подругой может ссориться влюблённый?» —
И пронзил его мечом я, сам на муки обречённый,
И свалился лев, от жизни навсегда освобождённый.

Меч я бросил и тигрицу, спрыгнув на землю, схватил.
Я искал её лобзаний ради той, кого любил.
Но она рвала мне кожу и рычала что есть сил.
Распалился я от боли и прекрасную убил.

Ничего не мог я сделать с тварью той неукротимой,
Я её ударил оземь, гневом яростным палимый.
И припомнил я внезапно, как я ссорился с любимой,
И едва в тот миг не умер от тоски невыносимой.

Вот, мой брат, какие беды должен я претерпевать!
Почему же ты дивишься, что решил я умирать?
Я уже простился с жизнью, мне не жаль её отдать...»
И замолк печальный витязь, и заплакал он опять.

Иракли Тоидзе. Иллюстрация к поэме Шота Руставели (1937)

[Видя угнетённое состояние друга, Автандил решает в одиночку отправиться на поиски Нестан-Дареджан.]

ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ, ПРАВИТЕЛЮ МУЛЬГАЗАНЗАРА

Что ты вертишь нас и крутишь, бессердечный мир земной?
Всякий, кто тебе поверит, будет сетовать¹ со мной.
Ты откуда нас приводишь, где сровняешь нас с землёй?
Только Бог один заступник всем отвергнутым тобой!

Витязь плакал и до неба возносил свои стенанья²:
«Снова кровь я проливаю, обречённый на скитанья!
Тяжела друзьям разлука, как загробные свиданья!»
Не равны друг другу люди, и не сходны их желанья!

Звери вокруг него толпились, слёзы горестные лили.
Чистым пламенем пылая, он горел в своём горниле.
Не видал он утешенья, вспоминая о светиле.
Перлы уст полуоткрытых розам в сумраке светили.

Вяла роза, увядала ветвь алоэ, и кристалл
Уподобился лазури и светиться перестал.
Но крепился он и думал, бесприютен и устал:
«Для чего дивиться мраку, если свет невидим стал?»

И воззвал он к Солнцу: «Солнце! Тинатин ты в мире этом!
Оба вы на землю льёте дивный свет зимой и летом!
Я, безумный, я, влюблённый, упиваюсь вашим светом!
Отчего ж моё вы сердце оттолкнули несогретым?»

На один лишь зимний месяц Солнце прячется, не боле!
Я ж покинул два светила — в небесах и на престоле.
Как же мне в беде не плакать? Лишь утёс не знает боли.
Нож плохой больному лекарь: ранит тело поневоле».

И опять молил он Солнце, проезжая среди долин:
«Солнце, ты владыка мира, властелинов властелин!
Слабый раб тобой возвышен и утешен господин!
Не гаси мой день, о Солнце! Дай увидеть Тинатин!

О Зуал³, планета скорби, не щади меня нимало!
Ты моё закутай сердце в гробовое покрывало!
Как осла, гони и мучай от привала до привала!
Но скажи моей любимой, чтоб меня не забывала.

¹ *Сéтовать* — жаловаться.

² *Стенáнье* (устар.) — жалобный стон, плач, кручина, сокрушенье.

³ *Зуáл* — арабское название планеты Сатурн. По учению астрологов, данная планета является предвестницей несчастья и беды.

О Муштар¹, над всей землёю ты судья и вождь верховный!
Вот пришли к тебе два сердца. Разреши их спор любовный!
Не наказывай невинных, чтоб не впасть в обман греховный!
Отчего ж, изранен девой, вновь я ранен, невиновный?

О Марих², звезда сражений, бей меня своим копьём!
Пусть багряными от крови будем мы с тобой вдвоём.
Но скажи ей, как безумно плачу ночью я и днём,
Ты ведь знаешь, что я вынес в одиночестве моём!

Аспироз³, звезда любви, мне союз с тобою нужен!
Жгут меня уста-кораллы, что скрывают ряд жемчужин!
Красоту даёшь ты девам, ею я обезоружен!
Отчего ж ты мне не светишь, коль тебе я так послушен?

Отарид⁴, планета странствий, нас судьба соединила:
Ты горишь в круженьи Солнца, я горю в огне светила.
Опиши мои мученья! Вот из слёз моих чернила.
Пусть пером тебе послужит стан иссохший Автандила.

О, приди ко мне и сжался над душой моей, Луна!
Ты, как я, по воле Солнца то ущербна, то полна.
Расскажи ей, как я стражду! Пусть услышит вновь она:
«За тебя я умираю! Будь же витязю верна!» [...]

И тогда сказал он сердцу: «Для чего твои стенанья?
Сатана в тебя вселяет столь великие терзанья!
Та, чьи волосы как ворон, обрекла нас на скитанья.
Счастье вынести нетрудно, научись сносить страданья!

Если я в живых останусь, то, судьбой не обескрылен,
Я ещё вернусь к царице, телом бодр и духом силен!» —
Так он пел, рыдая горько, сладкозвучен и умилен.
Соловей пред Автандилом был не более как филин.

Звери, слыша Автандила, шли толпою из дубрав,
Из реки на берег камни выходили, зарыдав,
И внимали, и дивились на его сердечный нрав,
И свои точили слёзы, орошая листья трав.

¹ *Муштар* — планета Юпитер, покровительница мудрости.

² *Марих* — планета Марс, считалась предвестницей войны и кровопролития.

³ *Аспироз* — планета Венера, покровительница любви.

⁴ *Отарид* — планета Меркурий, покровительница наук.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Рассмотрите иллюстрацию художника Иракли Тоидзе (на с. 29) и опишите её. Какой фрагмент поэмы Руставели она представляет? Как автору удалось передать напряжённость и трагизм происходящего? В каком литературном произведении вы уже встречали подобную сцену? Что, по-вашему, она символизирует?
2. Что побудило Автандила самостоятельно отправиться на поиски Нестан-Дареджан? Как автор передаёт его внутреннее состояние? Как отвечает природа на стенания и моления Автандила?
3. Удалось ли герою справиться с волнением? Прочитайте, какой наказ он даёт себе.

[Автандил морем отправляется в Гуланшаро¹, где узнаёт, что Нестан-Дареджан томится в Каджети². Ему удаётся получить от неё письмо для Тариэла. В тайниках пещеры дэвов побратимы находят сундук с волшебными доспехами и облачаются в них. Автандил, Тариэл и Фридон в сопровождении отряда из трёхсот всадников едут в Каджети.]

ВЗЯТИЕ КАДЖЕТИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Видел этих я героев, лучезарных, как светило.
От семи планет небесных к ним сиянье нисходило.
Вороной под Тариэлом в нетерпенье грыз удило.
Как сердца они сжигали, так оружие их грозило.

Этих витязей отважных с горным я сравню потоком:
После яростного ливня мчит в ущелье он глубоком,
И ревёт он, и грохочет, и, уже незримый оком,
Успокоенный, смолкает только на море широком.

Хоть соперников не знали ни Фридон, ни Автандил, —
Состязаться с Тариэлом не хватало братьям сил,
Ибо солнце затмевает даже яркий свет светил...
Вот рассказ о том, как витязь вражье племя истребил.

Поле битвы побратимы поделили меж собою.
Каждый воин в их отряде уподобился герою.

¹ *Гуланшáро* (перс. — «Город роз») — вымышленная приморская страна.

² *Каджéти* — сказочная крепость, твердыня каджей.

Ночью, выставив дозорных, предались они покою,
Но с рассветом появились, щит имея под рукою.

Словно путники простые, братья ехали вначале.
Караульные в воротах без опаски их встречали:
Ничего не замечали, лишь стояли да сучали.
Вдруг надели братья шлемы и вперёд, как вихрь, помчали.

В скакуна вонзая шпоры, под весёлый свист кнута
Каждый бросился к воротам под прикрытием щита.
Стража пала бездыханной, не успев закрыть врата.
Бил набат, ревели трубы, начиналась суета.

И решил Творец покончить с этой крепостью бесчестной:
Отвратил свой лик от солнца Кронос¹, злобствуя над бездной,
Опрокинул он на землю колесо и свод небесный,
И повергнутые трупы полегли в долине тесной.

Мощный голос Тариэла заставлял терять сознание.
Витязь рвал мечом кольчуги, рушил латы, одеянья.
С трёх сторон ворвавшись в город, где творились злодеянья,
Братья яростно рубились, очищая эти зданья.

С полководцем Автандилом скоро встретился Фридон.
Враг был смят и уничтожен, кровь текла со всех сторон.
Но, оглядываясь, думал каждый витязь, поражён:
«Что случилось с Тариэлом? Почему не виден он?»

И встревоженные братья к третьим бросились воротам,
Но в живых от целой стражи не осталось никого там.
Десять тысяч там злодеев облились кровавым потом,
Вал разбитого оружия не давал пройти к высотам.

Полегли, как от недуга, в этом месте супостаты —
У того в крови кольчуга, у того в обломках латы,
С петель сорваны ворота, опрокинуты и смяты...
«Узнаём, — сказали братья, — чьи здесь руки виноваты!»

Поднялись они на башню и увидели: луна,
Устремившаяся к солнцу, от дракона спасена.
Тариэл стоял без шлема, в косы куталась она,
Грудь к груди была прижата, шея с шеей сплетена.

¹ *Крónос* — древнегреческое название планеты Сатурн, то же, что и Зуал.

Обнимались, целовались, прижимали лалы¹ к лалам.
 Так Муштар, сияя в небе, обнимается с Зуалом.
 На заре оттенок розы снова делается алым, —
 Пусть и к ним вернётся радость, злополучным и усталым!

Разойтись была не в силах эта пара, светлолица.
 Розы губ, припав друг к другу, не могли разъединиться.
 Наконец они очнулись — юный витязь и девица,
 И царевне два героя поспешили поклониться. [...]

[Витязи вместе с прекрасной Нестан-Дареджан отправляются в обратный путь...]

Перевод с грузинского *Николая Заболоцкого*

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Перескажите фрагмент «Взятие Каджети». Как проявили себя побратимы во время битвы? Каким элементом сюжета является данный эпизод?
2. Рассмотрите иллюстрации Серго Кобуладзе. Соответствуют ли они тексту поэмы и замыслу автора? Аргументируйте свою мысль.

Серго Кобуладзе. Иллюстрации к поэме (1935–1937)

3. Каким, по-вашему, будет финал поэмы? Найдите полный текст произведения и сравните с ним свои предположения.

¹ *Лал* (от араб. ла'л — «красный камень») — устаревшее собирательное название драгоценных камней красного цвета. В поэме употребляется как метафора алых уст и щёк.

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О ГЕРОИЧЕСКОМ В ЛИТЕРАТУРЕ. РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ О ПОЭМЕ

Нам часто приходится слышать: герои Крут, герои Второй мировой, герои УПА, герои Чернобыля, герои Небесной Сотни, герои АТО, герои нашего времени, литературные герои... А кто они такие — герои? И что такое героическое?

Слово *герой* пришло к нам из греческого и в переводе означает «доблестный муж, предводитель». Древние греки так называли тех, кто был рождён от божества и человека, а потому был способен на большее, чем простой смертный. *Герои в литературе* — это главные действующие лица произведений, двигатели сюжета и носители авторской идеи, воплощение черт людей своего времени, своего народа. Реальная жизнь со всеми её сложностями и противоречиями тоже порой рождает героев — людей, способных на Поступок во имя высоких целей и идеалов, во имя общественного блага. Такой самоотверженный поступок, требующий от человека невероятных усилий, а порой и самой жизни, люди уважительно называют *подвигом*, или *героическим поступком*.

Героическое — это проявление возвышенного в общественной жизни и искусстве (мужественный поступок, стойкость перед лицом опасности, жертвенность во имя других или высокой цели). Стимулом к проявлению героического служит острая конфликтная ситуация, принуждающая сделать выбор между достоинством и унижением, верностью идеалам и предательством. Героическое обладает огромной нравственно-эстетической ценностью, силой воздействия на человека и общество. Человек, проявивший героизм, испытывает моральное удовлетворение, чувство выполненного долга. Сопричастность подвигу, переживаемая свидетелями или читателями, вызывает восхищение и гордость за героя, желание быть похожим на него.

Героическое в литературе — форма возвышенного, поэтического возвеличивание доблести, моральной стойкости и самоотверженности героев, проявленных в борьбе за победу добра и справедливости, свободы и независимости, за счастье отдельных людей и общества в целом.

Героическое в тексте позволяет автору разрушить стереотипы и старое мировоззрение, утвердить новую, передовую систему ценностей. Часто в литературе и особенно в фольклоре героическое связано с патриотическим. Недаром немецкий философ Гегель рассматривал героя как воплощение национального духа.

В художественном произведении героическое наиболее ярко проявляется в образах и характерах его героев — их поступках, убеждениях, переживаниях, речи, внешней и внутренней красоте, оценке героев автором и другими персонажами произведения. Из школьного курса литературы вам знакомы героические образы Геракла и Прометея, Ильи Муромца и библейского Давида, Тараса Бульбы и его сына Остапа, безымянного героя повести Дж. Лондона «Любовь к жизни» и героев Дж. Олдриджа Бена и Дэви и др. Они представляют разные народы и культуры, разные жанры и тематику текстов, разных авторов и разное время, но всех их объединяет одно — борьба за то, во что они верили и что любили. И, конечно же, победа, реальная или моральная, над врагом или над собственными сомнениями и слабостями. Именно это преодоление внешних и внутренних препятствий на пути к благородной цели и делает их героями и образцами для подражания.

Ярким воплощением героического в фольклоре и литературе стала *эпическая поэма* — большое стихотворное произведение, в котором изображаются события героического прошлого народа, его борьба с врагами, злом, неправдой, несправедливостью. В центре эпической поэмы — герои-богатыри, подвиги которых ведут к установлению гармонического мира.

Грузинский народ воспел своё героическое прошлое в эпических поэмах-песнях. Древнейшая из них — «**Амираниани**» — рассказывает о подвигах богатыря Амирани и его побратимов. Эпосом грузинского Средневековья стала поэма Шота Руставели «**Витязь в тигровой шкуре**».

1. Что такое героическое? Кого можно назвать героем? Приведите известные вам примеры героев нашего времени.
2. Поясните сущность героического в литературе. Как оно выявляет себя? Назовите и прокомментируйте пример героического образа в литературе или другом виде искусства.
3. В чём заключается специфика эпической поэмы? Назовите известные вам примеры жанра. Докажите или опровергните мысль о том, что поэма Руставели является эпической.

Читателю XXI столетия на заметку

Трагично и одновременно счастливо сложилась судьба творения Руставели. «Чёрные волны» грузинской истории (опустошительные набеги монголов, персов, турок-османов в XIII–XV вв.) поглотили подлинник поэмы. Но «Витязь в тигровой шкуре» не сдавался и продолжал жить в памяти народной и в отдельных, чудом сохранившихся, рукописях. На их основе в 1712 г. в Тбилиси произведение было напечатано.

С течением времени поэма Шота Руставели превратилась в своеобразную Библию грузинского народа: её клали у изголовья вместе со Святым Писанием, подносили невесте в качестве приданого, по ней обучали детей грамоте родного языка. В Грузии и сегодня есть люди, знающие поэму наизусть. Афоризмы Руставели давно стали пословицами, а мотивы поэмы воплотились в народных песнях. Ежегодно в Икалто, где учился поэт, отмечается народный праздник в честь Руставели — *Шотаоба*.

Мир узнал о жемчужине грузинской литературы в конце XIX — начале XX ст. благодаря переводам. «Появление “Витязя в тигровой шкуре” для мировой культуры было похоже на грандиозное археологическое открытие», — пишет Ираклий Абашидзе. Свой вклад в популяризацию поэмы за пределами Грузии внесли переводчики **Ираклий Бартдинский**, **Константин Бальмонт**, **Микола Бажан**, **Николай Заболоцкий** и др.

Диалог искусств

Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» нашла широкое воплощение в искусстве. Музыкальным «ответом» на послание Руставели стали оперы **Димитрия Аракишвили** «Сказание о Шота Руставели» (1919 г.) и **Шалвы Миевелидзе** «Сказание о Тариэле» (1946 г.), балет **Алекси Мачавариани** «Витязь в тигровой шкуре» (1974 г.) и др.

Иллюстрированием поэмы занимались известные мастера книжной графики — **Михай Зичи**, **Ладо Гудиашвили**, **Иракли Тоидзе**, **Серго Кубуладзе** и др. Среди портретов самого Руставели примечательной является работа украинского художника **Михайла Дерегуса**.

*Михайло Дерегус.
Портрет
Шота Руставели*

Читателю XXI столетия на заметку

«Солнечный Руставели» (как назвал поэта Микола Бажан) по праву считается основателем грузинской литературы. Его поэтическое наследие стало настоящим живительным источником, из которого черпали темы, образы и форму стиха многие поколения поэтов. Ему подражали, его воспевали в стихах Давид Гурамишвили, Акаки Церетели, Иракли Абашидзе и многие другие. Образ поэта запечатлели и украинские мастера слова — Максим Рыльский, Павло Тычина, Андрий Малышко.

Стихотворение Максима Рыльского «Шота Руставели» появилось в страшном 1937 году. В условиях разгула Великого террора украинский певец напомнил о вечных ценностях, хранителем и дарителем которых стал поэт-мудрец из Рустави:

«Хто бере — усе той тратить, хто дає — усе придбав»¹.
 Чи не він, поет, це слово для нащадків проказав?
 І така його поема, ніби щедрості рукав,
 Що широко розсипає сотні сот квіток і трав.

У литературной карты мира

С именем Руставели связан иерусалимский монастырь Святого Креста, где, как полагают, поэт провёл свои последние годы и был похоронен. В 1960 г. учёные обнаружили здесь фреску² с изображением коленапреклонённого старца в пышном светском одеянии. Над портретом — надпись по-грузински: «*Шоте, который расписал это, пусть простит Бог. Аминь*». И ниже подпись: «*Руставели*».

Фреска
с изображением Руставели
в иерусалимском
монастыре Святого Креста

¹ Цитата из поэмы «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Микола Бажана.

² Фрэска (от итал. fresco — «свежий») — живопись по сырой штукатурке.

В Тбилиси на проспекте Руставели есть величественный монумент поэту, установленный в трагическом 1942 г. Не так давно памятник поэту появился и в Киеве, на улице, которая тоже носит его имя. Глядя на каменные изваяния поэта, вспоминаешь его мудрые слова: «*Возвышает человека лишь любовь!*»!

Подытожим изученное

1. В чём специфика грузинской культуры? Какую эпоху можно назвать её «золотым веком» и почему?
2. Что вам известно о Руставели? Какие факты говорят о любви грузинского народа к своему поэту?
3. Прокомментируйте эпиграф к разделу. Согласны ли вы с такой оценкой поэмы Руставели? Аргументируйте.
4. Украинский исследователь Александр Мацай пишет: «*Під іноземним одягом героїв "Витязя..." б'ється грузинське серце, зі сторінок поеми постає конкретна дійсність Грузії*». Обоснуйте это утверждение.
5. Поясните жанровое своеобразие поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре».
6. Сравните образы Автандила и Тариэла. Можно ли их характеры назвать героическими?
7. Шота Руставели — настоящий мастер афоризмов. Учёные насчитали в его поэме более двухсот крылатых выражений (авторских и заимствованных). Найдите и выразительно прочитайте строки поэмы, которые, по вашему мнению, имеют афористический характер.
8. Подготовьте выразительное чтение, инсценизацию или художественный пересказ понравившегося вам эпизода поэмы. При пересказе используйте образные выражения автора (метафоры, сравнения, афоризмы и др.).
9. Грузинский поэт Симон Чиковани назвал Николая Заболоцкого «*не только бережным ценителем, но и, по существу, своеобразным деятелем грузинской культуры*». А известный русский исследователь творчества Заболоцкого Адриан Македонов заметил, что «его переводы, дающие представление об оригинале, в то же время являются фактами русской поэзии». Кто из них прав в оценке деятельности переводчика? Обоснуйте.
10. В чём заключается национальное и мировое значение поэмы Руставели?

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

в разделе «Родник жемчужин: средневековая поэзия Востока»

1. Выскажите свои впечатления от знакомства с поэзией Ближнего и Среднего Востока. Почему её называют «родником (источником) жемчужин»?
2. Какой период в истории Ирана и Грузии учёные относят к явлению Восточного Возрождения? Есть ли у них для этого основания? Кого из представителей персидского и грузинского Ренессанса вы знаете?
3. С какими стихотворными жанрами вы познакомились в данном разделе? Назовите их определяющие черты.
4. Сравните изученные вами образцы персидской и грузинской средневековой поэзии. Что в них общего, а чем они отличаются?
5. Является ли творчество изученных вами поэтов Востока актуальным в наше время? Аргументируйте свою мысль.
6. Напишите сочинение на одну из тем:
 - «Урок, который дала мне поэзия Омара Хайяма и/или поэма Шота Руставели»;
 - «Пусть живёт Жизнь!» (по творчеству Хайяма и/или Руставели);
 - «Поэтические строки, которые хочется читать и перечитывать» (по произведениям писателей Востока)».
7. Подготовьте на основе двух-трёх источников сообщение на одну из тем:
 - «Агатангел Крымский как популяризатор рубаи Омара Хайяма»;
 - «Николай Заболоцкий и Грузия»;
 - «Микола Бажан — переводчик поэмы Шота Руставели “Витязь в тигровой шкуре”».
8. Подготовьте мультимедийную презентацию, буктрейлер или плакат-мотиватор по произведению (или творчеству) известного вам поэта Востока. Воспользуйтесь памятками, помещёнными на форзаце учебника.
9. Внимательно рассмотрите шмуцтитул к разделу «Родник жемчужин: средневековая поэзия Востока». Какую информацию о теме несут изображённые на нём образы-символы? Предложите свой вариант шмуцтитула к данному разделу учебника (нарисуйте или устно опишите).

Гимн достоинствам человека, или О вечных ценностях в литературе эпохи Возрождения

Пусть времени глумливый, грубый ход
Доводит их до порчи, разрушенья, —
Былая красота их от забвенья, —
Спасается и прелесть бережёт.

Микеланджело Буонарроти,
итальянский скульптор, художник,
мыслитель, один из крупнейших мастеров
эпохи Возрождения

Ти приймеш знов життя і так захочеш жити!
Його пізнавши глибоко, до дна!

Елена Телига, украинская поэтесса,
литературный критик и политический деятель

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✘ **открыть** для себя творчество *Вильяма Шекспира* и *Мигеля де Сервантеса*;
- ✘ **понять**, почему образы Ромео и Джульетты, а также Дон Кихота называют *«вечными образами»*;
- ✘ **раскрыть** сущность понятий *«Возрождение»*, *«эпос»*, *«драма»*, *«трагедия»*, *«монолог»* и *«диалог»*;
- ✘ **задуматься над тем**, почему Шекспир «не подарил счастья» своим героям и есть ли в современном мире место для «донкихотства».

«ОТКРЫТИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА»

Стремилась все — открыть, изобрести,
Найти, создать... Царила в эти годы
Надежда — вскрыть все таинства природы.
Валерий Брюсов, русский поэт

Эпоху великих культурных перемен в Европе XIV–XVI столетий, для которой характерны возвращение интереса к культуре античности, стремление возродить её высокое прошлое, могучая вера во внутренние силы и возможности человека, называют **ВОЗРОЖДЕНИЕМ**.

Понятие «возрождение» ввёл исследователь истории искусства XVI в. *Джорджо Вазари*. В середине XIX в. в обиход вошло французское слово «*Ренессанс*» — «возрождение», характеризующее эпоху, последовавшую за Средневековьем.

Возрождение, или Ренессанс, характеризуется научным «открытием мира и человека». Появляется понятие «*гуманизм*» (от лат. «человеческий», «человечный»), что означает признание человека высшей ценностью и воплощает дух человеколюбия. Этим термином обозначают философию эпохи Возрождения. Передовые люди того времени — *гуманисты*, провозгласив человека «*венцом природы*», способным познать природу и построить гармоничные отношения в обществе, стремились показать жизнь и земные радости, отстаивали веру в человека и его силы, выступали против полного контроля церкви над деятельностью человека и его образом мысли. Главное действующее лицо этой эпохи — творческая личность, которая стремится максимально раскрыть себя, отстаивает право менять и совершенствовать окружающую действительность, посвящает себя развитию знаний о земном и человеческом.

В этот период утверждаются такие жизненные ценности:

- ✘ свобода личности, её право самостоятельно распоряжаться своей судьбой;
- ✘ стремление к гармонии физического и духовного начал в человеке;
- ✘ активность, сила воли, предприимчивость;
- ✘ земные радости и наслаждение от жизни;

✂ материальный достаток и обогащение как экономические основы независимости личности.

Именно в эту эпоху активно развиваются естественные и математические науки, осуществляются важные исследования в медицине и анатомии, совершаются грандиозные астрономические и географические открытия. Например, было доказано, что земля круглая, а наша планета — это небесное тело, которое движется вокруг Солнца, отважные путешественники открыли пути в далёкие страны, на другие континенты. Существенные изменения происходили и в сфере просвещения. Повсюду открывались школы и университеты. Этому способствовало, в частности, и великое открытие книгопечатания. Так, в 40-х годах XV в. немец *Иоганн Гутенберг* изобрёл первый печатный станок. И уже с 1447 г. стали печататься книги. На смену ведущему языку в эпоху Средневековья — латыни, на котором создавалась литература, пришли национальные языки.

Идеалом мыслителей и художников в эпоху Возрождения был *универсальный человек*, стремившийся к совершенству в разных областях знаний, гармонично сочетающий в себе все радости земной жизни с духовным богатством.

Ярким примером такого человека можно считать итальянского гения *Леонардо да Винчи*, который был не только выдающимся живописцем, но и талантливым математиком, инженером и механиком. Так, например, автор известной всему миру «Джоконды» является также и создателем проекта летательного аппарата.

Леонардо да Винчи — гений эпохи Возрождения (коллаж)

Известными представителями Возрождения были *философы* Мишель Монтень, Томас Мор, Эразм Роттердамский, Мартин Лютер, Таммазо Кампанелло, Никколо Макиавелли, *писатели* Данте Алигьери, Вильям Шекспир, Джованни Боккаччо, Франческо Петрарка, Мигель де Сервантес, Лопе де Вега, *художники* Микеланджело, Боттичелли, Тициан, Рафаэль, Брейгель, Дюрер, Джордоне, Корреджо, *учёные* Николай Коперник, Галилео Галилей, Джордано Бруно, *мореплаватели* Васко де Гама, Христофор Колумб, Фернандо Магеллан и многие другие.

Эпоха Возрождения подарила миру гениальные произведения различных видов искусств и научные открытия, повлиявшие на дальнейшее развитие человечества. Может быть, поэтому интерес к этой эпохе и в нашем XXI в. по-прежнему не ослабевает...

Давайте вместе попробуем раскрыть особенности этой удивительной эпохи в истории человечества, задумаемся над теми «вечными ценностями», которые провозглашают её творения, прочитав одни из «лучших литературных произведений всех времён и народов» — «Ромео и Джульетта» Вильяма Шекспира и «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса.

Памятник Иоганну Гутенбергу в Майнце (1837) (Германия).

Скульптор
Бертель Торвальдсен

1. Какую эпоху в истории культуры и искусства называют Возрождением? Раскройте основные жизненные ценности, которые утверждаются в этот период. Назовите основных представителей эпохи Возрождения.
2. Расскажите, что вам уже известно о появлении книгопечатания в эпоху Возрождения. Как вы считаете, как это открытие повлияло на развитие европейской культуры?
3. Самостоятельно подготовьте сообщение об одном из ярких представителей эпохи Возрождения.

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

(1564—1616)

Поэт не века, а на все века!
Бен Джонсон, английский поэт и драматург

ШЕКСПИР «НА ВСЕ ВРЕМЕНА»

«**К**ниги, как и люди, не переходят из класса в класс без экзамена. Даже самым знаменитым книгам приходится держать экзамен у каждого нового поколения в каждой стране. И бывает, что книга, мирно и спокойно стоящая на полке, как-то незаметно теряет свою жизненность и остроту... Но, к счастью, есть книги, не поддающиеся разоблачающему воздействию времени. Столетия, прошедшие со дня смерти Шекспира, — достаточный срок для самой строгой и многократной проверки. И какие столетия это были, как много великих событий уместилось в них! В таком бурном океане времени мог бы потерпеть крушение и пойти ко дну самый устойчивый и хорошо оснащённый корабль. Этого не случилось с Шекспиром», — так размышлял российский поэт, переводчик Самуил Маршак. Давайте вместе попробуем разобраться, почему, за какие такие заслуги Шекспир действительно остаётся писателем «на все времена»...

О жизни Вильяма Шекспира известно мало. Он родился, по преданию, **23 апреля 1564 года** в городе Стрэтфорде-на-Эйвоне, в графстве Йоркшир. Отец его Джон Шекспир был человеком довольно зажиточным. Юный Шекспир учился в местной школе. В его родной город Стрэтфорд часто приезжали актёрские труппы, они-то и пробудили у юноши любовь к театру. После школы он, по некоторым данным, какое-то время работал помощником учителя, по другой версии — подмастерьем у торговца мясом.

Вторая половина 80-х годов XVI в. — неизвестные страницы жизни Вильяма Шекспира. Они овеяны легендами.

Около 1587 г., возможно, под влиянием странствующей актёрской труппы Шекспир переселяется в Лондон, где

в ту пору было не менее трёх театров (в течение последующих пятидесяти лет число их возрастает до девятнадцати). Будущий писатель работает суфлёром, актёром, правда, на незначительных ролях, начинает писать пьесы, становится совладельцем двух театров: зимнего — «Чёрные братья» и летнего — «Глобус». Скоро Шекспир получает признание, хотя тексты, предназначенные для постановки на сцене, тогда не считались литературой, а их авторы — писателями. Публике они были известны лишь по спектаклям, в печати не появлялись, так как права собственности на них принадлежали труппе.

В 1613 г. Шекспир вернулся в Стрэтфорд, продав свою часть в театре «Глобус». Он отошёл от литературы и театра.

Вскоре он умер, оставив завещание, которое было обнаружено полтора века спустя. В нём говорилось о кольцах на память для друзей, но ни слова о книгах и рукописях. Этот документ стал первым поводом задать так называемый *«шекспировский вопрос»*: был ли Шекспир на самом деле автором всех тех произведений, которые известны сейчас под его именем?

Сегодня на этот вопрос отвечают по-разному. Однако можно утверждать, что именно житель Стрэтфорда и лондонский актёр Вильям Шекспир остаётся наиболее вероятным претендентом на авторство этих выдающихся произведений.

Его пьесы переведены на все основные языки и ставятся на сценах по всему миру намного чаще, чем произведения других драматургов. Очевидно, «секрет Шекспира» заключается в том, что, как писал выдающийся немецкий поэт Генрих Гейне, «арена его драм — земной шар... Вечность — тот период времени, в течение которого разыгрываются его пьесы... Человечество — тот герой его, который непрестанно умирает, и непрестанно воскресает, непрестанно любит и непрестанно ненавидит...».

Проверить на себе влияние творчества В. Шекспира, а возможно, и разгадать главный секрет его творчества сможете и вы, прочитав одну из самых известных пьес драматурга — «Ромео и Джульетта» — в прекрасном переводе выдающегося русского поэта Бориса Пастернака.

-
1. Расскажите, что вам известно о Вильяме Шекспире.
 2. В чём заключается «шекспировский вопрос» и почему он возник?
 3. Воспользовавшись информацией, представленной в рубрике «Читателю XXI столетия на заметку», и дополнительными сведениями, подготовьте мультимедийную презентацию о театре «Глобус».
 4. Прокомментируйте эпиграф к статье о писателе. Предложите свой вариант эпиграфа.
 5. Подготовьте сообщение на тему: «Пьесы Шекспира на сцене украинских театров».

Читателю XXI столетия на заметку

Театр «Глобус» — один из старейших лондонских театров, расположенный на южном берегу Темзы. Его славная история началась в 1599 г.

Сохранились старинные изображения и описания «Глобуса». Он представлял собой круглую деревянную башню, невысокую, с широким основанием, несколько сужающимся кверху. Окон не было, но помещение освещалось дневным светом. Над воротами высилась статуя Геракла, поддерживающего на плечах небесную сферу (отсюда и название театра) с цитатой из римского писателя Петрония «Весь мир — театр».

В 1997 г. в Лондоне на месте прежнего «Глобуса» был открыт реконструированный «Шекспировский театр “Глобус”».

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О ДРАМЕ КАК ЛИТЕРАТУРНОМ РОДЕ. ДИАЛОГ И МОНОЛОГ

Произведение, предназначенное для исполнения в лицах на сцене, называется **драматическим**.

Основу драмы (так сокращённо называют драматическое произведение) составляет *действие*. В этом драма близка рассказу, повести, роману. Но то, о чём в других произведениях, например в повести, рассказывается как о совершившемся событии, факте, в драме предстаёт в качестве действия, разыгрывающегося в настоящем времени, непосредственно на глазах у зрителя.

Дра́ма (от греч. — «действие») — литературный род, который изображает действительность непосредственно через высказывания и действия самих персонажей.

Драма является специфическим видом искусства, который одновременно принадлежит как литературе, так и театру.

Исполнение драматического произведения на сцене называется *спектаклем*. Драматическое произведение — это текст спектакля. Для того чтобы на его основе поставить спектакль, драме необходимо придать свою форму. Так, автор записывает все речи действующих лиц (*реплики*), которые должны произносить актёры, изображающие этих лиц на сцене. Текст речей сопровождается авторскими указаниями об обстановке действия, об игре актёров (*ремарки*). Такие указания необходимы для понимания действия и сообщают режиссёру, актёрам и читателям много важной информации.

Драматические произведения делятся на *действия* (или *акты*). *Действиями* называется та часть произведения, которая во время спектакля исполняется без перерыва. Каждое действие делится на *явления*. *Явлением* называется такая часть действия, во время которой состав действующих лиц, находящийся на сцене, не меняется.

В драматических произведениях действие показано через *конфликты*. **Конфликт** (от лат. — «столкновение») — **противоборство, столкновение, воплощённое в художественном произведении через сюжет**. Так, писатель не просто переносит в своё произведение различные жизненные противоречия и столкновения, а преломляет их в событиях своего повествования, раскрывает в судьбах своих героев.

В драматическом произведении одними из главных средств изображения действия и создания характеров героев являются *диалоги* и *монологи*.

Диалог (от греч. — «разговор, беседа») — в художественном произведении вид устной речи, который представляет разговор двух или более лиц.

Монолог (от греч. — «один» и «слово») — в художественном произведении **развёрнутое высказывание одного лица, не связанное с репликами других лиц**.

В монологе герой раскрывает своё душевное состояние.

В драматическом произведении диалоги и монологи — это одна из основных форм речевой характеристики персонажей.

Таким образом, выделим **основные особенности драмы как литературного рода**:

- ✂ события показываются как живой процесс, разыгрывающийся в настоящем времени, непосредственно на глазах у зрителя;
- ✂ действие передаётся через конфликты;
- ✂ специфическая форма построения произведения: делится на действия (акты) и явления;
- ✂ характеры героев раскрываются через поступки;
- ✂ наличие ремарок, которые передают авторские замечания;
- ✂ речь персонажей (действующих лиц) звучит в форме монологов и диалогов.

- ?
1. Раскройте понятие о драме как литературном роде.
 2. Назовите основные характеристики драматического произведения.
 3. Объясните, как вы поняли, что называется конфликтом в художественном произведении.
 4. Продолжите предложение: «Диалог — это ..., а монолог — это ...».

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

(В сокращении)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЭСКАЛ, князь веронский.

ПАРИС, молодой человек, родственник герцога.

МОНТЕККИ, КАПУЛЕТТИ, главы двух враждующих домов.

ДЯДЯ Капулетти.

РОМЕО, сын Монтекки.

МЕРКУЦИО, родственник князя, друг Ромео.

БЕНВОЛИО, племянник Монтекки, друг Ромео.

ТИБАЛЬТ, племянник леди Капулетти.

БРАТ ЛОРЕНЦО, БРАТ ДЖОВАННИ, францисканские монахи.

БАЛТАЗАР, слуга Ромео.

САМСОН, ГРЕГОРИО, слуги Капулетти.

ПЁТР, слуга кормилицы.

АБРАМ, слуга Монтекки.

АПТЕКАРЬ.

ТРИ МУЗЫКАНТА.

ПАЖ Париса.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН.

ЛЕДИ МОНТЕККИ, жена Монтекки.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ, жена Капулетти.

ДЖУЛЬЕТТА, дочь Капулетти.

КОРМИЛИЦА ДЖУЛЬЕТТЫ.

ГОРОЖАНЕ ВЕРОНЫ,

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ РОДНЯ ОБОИХ ДОМОВ,

РЯЖЕННЫЕ, СТРАЖА, СЛУГИ.

ХОР.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Верона и Мантуя.

ПРОЛОГ

Входит ХОР.

Х о р. Две равно уважаемых семьи

В Вероне, где встречают нас события,

Ведут междоусобные бои

И не хотят унять кровопролитья.

Друг друга любят дети главарей,

Но им судьба подстраивает козни,

И гибель их у гробовых дверей

Кладёт конец непримиримой розни.

Их жизнь, любовь и смерть и, сверх того,

Мир их родителей на их могиле,

На два часа составят существо

Разыгрываемой пред вами были.

Помилостивей к слабостям пера —

Их сгладить постарается игра.

Уходит.

[...]

Юрий Чистяков.

Обложка к одному из

изданий пьесы

«Ромео и Джульетта»

(1987)

АКТ I. СЦЕНА II

Входят БЕНВОЛИО и РОМЕО.

Б е н в о л и о. Молчи, мой друг. Огонь огнём встречают,

Беду — бедой и хворью лечат хворь,

Круженьем вспять круженье прекращают,

И ты с бедою точно так же спорь.

Схватить старайся новую заразу,

И прежняя не вспомнится ни разу.

Р о м е о. Хорош при этом также подорожник.

Б е н в о л и о. При чём, дружок?

Р о м е о. При переломе ног.

Б е н в о л и о. Да ты не спятил?

Р о м е о. Нет, совсем не спятил,
Но на цепи, как спятивший с ума,
Замучен и в смирительной рубашке.

С л у г а. Здорово, сэра. Вы мастер ли читать?

Р о м е о. О да! Свой жребий по складам несчастий.

С л у г а. Спасибо за откровенность. А нам надо, которые по
писаному.

Р о м е о. Куда ты? Я пошутил. Дай я прочту. *(Читает.)*

«Позвать синьора Мартино с супругой и дочерьми;
графа Ансельмо с его прекрасными сёстрами; вдовствующую
госпожу Витрувию;

синьора Плаченцо и его милых племянниц; Меркуцио с его
братом Валентином;

дядю Капулетти с женой и дочерьми; прелестную племянницу
Розалину; Ливию;

синьора Валенцио с его братом Тибальтом; Лючио и его
резвушку Елену».

Прекрасный выбор! А куда их ждут?

С л у г а. Вон в тот конец.

Р о м е о. Куда?

С л у г а. К нам в дом на ужин.

Р о м е о. В чей дом?

С л у г а. Хозяйский дом.

Р о м е о. Об этом всём

Я должен был спросить тебя сначала.

С л у г а. Это я вам сам скажу. Мой хозяин — богач Капулетти.
Может, слышали?

Если вы не родня Монтекки, пожалуйста к нам на чарочку.
(Уходит.)

Б е н в о л и о. У Капулетти, кроме Розалины,

Твоей зазнобы, будут на балу

Виднейшие красавицы Вероны.

Пойдём туда. Когда ты их сравнишь

С твоею павой непредубеждённо,

Она тебе покажется вороной.

Р о м е о. О, если вы такие святотатцы,

Богоотступных глаз моих зрачки,

Пусть ваши слёзы в пламя обратятся

И вы сгорите, как еретики!

Неужто зреньем Бог меня обидел,

Чтоб я на небе солнца не увидел?

Б е н в о л и о. Но ты ведь солнца этого красы

Ещё не клал ни разу на весы.

Взгляни кругом на тех, что попригожей,

И вряд ли будешь петь одно и то же.
 Быть может, твой единственный алмаз
 Простым стеклом окажется на глаз.
 Р о м е о. Пойдём на бал, но не на смотр собрания,
 А ради той, кто выше описаний.
 Уходят. [...]

Савва Бродский. Из иллюстраций к пьесе «Ромео и Джульетта» (1982)

СЦЕНА V

Зал в доме КАПУЛЕТТИ.

Р о м е о. (СЛУГЕ из своей компании)

Кто эта барышня, с которой в ряд
 Стал этот кавалер?

С л у г а. Не знаю, сударь.

Р о м е о. Её сиянье факелы затмило.

Она, подобно яркому бериллу
 В ушах арапки, чересчур светла
 Для мира безобразия и зла.

Как голубя среди вороньей стаи,
 Её в толпе я сразу отличаю.

Я к ней пробьюсь и посмотрю в упор.

Любил ли я хоть раз до этих пор?

О нет, то были ложные богини.

Я истинной красоты не знал доныне.

Т и б а л ь т. Мне показалось, голосом — Монтекки.

Мальчишка, шпагу! Этот негодяй
 Осмелился пробраться к нам под маской
 В насмешку над семейным торжеством!

Ну что ж, у нас находчивости хватит.

Он жизнью мне за этот шаг заплатит.

К а п у л е т т и. Мой дорогой, зачем ты поднял крик?

Т и б а л ь т. У нас Монтекки! Как он к нам проник?

Врывается к нам, ни на что не глядя,

Чтобы позорить нас на маскараде!

Ка пу л е т т и. Ты о Ромео?
Т и б а л ь т. О дрянном Ромео.
Ка пу л е т т и. Приди в себя. Что ты к нему пристал?
Он держится, как должно, и в Вероне
Единогласно признан, говорят,
Примером истинного благородства.
За все богатства мира я не дам
Кому-нибудь у нас его обидеть.
Оставь его, вот мой тебе приказ.
И если для тебя я что-то значу,
Развеселись и больше лба не хмурь.
В гостях надутость эта неуместна.
Т и б а л ь т. Нет, к месту, если лишние в гостях.
Я не снесу...

[...]

Р о м е о (одетый монахом, ДЖУЛЬЕТТЕ).
Я ваших рук рукой коснулся грубой.
Чтоб смыть кощунство, я даю обет:
К угоднице спаломничают губы
И зацелуют святотатства след.
Д ж у л ь е т т а. Святой отец, пожатье рук законно.
Пожатье рук — естественный привет.
Паломники святыням бьют поклоны.
Прикладываться надобности нет.
Р о м е о. Однако губы нам даны на что-то?
Д ж у л ь е т т а. Святой отец, молитвы воссылать.
Р о м е о. Так вот молитва: дайте им работу.
Склоните слух ко мне, святая мать.
Д ж у л ь е т т а. Я слух склоню, но двигаться не стану.
Р о м е о. Не надо наклоняться, сам достану. (Целует её.)
Вот с губ моих весь грех теперь и снят.
Д ж у л ь е т т а. Зато мои впервые им покрылись.
Р о м е о. Тогда отдайте мне его назад.
Д ж у л ь е т т а. Мой друг, где целоваться вы учились?
К о р м и л и ц а. Тебя зовёт мамаша на два слова.
ДЖУЛЬЕТТА уходит.
Р о м е о. А кто она?
К о р м и л и ц а. Да вы-то сами где?
Она глава семьи, хозяйка дома.
Я в мамках тут и выходила дочь.
Вы с ней сейчас стояли. Помяните:
Кто женится на ней, тот заберёт
Хороший куш.

Р о м е о. Так это Капулетти?
 Я у врага в руках и пойман в сети!
 Б е н в о л и о. Прощайся. Вижу, шутка удалась.
 Р о м е о. И даже чересчур на этот раз.
 К а п у л е т т и. О нет, куда вы, господа, так рано?
 Вон слуги с прохладительным идут.
 Не можете? Торопитесь? Ну что же,
 Благодарю. Прощайте. Добрый путь.
 Светите им! А я на боковую.
 Ах, чёрт, а ведь и правда поздний час!
 Пора в постель.

Капулетти другие уходят.

Д ж у л ь е т т а. Кормилица, послушай:
 Кто этот гость у выхода в углу?
 К о р м и л и ц а. Сын и наследник старика Тиберью.
 Д ж у л ь е т т а. А этот вот, который стал в дверях?
 К о р м и л и ц а. А это, кажется, Петруччо-младший.
 Д ж у л ь е т т а. А тот, который подошёл к нему
 И не охотник танцевать?
 К о р м и л и ц а. Не знаю.
 Д ж у л ь е т т а. Поди узнай-ка.
 (КОРМИЛИЦА уходит.)

Если он женат,
 Пусть для венчанья саван мне кроят.
 К о р м и л и ц а (возвращаясь). Его зовут Ромео. Он Монтеки,
 Сын вашего заклятого врага.

Д ж у л ь е т т а. Я воплощенье ненавистной силы
 Некстати по незнанию полюбила!
 Что могут обещать мне времена,
 Когда врагом я так увлечена?

К о р м и л и ц а. Что ты бормочешь?

Д ж у л ь е т т а. Так, стихи, пустое.
 На танцах в паре кто-то подсказал.

Л е д и К а п у л е т т и (за сценой). Джульетта!

К о р м и л и ц а. Слышим, слышим! Знаю, знаю!
 Все разошлись. Пойдём и мы, родная.

Уходят.

[...]

АКТ II. СЦЕНА II

Сад КАПУЛЕТТИ.

Входит РОМЕО.

Ромео. Им по незнанию эта боль смешна.
Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна, убей луну соседством;
Она и так от зависти больна,
Что ты её затмила белизною.

(На балконе показывается ДЖУЛЬЕТТА.)

Оставь служить богине чистоты.
Плат девственницы жалок и невзрачен.
Он не к лицу тебе. Сними его.
О милая! О жизнь моя! О радость!
Стоит, сама не зная, кто она.
Губами шевелит, но слов не слышно.
Пустое, существует взглядов речь!
О, как я глуп! С ней говорят другие.
Две самых ярких звездочки, спеша
По делу с неба отлучиться, просят
Её глаза покамест посверкать.
Ах, если бы глаза её на деле
Переместились на небесный свод!
При их сиянье птицы бы запели,
Принявши ночь за солнечный восход.
Стоит одна, прижав ладонь к щеке.
О чём она задумалась украдкой?
О, быть бы на её руке перчаткой,
Перчаткой на руке!

Джульетта. О горе мне!

Ромео. Проговорила что-то. Светлый ангел,
Во мраке над моею головой
Ты решишь, как крылатый вестник неба
Вверху, на недоступной высоте,
Над изумлённою толпой народа,
Которая следит за ним с земли.

Джульетта. Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!

Отринь отца да имя измени,
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

Ромео. Прислушиваться дальше иль ответить?

Джульетта. Лишь это имя мне желает зла.

Ты б был собой, не будучи Монтекки.

Что есть Монтекки? Разве так зовут

Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?

Неужто больше нет других имён?

Что значит имя? Роза пахнет розой,

*Артур Рекхем.
Ромео и Джульетта
(1909)*

Хоть розой назови её, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!
Р о м е о. О, по рукам! Теперь я твой избранник!
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.
Д ж у л ь е т т а. Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?
Р о м е о. Не смею
Назвать себя по имени. Оно
Благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попало мне в письмо,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.
Д ж у л ь е т т а. Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтеки ты?
Р о м е о. Ни тот, ни этот: имена запретны.
Д ж у л ь е т т а. Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда б тебя нашли мои родные.
Р о м е о. Меня перенесла сюда любовь,
Её не останавливают стены.
В нужде она решается на всё,
И потому — что мне твои родные!
Д ж у л ь е т т а. Они тебя увидят и убьют.
Р о м е о. Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.
Взгляни с балкона дружелюбней вниз,
И это будет мне от них кольчугой.
Д ж у л ь е т т а. Не попадись им только на глаза!
Р о м е о. Меня плащом укроет ночь. Была бы
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.
Д ж у л ь е т т а. Кто показал тебе сюда дорогу?
Р о м е о. Её нашла любовь. Я не моряк,
Но если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы, не страшась,
Пустился в море за таким товаром.
Д ж у л ь е т т а. Моё лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличие,

Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Пренебрегает клятвами любви.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковерной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатленья
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться,
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц,
Мне б следовало сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за лёгкость и доступность.
Р о м е о. Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...
Д ж у л ь е т т а. О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся, — это путь к изменам.
Р о м е о. Так чем мне клясться?
Д ж у л ь е т т а. Не клянись ничем
Или клянись собой, как высшим благом,
Которого достаточно для клятв.
Р о м е о. Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...
Д ж у л ь е т т а. Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Всё слишком второпях и сгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».
Спокойной ночи! Эта почка счастья
Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.
Р о м е о. Но как оставить мне тебя так скоро?
Д ж у л ь е т т а. А что прибавить к нашему сговору?
Р о м е о. Я клятву дал. Теперь клянись и ты.
Д ж у л ь е т т а. Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.
Р о м е о. Ты б эту клятву взять назад хотела?
Д ж у л ь е т т а. Да, для того, чтоб дать её опять.

*Эжен Делакруа.
Ромео и Джульетта
(1846)*

Мне не подвластно то, чем я владею.
 Моя любовь без дна, а доброта —
 Как ширь морская. Чем я больше трачу,
 Тем становлюсь безбрежной и богаче.
 (*Голос кормилицы за сценой.*)
 Меня зовут. Я ухожу. Прощай. —
 Иду, иду! — Прости, не забывай.
 Я, может быть, вернусь ещё. Постой-ка.
 (*Уходит.*)

Р о м е о. Святая ночь, святая ночь! А вдруг
 Всё это сон? Так непомерно счастье,
 Так сказочно и чудно это всё!
 (*На балкон возвращается ДЖУЛЬЕТТА.*)

Д ж у л ь е т т а. Ещё два слова. Если ты, Ромео,
 Решил на мне жениться не шутя,
 Дай завтра знать, когда и где венчанье.
 С утра к тебе придёт мой человек
 Узнать на этот счёт твоё решенье.
 Я всё добро сложу к твоим ногам
 И за тобой последую повсюду.
 [...]

СЦЕНА VI

Келья БРАТА ЛОРЕНЦО.

Входят БРАТ ЛОРЕНЦО и РОМЕО.

Б р а т Л о р е н ц о. Брак надо достоительно освятить,
 Чтобы о том впоследствии не плакать.

Р о м е о. Аминь! Что б ни грозило впереди,
 Все беды перевешивает счастье
 Свидания с Джульеттой хоть на миг.

С молитвою соедини нам руки,
 А там хоть смерть. Я буду ликовать,
 Что хоть минуту звал её своею.

Б р а т Л о р е н ц о. У бурных чувств неистовый конец,
 Он совпадает с мнимой их победой.

Разрывом слиты порох и огонь,
 Так сладок мёд, что, наконец, и гадок:
 Избыток вкуса отбивает вкус.

Не будь ни расточителем, ни скрягой:
 Лишь в чувстве меры истинное благо.

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

Вот и она. Столь лёгкая нога
 Ещё по этим плитам не ступала.
 Влюблённый дух, наверно, невесом,
 Как нити паутины бабым летом.

*Огюст Роден.
 Ромео и Джульетта
 (1905)*

Дж у л ь е т т а. Привет тебе, духовный мой отец!
Б р а т Л о р е н ц о. Благодарю, Ромео, за обоих.
Р о м е о. Скажи, Джульетта, так же ль у тебя
От счастья бьётся сердце? Если так же,
Найди слова, которых я лишён,
Чтоб выразить, что нас переполняет.
Пропой хоть звук из хора голосов,
Которые бушуют в нашей встрече.
Дж у л ь е т т а. Богатство чувств чуждается прикрас,
Лишь внутренняя бедность многословна.
Любовь моя так страшно разрослась,
Что мне не охватить и половины.
Б р а т Л о р е н ц о. Пойдём и поскорей всё обрядим.
Не повенчав, с такою речью страстной
Вас оставлять одних небезопасно.
Уходят.

АКТ III. СЦЕНА I

Площадь.

Входят МЕРКУЦИО, БЕНВОЛИО, ПАЖ и СЛУГИ.

[...]

[Из-под руки РОМЕО ТИБАЛЬТ ранит МЕРКУЦИО и скрывается со своими сообщниками.]

М е р к у ц и о. Заколел!

Чума возьми семейства ваши оба!

А сам ушёл — и цел?

Б е н в о л и о. Большой укол?

М е р к у ц и о. Царапина. Но и такой довольно.

Где паж мой? Сбегай, мальчик, за врачом.

(ПАЖ уходит.)

Р о м е о. Мужайся, рана ведь не из глубоких.

М е р к у ц и о. Ну конечно, колодцы глубже и церковные двери шире. Но довольно и этой. Кликни меня завтра, и тебе скажут, что я отбегался. Для этого света я переперчён, дело ясное. Чума возьми семейства ваши оба! Ах, собака, и крыса, и кошка! Зацарапать человека до смерти! Подлец бессовестный! Выучился драться по книжке! Какого чёрта затесались вы между нами? Меня ранили из-под вашей руки!

Р о м е о. Я вас хотел разнять.

М е р к у ц и о. Веди, Бенвольо,

Куда-нибудь. Я чувств сейчас лишусь.

Чума возьми семейства ваши оба!

Я из-за вас стал кормом для червей.

Всё прахом!

БЕНВОЛИО уходит с МЕРКУЦИО.

Р о м е о. Он — мой друг и родич князя

И ранен тяжело из-за меня.

Я молча снёс смертельную обиду:

Меня пред всеми оскорбил Тибальт,

Тибальт, который скоро больше часу

Стал мне родным! Благодаря тебе,

Джувьетта, становлюсь я слишком мягким.

БЕНВОЛИО возвращается.

Б е н в о л и о. Ромео, наш Меркуцио угас.

Его бесстрашный дух вознёсся к небу,

С презрением отвернувшись от земли.

Р о м е о. Недобрый день! Одно убийство это —

Грядущего недобрая примета.

Возвращается ТИБАЛЬТ.

Б е н в о л и о. Ты видишь, вот опять Тибальт кровавый!

Р о м е о. Как, невредим и на вершине славы?

А тот убит? Умолкни, доброта!

Огненноокий гнев, я твой отныне!

Тибальт, возьми обратно подлеца,

Которого сказал мне! Дух Меркуцио

Ещё не отлетел так далеко,

Чтобы тебя в попутчики не жаждать.

Ты или я разделим этот путь.

Т и б а л ь т. Нет, только ты. Ты в жизни с ним якшался,

Ты и ступай!

Р о м е о. Ещё посмотрим, кто!

(Бьются. ТИБАЛЬТ падает.)

Б е н в о л и о. Беги, Ромео! Живо! Горожане

В движенье. Ты Тибальта заколол.

Тебя осудят на смерть за убийство.

Что ты стоишь? Немедленно беги!

Р о м е о. Насмешница судьба!

Б е н в о л и о. Зачем ты медлишь?

РОМЕО уходит.

[...]

СЦЕНА III

Келья БРАТА ЛОРЕНЦО.

Входит БРАТ ЛОРЕНЦО.

Б р а т Л о р е н ц о. Ромео, выйди. Выходи, несчастный!
В тебя печаль влюбилась. Ты женат
На горести.

Входит РОМЕО.

Р о м е о. Отец, какие вести?

Что приговор гласит? Какое зло
Ещё желало бы со мной знакомства?

Б р а т Л о р е н ц о. Ты прав. С тобою в дружбе беды все.
Я весть принёс о княжеском решенье.

Р о м е о. Он дело переносит в страшный суд?

Б р а т Л о р е н ц о. О нет, зачем? Его решенье мягче:
Ты к ссылке, а не к смерти присуждён.

Р о м е о. О, лучше сжался и скажи, что к смерти!
Мне близость ссылки тяжелей, чем смерть.

Не говори ни слова об изгнание.

Б р а т Л о р е н ц о. Ты выслан из Вероны. Потерпи.
Всё впереди, не клином свет сошёлся.

Р о м е о. Вне стен Вероны жизни нет нигде,
Но только ад, чистилище и пытки.

Из жизни выслать, смерти ли обречь —
Я никакой тут разницы не вижу.

Когда ты мне об этом говоришь,
Ты мне топор вручаешь на подносе,
Чтоб мне с улыбкой голову срубить.

Б р а т Л о р е н ц о. Неблагодарный! Ты ведь по закону
Достоин смерти, а остался жить.

Так что ж, ты слеп, что милости не видишь?

Р о м е о. Какая это милость! Это месть.

Небесный свод есть только над Джульеттой.

Собака, мышь, любая мелюзга

Живут под ним и вправе с ней видаться,

Но не Ромео. У навозных мух

Гораздо больше веса и значенья,

Чем у Ромео: им разрешено

Соприкоснуться с белоснежным чудом

Джульеттиной руки и воровать

Благословенье губ её стыдливых,

Но не Ромео. Этому нельзя.

Он в высылке, а мухи полноправны!

И ты сказал, что высылка — не смерть?

Ты б отравил меня или зарезал,

Чем этим пустословьем донимать.

Изгнание! Изгнание — выражение,

Встречаемое воплями в аду.

И ты, священник, друг, мудрец, наставник,
Ты мог меня изгнанником назвать?
Б р а т Л о р е н ц о. Влюблённый дурень, дай сказать мне слово.
Р о м е о. Ты об изгнание вновь заговоришь.
Б р а т Л о р е н ц о. В защиту от твоих тоскливых мыслей
Я философию препровожу
С тобой в изгнание, спутницу гонимых.
Р о м е о. Опять изгнание? Это не исход.
Твоя премудрость не создаст Джульетты,
Она не сдвинет стен, не упразднит
Приказа. Философия — не помощь.
Б р а т Л о р е н ц о. Ну, значит у безумцев нет ушей.
Р о м е о. Безумцы глухи, а провидцы слепы.
Б р а т Л о р е н ц о. Дай о твоих делах поговорим.
Р о м е о. Молчи о том, чего не понимаешь!
Когда б ты так же молод был, как я;
Любил Джульетту; час, как обвенчался;
Убил Тибальта; так же тосковал
И шёл бы в ссылку, ты бы мог по праву
Судить о том. Тогда б ты на себе
Рвал волосы и по полу катался,
Снимая мерку гроба для себя.
(Стучат в дверь.)
Б р а т Л о р е н ц о. Стучат. Вставай. Скорей, Ромео! Прячься!
Р о м е о. Зачем! Я спрятан всё равно от всех
Стеной непроницаемой печали.
(Стучат.)
Б р а т Л о р е н ц о. Ты слышишь, как стучатся? Уходи.
(Стучат.)
Кто там? Сейчас. — Вставай. Тебя задержат.
Ступай в читальню. Ах, как ты упрям!
(Стучат.)
Сейчас, сейчас! Какое нетерпенье!
Кто там! Кого вам надо? От кого?
К о р м и л и ц а (за сценой).
Откройте дверь, тогда отвечу. Это
Кормилица Джульетты.
Б р а т Л о р е н ц о. В добрый час.
Входит КОРМИЛИЦА.
К о р м и л и ц а. Святой отец, скажите, где Ромео,
Муж госпожи моей?
Б р а т Л о р е н ц о. Он на полу
И пьян от слёз.
К о р м и л и ц а. Какое совпадение!

Точь-в-точь она.
Б р а т Л о р е н ц о. Сочувствие сердец.
Сродство души.
К о р м и л и ц а. Вот так лежит и плачет,
Лежит — и всё. А вам нельзя, нельзя!
Вы встаньте, сударь, встаньте!
Вы мужчина, Вам не к лицу.
Р о м е о. Ах, няня!
К о р м и л и ц а. Вот и «ах»!
Мы все умрём и смерти не минуем.
Р о м е о. Ты о Джульетте говоришь? Ну как?
Что с ней? Я, верно, ей кажусь злодеем?
Ведь я родною кровью обагрил
Ей память детства. Как её здоровье?
Как ей живётся? Где она сейчас?
Что говорит она о нашем браке?
К о р м и л и ц а. Что говорит? Ревёт, ревмя ревёт.
То на постель повалится, то вскочит,
То закричит «Ромео», то «Тибальт»,
И снова навзничь падает.
Р о м е о. Ромео!
Ах, это имя — гибель для неё,
Как было смертью для её родного.
Скажи, где в нас гнездятся имена?
Я уничтожу это помещенье. *(Вынимает шпагу.)*
Б р а т Л о р е н ц о. Сдержи, безумец, руку! Отвечай:
Мужчина ль ты? Слезливостью ты баба,
А слепотой поступков — дикий зверь.
Женородье в образе мужчины!
Зверёныш с человеческим лицом!
Ты удивил меня. Священным саном
Клянусь, я думал лучше о тебе.
Убил ли ты Тибальта? Что же, надо
Убить себя и заодно убить
Свою жену, живущую тобою?
Чем плох твой род и небо и земля,
Которые ты предаёшь хуленьям?
Они соединились все в тебе
Не для распада. Этим ты позоришь
Свою природу и любовь и ум.
Не пользуясь своим тройным богатством,
Подобен ты скупцу-ростовщику.
Твоя природа — восковая кукла,
Когда бесстрашьем не оживлена.

Твоя любовь — игра напрасной клятвой,
 Когда во вред для любящих. Твой ум —
 Как порох у неловкого солдата,
 Который рвётся у него в руках,
 Меж тем, как создан для самозащиты.
 Встань, человек! По ком ты обмирал,
 Жива твоя Джульетта. Это счастье.
 Как ни желал тебя убить Тибальт,
 Ты сам убил Тибальта. Снова счастье.
 Подумай, сколько сыплется удач,
 А ты сердит на собственную участь!
 Смотри, смотри, таким плохой конец.
 Пойди к Джульетте ночью на свиданье,
 Как решено, и успокой её,
 Но возвращайся до обхода стражи,
 А то не сможешь в Мантую попасть.
 Будь в Мантуе, пока найдётся повод
 Открыть ваш брак и примирить дома.
 Тогда упросим, чтоб тебя вернули,
 И радость будет в двести раз сильней,
 Чем горе нынешнего расставанья.
 Кормилица, хозяйке передай,
 Чтоб в доме спать легли сегодня раньше,
 От слёз и так ведь нападает сон, —
 И чтоб она к себе ждала Ромео.
 К о р м и л и ц а. О Боже, Боже! Ночь бы до утра
 Стоять да слушать. Вот она, учёность!
 Скажу, что вы придёте, доложу.
 Р о м е о. И что готовлюсь выговор услышать.
 К о р м и л и ц а. Она послала, сударь, вам кольцо.
 Смотрите, как-нибудь не опоздайте.
 Уходит.

Р о м е о. Как ожил я от этого всего!
 Б р а т Л о р е н ц о. Ступай. Спокойной ночи. Значит, помни,
 Одно из двух: до стражи уходи
 Иль утром проберись переодетым.
 Будь в Мантуе. Я буду посылать
 С твоим слугой по временам известья,
 Как подвигаются твои дела.
 Пора. Дай руку. До счастливой встречи!
 Р о м е о. Я к ней — и под собой не слышу ног,
 А то б с тобой расстаться я не мог.
 Прощай!

Уходят.

Владислав Ерко.
 Из иллюстраций
 к трагедии
 «Ромео и Джульетта»
 (2015)

СЦЕНА IV

Комната в доме КАПУЛЕТТИ.

Входят КАПУЛЕТТИ, ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ и ПАРИС.

Капулетти. У нас несчастье, граф, и до сих пор
Мы с дочерью ещё не говорили.

В Тибальте здесь не чаяли души.

Но смерть есть смерть. Уже довольно поздно.

Джульетта сверху больше не сойдёт.

Когда б не ваше общество, поверьте,

Я тоже лёг бы час тому назад.

Парис. Дни траура — для сватовства не время.

Миледи, вашей дочери поклон.

Леди Капулетти. Я поклонюсь и всё у ней узнаю.

Она утратой вся поглощена.

Капулетти. Парис, я знаю дочь, и я ручаюсь:

Она полюбит вас. Нелепа мысль,

Чтобы она ослушалась. Проведай

Её пред сном, жена, и приготовь

К тому, что сын наш будущий задумал.

И в эту среду... Впрочем, что у нас?

Парис. Сегодня понедельник.

Капулетти. Понедельник?

Пожалуй, в среду рано — не успеть.

Тогда в четверг. Итак, в четверг, скажи ей,

Её с Парисом решено венчать.

Вы будете готовы? Вы согласны?

Без шума. Два-три друга, вот и всё.

А то Тибальт — и вдруг веселье, сплетни,

Не правда ли? Две или три семьи.

Удобно ли в четверг, скажите прямо?

Парис. Жаль, что четверг не завтра, не сейчас.

Капулетти. Отлично. Так в четверг. Теперь ступайте.

А ты сходи к Джульетте. Прикажи,

Чтобы она готовилась к венчанью.

Прощайте, граф. Светите, слуги, мне!

Так поздно, что уж скоро будет рано.

Спокойной ночи!

Уходят.

[...]

Владислав Ерко.

Из иллюстраций к трагедии

«Ромео и Джульетта»

(2015)

**АКТ IV.
СЦЕНА I**

Келья БРАТА ЛОРЕНЦО.

Б р а т Л о р е н ц о. Джульетта, мне твоя печаль известна.
Как быть тебе, ума не приложу.

В четверг, слышал, твоё венчанье с графом
И будто отложить его нельзя.

Д ж у л ь е т т а. Не говори, раз выхода не видишь.

И если ты не можешь мне помочь,
То оправдай меня по крайней мере,
И мне в беде поможет этот нож.

Бог нам сердца связал, ты сплёл нам руки.

Я отдана Ромео. Прежде чем
Я руку с сердцем передам другому,
Я сердца жизнь рукою пресеку.

Итак, перебери свой долгий опыт
И вспомни, нет ли случая, как мой.

А то кинжал защитником мне будет
И честью отстоит мой правый иск.

Будь короток, не говори пространно.

Дай умереть иль залечи мне рану.

Б р а т Л о р е н ц о. Стой, дочка. Я обдумываю шаг,
Такой же, впрочем, страшный, как опасность,
Которую хотим мы отвратить.

Ты говоришь, что вместо свадьбы с графом
В себе нашла бы силу умереть?

Что ж, если так, есть средство вроде смерти
От этого позора и беды.

Я дам его, но тут нужна решимость.

Д ж у л ь е т т а. Чтоб замуж за Париса не идти,

Я лучше брошусь с башни, присосежусь

К разбойникам, я к змеям заберусь

И дам себя сковать вдвоём с медведем.

Я вместо свадьбы лучше соглашусь

Заночевать в мертвецкой или лягу

В разрытую могилу. Всё, о чем

Я прежде слышать не могла без дрожи,

Теперь я, не колеблясь, совершу,

Чтоб не нарушить верности Ромео.

Б р а т Л о р е н ц о. Тогда ступай уверенно домой,

Будь весела и дай отцу согласие

На свадьбу с графом. Завтра ведь среда.

Ляг завтра спать одна. Устрой, чтоб няня

Не оставалась на ночь наверху.

Ляг и пред сном откупорь эту склянку.
Когда ты выпьешь весь раствор до дна,
Тебя скуёт внезапный холод. В жилах
Должна остановиться будет кровь.
Ты обомрёшь. В тебе не выдаст жизни
Ничто: ни слабый вздох, ни след тепла.
Со щёк сойдёт румянец. Точно ставни,
Сомкнутся на ночь наглухо глаза.
Конечности, лишившись управления,
Закоченеют, как у мертвецов.
В таком, на смерть похожем, состояньи
Останешься ты сорок два часа,
И после них очнёшься освежённой.
Когда тебя придёт будить Парис,
Ты будешь мёртвой. Как у нас обычай,
Тебя в гробу без крышки отнесут
В фамильную гробницу Капулетти.
Я вызову Ромео. До того
Как ты проснёшься, мы с ним будем в склепе.
Вы сможете уехать в ту же ночь.
Вот выход, если ты не оробеешь
Или не спутаешь чего-нибудь.
Д ж у л ь е т т а. Дай склянку мне! Не говори о страхе.
Б р а т Л о р е н ц о. Возьми её. Я напишу письмо
И в Мантую отправлю с ним монаха.
Мужайся и решимость прояви!
Д ж у л ь е т т а. Решимость эту я найду в любви.
Прощай, отец.
Уходят.
[...]

СЦЕНА III

Комната ДЖУЛЬЕТТЫ.

Входят ДЖУЛЬЕТТА и КОРМИЛИЦА.

Д ж у л ь е т т а. Да, это платье лучше всех. Но, няня,
Оставь меня на эту ночь одну.

Мне надо облегчить пред свадьбой душу.

Ты знаешь, сколько грешных тайн за ней,

И я должна их отмолить пред небом.

Входит ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

Л е д и Ка п у л е т т и. Вы заняты? Быть может, вам помочь?

Д ж у л ь е т т а. Нет, матушка. Мы всё, что нужно завтра,

Собрали сами. Если вы не прочь,

Пожалуйста, меня одну оставьте,

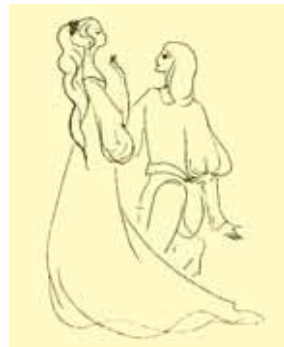
А няня вам поможет в беготне.

У вас хлопот не мало нынче ночью.
 Ле ди Ка пу л е т т и. Спокойной ночи. Ляг и отдохни.
 Тебе необходимо.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ и КОРМИЛИЦА уходят.
 [...]

СЦЕНА V

Комната ДЖУЛЬЕТТЫ.
Входит КОРМИЛИЦА.
 Ко р м и л и ц а. Сударыня! Сударыня! Вставай!
 Пора вставать! Ай-ай, какая соня!
 Ну, погоди! Вот я её, козу,
 Вот я её! Как, так-таки ни слова?
 Да ладно, ладно. Спи, пока дают.
 Спи про запас. Твой граф себя забудет,
 А спать тебе не даст. Вот крепкий сон!
 Однако разбужу её. Джульетта!
 Джульетта! Разве будет хорошо,
 Когда тебя застанет граф в постели?
 Ему-то что. Небось он будет рад.
(Отдёргивает занавеску.)
 Никак, одета? Встала, нарядилась —
 И снова бух? Уж это извини!
 Сударыня! Сударыня! А ну-ка! —
 Не может быть... Сюда! Она мертва!
 О Господи! О Господи! На помощь!
 Глоток наливки! Не перенесу!
Входит ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

Ле ди Ка пу л е т т и. Что ты шумишь?
 Ко р м и л и ц а. Ужасное несчастье!
 Ле ди Ка пу л е т т и. Какое?
 Ко р м и л и ц а. Посмотрите! Не могу...
 Ле ди Ка пу л е т т и. Ах, жизнь моя, дитя моё родное!
 Взгляни, очнись, иль я умру с тобой!
 На помощь! Помогите!
Входит КАПУЛЕТТИ.
 Ка пу л е т т и. Безобразье!
 Жених внизу, а этой нет как нет!
 Ко р м и л и ц а. Джульетта померла! Она скончалась!
 Ле ди Ка пу л е т т и. Джульетты нет, Джульетта умерла.
 Ка пу л е т т и. Пустите! Быть не может! Ни кровинки.
 Окоченела. Холодна, как лёд.
 О Господи, она давно без жизни!
 Всё кончено! Как на поле мороз,
 Смерть пеленой лежит на этом теле!

Надя Рушева.
 Из иллюстраций
 к трагедии
 «Ромео и Джульетта»
 (1966)

Кормилица. О горе, горе!
Леди Капулетти. О беда, беда!
Капулетти. Смерть, взявшая её без сожаленья,
Сжимает рот мне и лишает слов!
[...]

**АКТ V.
СЦЕНА I**

Мантуя. Улица.

Входит РОМЕО.

Ромео. Когда я вправе доверяться сну,

Он обещает мне большую радость.

Я возбуждён и весел целый день.

Какие-то живительные силы

Меня как будто несут над землёй.

Я видел сон. Ко мне жена явилась,

А я был мёртв и, мёртвый, наблюдал.

И вдруг от жарких губ её я ожил

И был провозглашён царём земли.

О, как живит любовь на самом деле,

Когда так оживляет мысль о ней!

Входит БАЛТАЗАР в сапогах со шпорами.

А, Балтазар! С вестями из Вероны?

От моего монаха писем нет?

Ну, как жена? Что дома? Как Джульетта?

Скажи скорее. Дело только в ней.

И всё в порядке, если ей не плохо.

Балтазар. В Джульетте суть. Джульетте хорошо.

Её останки в склепе Капулетти.

Её душа среди ангелов небес.

Я видел погребение Джульетты

И выехал вас тотчас известить.

Помилуйте меня за эту новость,

Я утаить от вас её не смел.

Ромео. Что ты сказал? Я шлю вам вызов, звёзды!..

Беги в мой дом. Бумаги и чернил!

Достанем лошадей и выезжаем.

Балтазар. Не надо падать духом, господин.

У вас горят глаза, и ваша бледность

Добра не предвещает.

Ромео. Пустяки. Оставь меня и делай, что велели.

Мне, значит, от монаха писем нет?

Балтазар. Нет, сударь!

Ромео. Всё равно. Так отправляйся

За лошадьми. Я скоро сам приду.

(БАЛТАЗАР уходит.)

Джюльетта, мы сегодня будем вместе.
Обдумаю, как это совершить.
Как ты изобретательно, несчастье!
Аптекаря я вспомнил. Он живёт
Поблизости. На днях его я видел.
Он травы разбирает. Худой старик,
Весь отощавший от нужды, в лохмотьях.
В аптеке черепаха, крокодил
И чучела иных морских уродов.
Кругом на полках нищенский набор
Горшечных черепков, пустых коробок,
Верёвочных обрывков, трав, семян
И отсыревших розовых лепёшек.
Плачевный хлам, которому с трудом
Придать старались видимость товара.
Тогда же мысль мне в голову пришла:
Когда б у вас нужда явилась в яде,
Который запрещают продавать
Законы Мантуи под страхом смерти,
Несчастный этот вам его продаст.
Как кстати я тогда о нём подумал!
Сейчас он должен будет мне помочь.
Вот, кажется, как раз его лачуга.
Сегодня праздник, лавка заперта.
Аптекарь! Эй, аптекарь!
[...]

Сцена из балета
Александра Прокофьева
«Ромео и Джульетта»
в постановке
Национальной оперы
Украины

СЦЕНА III

Кладбище. Гробница семьи КАПУЛЕТТИ.

Входят ПАРИС и ПАЖ с цветами и факелом.

П а р и с. Дай факел и ступай. Пожалуй, нет:

Задуй его. Я не хочу быть видим.

Вон два-три вяза. Ляг у их корней,

Прижмись к земле и слушай чутким ухом.

Земля внутри на кладбище пуста.

Нельзя ступить, чтобы не отдавалось.

Едва услышишь шорох, свистни мне.

Давай цветы и делай, как сказали.

П а ж (в сторону).

Мне страшно оставаться одному.

Кругом могилы. Надо поневоле!

(Уходит.)

П а р и с. Лежи в цветах — сама, как сад в цвету.

Твоя постель из пепла и гранита.

Я руки над тобой переплétу
И окроплю слезами эти плиты.
А завтра снова принесу цветов
И заброшаю ими твой покров.

(ПАЖ свистит.)

Мальчишка свищет. Кто-нибудь идёт.
Кого несёт нелёгкая к могиле
И мне побыть в раздумье не даёт?
Как, с факелом? Я спрячусь за кустами.

(Прячется.)

Входят РОМЕО и БАЛТАЗАР с факелом и киркой.

Р о м е о. Дай мне кирку и лом. Возьми письмо.

Оно к отцу. Ты должен завтра утром
Снести его. Теперь дай факел мне,
Стань в стороне и, чтобы ни случилось,
Не вмешивайся и держись вдали.

Я вот зачем спускаюсь в подземелье:
Отчасти, чтоб взглянуть в лицо жены,
Но главное, чтоб снять с покойной перстень
Большой цены, в котором мне нужда.

Итак, ступай отсюда и не вздумай
Ходить назад подсматривать за мной,
А то я разорву тебя на клочья
И разброшаю по всему двору.

Я сам неукротим сейчас и страшен,
Как эта ночь. Нас лучше не дразнить,
Как море в бурю и голодных тигров.
Б а л т а з а р. Немедленно уйду, чтоб не мешать.

Р о м е о. И будешь другом. Вот тебе награда.

Прощай. Ты славный малый. Будь здоров.

Б а л т а з а р *(в сторону)*.

А всё-таки я спрячусь здесь в кустах:

Его слова и вид внушают страх.

(Уходит.)

Р о м е о. О смерть с ненасытимою утробой,

Ты съела лучший из плодов земли!

Но вот тебе я челюсти раздвину

И брюхо новой пищею набью.

(Открывает склеп.)

П а р и с. Монтеки это, шурина убийца,

Виновник слёз, которые свели

Джюльетту в гроб. Но негодяю мало,

И он пришёл тела их осквернять.

(Выходит вперёд.)

Монтеки, стой! Не подходи к святыне.

Неужто и умершим можно мстить?
Сбежавший осуждённый, подчиняйся!
Идём. Ты арестован и умрёшь.
Р о м е о. Да, я умру, за этим и явился,
Ты ж, милый юноша, ступай добром.
Не искушай безумного. Подумай
Об этих двух. Они тебе пример.
Не делай сызнова меня убийцей —
Тебя люблю я больше, чем себя.
Я здесь готовлю над собой расправу.
Беги, мой друг! Беги, покуда цел.
Тебя больной в горячке пожалел.
П а р и с. Твои слова встречаю я презреньем
И по закону задержу тебя.
Р о м е о. Ты так настойчив? Ну, так защищайся!
Бьются.
П а ж. У них дуэль! Я кликну караул!
(Уходит.)
П а р и с. Я умираю! *(Падает.)* Если ты не камень,
Прошу, внеси меня к Джульетте в склеп.
(Умирает.)
Р о м е о. Внесу. Кто это? Надобно б взглядеться.
Родня Меркуцио, бедный граф Парис!
О чём, когда мы ехали верхами,
Дорогой говорил мне человек?
Не о предполагаемом ли браке
Джульетты и Париса? Или нет?
Быть может, это мне во сне приснилось?
Быть может, это я с тоски прочёл
В его предсмертной просьбе? Дай мне руку.
Мы в книге бедствий на одной строке.
Ты ляжешь в величавую могилу.
В могилу? Нет, в сияющий чертог.
Среди него покоится Джульетта
И наполняет светом этот склеп.
Лежи, мертвец, похоронённый мёртвым!
(Кладёт ПАРИСА в гробницу.)
Пред смертью на иных находит смех.
Свидетели зовут веселье это
Прощальными зарницами. Теперь
Проверю я, зарницы ль эти вспышки.
Любовь моя! Жена моя! Конец
Хоть высосал, как мёд, твоё дыханье,
Не справился с твоею красотой.
Тебя не победили: знамя жизни

Горит в губах твоих и на щеках,
И смерти бледный стяг ещё не поднят.
И ты тут, в красном саване, Тибальт?
Какую радость я тебе доставлю!
Смотри: сразившею тебя рукой
Сейчас сразу я твоего убийцу.
Прости меня! Джульетта, для чего
Ты так прекрасна? Я могу подумать,
Что ангел смерти взял тебя живьём
И взаперти любовницу держит.
Под страхом этой мысли остаюсь
И никогда из этой тьмы не выйду.
Здесь поселюсь я, в обществе червей,
Твоих служанок новых. Здесь останусь,
Здесь отдохну навек, здесь сброшу с плеч
Томительное иго звёзд зловещих.
Любуйтесь ею пред концом, глаза!
В последний раз её обвейте, руки!
И губы, вы, преддверия души,
Запечатлейте долгим поцелуем
Со смертью мой бессрочный договор.
Сюда, сюда, угрюмый перевозчик!
Пора разбить потрёпанный корабль
С разбега о береговые скалы.
Пью за тебя, любовь!
(*Выпивает яд.*) Ты не солгал,
Аптекарь! С поцелуем умираю.
(*Умирает.*)

*Марк Шагал.
Ромео и Джульетта
(1964)*

*С другого конца кладбища входит БРАТ ЛОРЕНЦО с фонарём,
ломом и лопатой.*

[...]

(ДЖУЛЬЕТТА пробуждается.)

Д ж у л ь е т т а. О монах,
Где мой супруг? Я сознаю отлично,
Где быть должна. Я там и нахожусь.
Где ж мой Ромео?

Шум за сценой.

Б р а т Л о р е н ц о. Слышишь, кто-то ходит.
Уйдём скорей из этого гнезда
Заразы, смерти и оцепененья.
Другая сила, больше, чем моя,
Предупредила нас. Идём отсюда.
У ног твоих лежит твой мёртвый муж,
И с ним Парис. Поторопись. Ты вступишь
Монахиней в обитель. Поспешим.

Не спрашивай меня. Подходит стража.
 Джульетта, торопись! Мы на виду.
 Джульетта. Ступай один, отец. Я не пойду.
 (Брат ЛОРЕНЦО уходит.)

Что он в руке сжимает? Это склянка.
 Он, значит, отравился? Ах, злодей,
 Всё выпил сам, а мне и не оставил!
 Но, верно, яд есть на его губах.
 Тогда его я в губы поцелую
 И в этом подкрепление смерть найду.
 (Целует РОМЕО.)

Какие тёплые!
 Первый сторож. Где это место?
 Веди, любезный.
 Джульетта. Чьи-то голоса.
 Пора кончать. Но вот кинжал, по счастью.
 (Схватывает кинжал Ромео.)
 Сиди в чехле. (Вонзает его в себя.)
 Будь здесь, а я умру.
 (Падает на труп Ромео и умирает.)

[...]
 Князь. Где вы, непримиримые враги,
 И спор ваш, Капулетти и Монтеки?
 Какой для ненавистников урок,
 Что небо убивает вас любовью!
 И я двух родственников потерял
 За то, что потакал вам. Всем досталось.
 Капулетти. Монтеки, руку дай тебе пожму.
 Лишь этим возмести мне вдовью долю
 Джульетты.
 Монтеки. За неё я больше дам.
 Я памятник ей в золоте воздвигну.
 Пока Вероной город наш зовут,
 Стоять в нём будет лучшая из статуй
 Джульетты, верность сохранившей свято.
 Капулетти. А рядом изваяньем золотым
 Ромео по достоинству почтим.
 Князь. Сближение ваше сумраком объято.
 Сквозь толщу туч не кажет солнце глаз.
 Пойдём, обсудим сообща утраты
 И обвиним иль оправдаем вас.
 Но повесть о Ромео и Джульетте
 Останется печальнейшей на свете...
 Уходят.

Рафаль Олбински.
 Постер к опере
 Шарля Гуно
 «Ромео и Джульетта»
 (2008)
 (первое исполнение:
 Париж, 1867 год)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

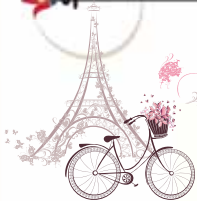
1. Поделитесь своими впечатлениями о прочитанном.
2. Действие трагедии происходит в:
А Стрэтфорде
Б Вероне
В Лондоне
Г Мантуе?
3. Объясните, как вы поняли пролог к трагедии.
4. Когда впервые на сцене появляется Ромео? Каким вы увидели этого персонажа?
5. Найдите в тексте и зачитайте, как характеризует любовь Ромео. Согласны ли вы с такой характеристикой? Объясните почему.
6. Проследите по тексту, в каких взаимоотношениях находятся основные персонажи трагедии.
7. Обоснуйте, почему, несмотря на вражду семей, герои не отказываются от своего чувства. Аргументируйте свой ответ, используя цитаты из текста.
8. Как вы думаете, почему брат Лоренцо согласился помочь влюблённым?
9. Прокомментируйте строчки трагедии, вложенные в уста князя:

*Где вы, непримиримые враги,
И спор ваш, Капулетти и Монтекки?
Какой для ненавистников урок,
Что небо убивает вас любовью!*

10. Составьте цитатную характеристику образов Ромео и Джульетты.
11. Обоснуйте, как вы понимаете строки поэта Е. Евтушенко: «Любовь — дитя планеты, Ромео и Джульетты в любом краю...»?
12. Как автору удалось передать свои чувства в конце произведения? Аргументируйте свой ответ конкретными примерами из текста.
13. Сформулируйте главную мысль произведения.
14. Согласны ли вы с утверждением, что, несмотря на трагический финал, любовь Ромео и Джульетты торжествует, а не терпит поражение? Обоснуйте свой ответ.

У литературной карты мира

В итальянском городе Вероне туристов со всего мира, несомненно, привлекают места, напоминающие об истории шекспировских влюблённых. И хотя основные достопримечательности города — дома главных героев трагедии, балкон и гробница Джульетты — с самими персонажами пьесы исторически не имеют ничего общего, Верона смело может соперничать с Парижем за статус самого романтического города мира.

Здесь в 1972 году во внутреннем двореике Дома Джульетты была установлена бронзовая фигура героини, созданная местным скульптором **Костантини Нерео**. Считается, что прикосновение к статуе приносит удачу в любви. Также в Вероне обязательно нужно постоять на балконе или под балконом дома Джульетты (в зависимости от того, кем вы себя хотите представить — Ромео или Джульеттой).

Балкон
Джульетты

Статуя Джульетты
в Вероне

Гробница Джульетты также привлекает к себе множество посетителей. Сюда приходят влюблённые, кладут цветы и маленькие записки, дают клятвы любви.

Для поклонников Шекспира в доме Джульетты установлены почтовые ящики, а также компьютеры, с помощью которых все желающие могут написать письмо любимым героям. Послания передаются волонтерам Клуба Джульетты. А как работает этот Клуб, вы сможете узнать, посмотрев романтическую комедию «Письма к Джульетте» (режиссёр **Гари Виник**, США, 2010 г.).

Каждый год 16 сентября в здании музея проходит празднование «Дня рождения Джульетты», а в день святого Валентина в одном из его залов приветствуют авторов наиболее трогательных посланий к шекспировской героине.

Из тайников искусства слова

ТРАГЕДИЯ КАК ЖАНР ДРАМЫ

Трагедия — один из основных жанров драмы, противоположный комедии.

Трагедией называют такие драматические произведения, в которых изображаются острые, непримиримые жизненные противоречия, таящие в себе катастрофические последствия и чаще всего завершающиеся гибелью героя.

Трагедия рождает в сердцах зрителей и читателей сильный душевный подъём (*катарсис*), сложное чувство сопереживания происходящему. Трагедия отличается возвышенным стилем, обострённой борьбой, которая, как правило, сопровождается внутренними психологическими противоречиями в душе главного героя.

Классическая трагедия имела ряд характерных признаков: излагалась она обязательно стихами, в ней категорически запрещались комические сцены, игра на сцене почти не допускалась, а герои ограничивались декламацией своих ролей.

Совершенно иной характер имела *шекспировская трагедия*, с большим количеством действующих лиц, сложными взаимоотношениями между персонажами. В ней допускались также и комические сцены. Действие делало необходимой оживлённую игру актёров. И хотя шекспировская трагедия тоже написана стихотворной речью, она более свободна, чем в классических трагедиях, и более приближена к разговорной.

1. Раскройте понятие трагедии как литературного жанра.
2. Расскажите, чем шекспировская трагедия отличалась от классической.

Диалог искусств

Драматический сюжет о Ромео и Джульетте нашёл своё распространение не только в литературных произведениях. Во все последующие времена к вечным образам двух влюблённых обращались художники и скульпторы, музыканты и хореографы и, конечно же, режиссёры — театра и кинематографа.

В живописи своё видение образов трагедии оставили такие известные мастера, как **Михаил Врубель**, **Марк Шагал**, **Эжен Делакруа** и многие другие.

Михаил Врубель. Ромео и Джульетта (1895–1896)

Всемирно известный испанский художник **Сальвадор Дали** в 1975 г. также создал цикл иллюстраций к пьесе Шекспира. Красочные и удивительно эмоциональные, кажется, что они в каждом штрихе передают настроение художника.

Сальвадор Дали. Иллюстрации к трагедии «Ромео и Джульетта» (1975)

В музыке в 1869 году историю Ромео и Джульетты воплотил выдающийся русский композитор **Пётр Чайковский**. Шекспировский сюжет захватил композитора, он создал увертюру-фантазию «Ромео и Джульетта». Это произведение хорошо известно во всём мире.

В сентябре 1935 года другой известный композитор, уроженец Украины, **Сергей Прокофьев** завершил свою работу над музыкой к балету «Ромео и Джульетта». Это гениальное произведение до сих пор очень популярно во всём мире.

Современные музыканты, работающие в разных стилях и жанрах, также часто обращаются к образам этой великой трагедии. Например, именно под влиянием образа шекспировской Джульетты были созданы одноимённые песни известных рок-групп **«Наутилус Помпилиус»** и **«Океан Эльзы»**.

Существует огромное количество экранизаций этой знаменитой пьесы В. Шекспира. «Киношекспириана» впечатляет и количеством, и качеством созданных фильмов. Так, в 1968 году на экраны разных стран мира вышел яркий, страстный, незабываемый кинофильм режиссёра **Франко Дзеффирелли** «Ромео и Джульетта». Премьера этого фильма сразу стала событием в культурной жизни многих стран. Фильм получил две премии Оскар (номинаровался на четыре), три Золотых Глобуса, премию Давида Донателло (итальянский вариант Оскара), другие награды и призы зрительских симпатий. И несмотря на то, что в последующие годы было создано много разных киноверсий трагедии В. Шекспира, фильм Франко Дзеффирелли до сих пор считают непревзойдённым.

В 1996 году был снят фильм режиссёра **Бэза Лурмана** «Шекспировские Ромео + Джульетта». Этот фильм

Лурманна стал успешным экспериментом над вечной темой. Леонардо Ди Каприо (исполнитель роли Ромео) получил приз за лучшую мужскую роль на Берлинском кинофестивале. Несомненным достоинством фильма Лурманна является то, что он привлёк многих подростков к произведению Шекспира и даже вызвал интерес к более ранним постановкам «Ромео и Джульетты» в кино.

Одной из последних экранизаций трагедии Шекспира стал американский фильм «Ромео и Джульетта» (2014 г.) режиссёра **Дона Роя Кинга**. Роль Ромео в нём исполнил популярный актёр **Орландо Блум**.

Постер к фильму «Ромео и Джульетта» (Великобритания, Италия, Швейцария, 2013). Режиссёр Карло Карлей

Подытожим изученное

1. Прокомментируйте высказывание Самуила Маршака о Вильяме Шекспире: *«Его чествует весь мир, так сильно изменившийся после него»*.
2. Дайте свою оценку поступкам Ромео и Джульетты.
3. Объясните, чем обусловлен основной конфликт произведения.
4. В группах подготовьте рекламные проекты по прочитанному произведению.
5. Кому принадлежат финальные слова:
*«Но повесть о Ромео и Джульетте
Останется печальнейшей на свете...»?*

А кормилице Джульетты	В Парису
Б князю	Г брату Лоренцо
6. С помощью конкретных примеров докажите, что «Ромео и Джульетта» — это трагедия.
7. Раскройте понятия «диалог» и «монолог». Подготовьте выразительное чтение отдельного диалога или монолога (*на ваш выбор*) из пьесы Шекспира. Обоснуйте свой выбор.
8. Подготовьте сообщение на тему: «Литературные произведения, созданные по мотивам шекспировской трагедии».

9. Самостоятельно или в парах выполните задание исследовательского характера: прочитайте оригинал фрагмента текста В. Шекспира; выделите и выпишите слова и словосочетания, при чтении которых у вас возникли трудности; с помощью словарей или других источников выясните их значение и найдите их современные аналоги; сделайте вывод о том, как изменился английский язык со времён В. Шекспира.

Romeo. With love's light wings did I o'erperch these walls;
For stony limits cannot hold love out,
And what love can do, that dares love attempt.
Therefore thy kinsmen are no let to me. [...]

Juliet. Thou knowest the mask of night is on my face;
Else would a maiden blush bepaint my cheek
For that which thou hast heard me speak to-night.
Fain would I dwell on form- fain, fain deny
What I have spoke; but farewell compliment!
Dost thou love me, I know thou wilt say 'Ay';
And I will take thy word. Yet, if thou swear'st,
Thou mayst prove false. At lovers' perjuries,
They say Jove laughs [...]

10. Раскройте, в чём заключается «светлый трагизм» финала произведения.
11. Почему, на ваш взгляд, в стихотворный текст трагедии вкраплены прозаические отрывки?
12. Подготовьте мультимедийную презентацию на тему: «Драма “Ромео и Джульетта” В. Шекспира, воплощённая в других видах искусства».
13. Напишите сочинение на одну из тем:
- «Любовь сильнее смерти» (по трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта»);
 - «О чём заставляет задуматься история о Ромео и Джульетте?»;
 - «Гимн всепобеждающей любви или жестокая трагедия, постигшая влюблённых?» (по трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта»).
14. В группах подготовьте театральную афишу или эскизы костюмов или декораций по трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта».
15. С помощью дополнительных источников найдите комиксы, посвящённые Ромео и Джульетте. Выберите наилучшие из них и обоснуйте свой выбор. По желанию нарисуйте свой вариант комикса на эту тему.

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА
(1547–1616)

Для меня одного родился Дон Кихот, а я родился для него, ему суждено было действовать, мне — описывать, мы с ним составляем чрезвычайно дружную пару.

Мигель де Сервантес

СОЗДАТЕЛЬ БЕССМЕРТНОГО ОБРАЗА ДОН КИХОТА

Мигель де Сервантес Сааведра — выдающийся испанский писатель, один из наиболее ярких представителей культуры Позднего Возрождения. Его роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», по результатам опроса ста выдающихся литераторов мира, проведённого Нобелевским институтом (г. Осло) в 2002 г., признан лучшим художественным произведением за всю историю человечества. А образ главного героя, надеемся, навсегда стал вечным.

История жизни создателя этого шедевра не менее интересна, чем написанный им роман. Родился Сервантес 29 сентября 1547 г. в городке Алькала-де-Энарес, находящемся недалеко от Мадрида, в семье врача. Его отец относился к так называемым идалго — обедневшим дворянам, поэтому начиная с раннего детства Сервантес хорошо знал, что такое нужда. Несмотря на это, Мигелю удалось получить достойное философское и юридическое образование (частично от учителей, но в большей степени в результате самостоятельной работы). Его первым литературным наставником был Хуан Лопес де Ойос — известнейший в то время педагог-гуманист. Именно под его влиянием Мигель написал сонет, эпитафию, элегию и несколько других стихотворений.

Любимой поговоркой отца Мигеля была такая: «Три вещи: церковь, море, дворец. Избери одну — и нужде конец». Руководствуясь этим наставлением, Сервантес посту-

пил на службу секретарём кардинала Джулио Аквавиве. Затем судьба распорядилась так, что он оказался в рядах испанской армии, которая в то время вела войну с турками. Вот как об этом периоде рассказывает в романе «Сервантес» немецкий писатель Бруно Франк (1887–1945): «Военная жизнь изменила его. Из худого, скромного он превратился в крепкого и смелого солдата. Его загорелое лицо весело глядело из-под железной каски. Солдаты любили и уважали Сервантеса. Он знал много историй и прибауток, любил смех и острую шутку, был отважным и жизнерадостным человеком, храбрым воином». В 1571 г. Сервантес принимал участие в знаменитой морской битве при Лепанто, в ходе которой получил тяжёлое ранение. И хотя его левая рука на всю жизнь осталась парализованной, это не заставило будущего писателя покинуть армию.

В 1575 г. Сервантес по служебным делам отплыл из Италии, где в то время была расквартирована испанская армия, в Испанию. Галеру «Солнце», на борту которой он находился вместе с младшим братом Родриго, захватили алжирские пираты. Родители не могли выплатить огромную сумму, требуемую за освобождение сыновей. Когда семье и друзьям Сервантеса в 1577 г. величайшими усилиями удалось собрать деньги на выкуп одного из узников, Мигель проявил истинное благородство, предложив освободить младшего брата. Сам же провёл ещё целых 5 лет с железным кольцом на шее и в цепных оковах, пока его не выкупили монахи-доминиканцы.

Вскоре после возвращения домой бывший пленник решил заняться сочинительством. Из-под его пера вышли около 30 небольших драматических произведений в комическом жанре, которым не суждено было стать популярными, а также роман в стихах и прозе «Галатеея», имевший некоторый успех. Но литературное творчество не принесло Сервантесу достатка. Стремясь решить материальные проблемы, он устроился комиссаром по продовольственным поставкам для королевского флота, затем сборщиком налогов. Но, не имея необходимых навыков, небрежно оформлял отчёты, из-за чего его не раз обвиняли в растрате казённых денег. Поэтому Сервантес дважды оказывался в тюрьме. Именно за тюремной решёткой и родились первые главы всемирно

известного романа. Вот как об этом написал в прологе к поэме «Пригоди Дон Кіхота», являющейся поэтическим пересказом произведения испанского писателя, Иван Франко:

Отам, в тюрмі в його умі	Що на весь світ, у всі віки
Дитя те почалось,	Соколом понеслось.

Роман о Дон Кихоте был задуман как пародия на средневековый рыцарский роман, исчерпавший к тому времени свои возможности. Российский литературовед И. Шайтанов отмечает: «Но если замысел и возник как пародийный, то его исполнение значительно переросло первоначальный план, подтвердив истину, что многие великие открытия в искусстве начинаются с полемического переосмысления существующей традиции, в отталкивании от неё»¹.

Главный герой романа — обедневший дворянин Алонсо Кихано, который под впечатлением от рыцарских романов придумал себе благородное имя Дон Кихот Ламанчский, подкрепив его романтическим прозвищем Рыцарь Печального Образа. В поисках подвигов он отправился в путешествие, в котором его верным спутником и оруженосцем становится находчивый крестьянин Санчо Панса. Дон Кихот попадает в самые разные ситуации — комические и драматические, но все свои геройства он, как и полагается настоящему рыцарю, посвящает «Даме сердца», до которой его богатое воображение вознесло простую деревенскую девицу Дульсинею Тобосскую.

Как же воспринимали этот образ читатели? У кого-то он вызывал смех, у кого-то жалость, кто-то видел в нём великого романтика и благородного рыцаря. «И что интересно, чем мизернее попадался читатель, тем сердечнее он потешался над Дон Кихотом, даже добрел и великодушничал.

А Байрон почему-то не смеялся: «Из всех повестей это самая печальная...»

А Гейне с детства плакал, когда читал, как победил Дон Кихота омерзительный цирюльник Самсон Караско, и в зрелом возрасте «на фатальных раздорожьях» своей жизни призывал образ «худощавого рыцаря»...

¹ Шайтанов И. О. История зарубежной литературы. Эпоха Возрождения: В 2-х т. — М. : Гуманит изд. центр ВЛАДОС, 2001. — Т. 2. — С. 158.

А Достоевский¹ исповедался: “Я только что приравнял графа Шамборак Дон Кихоту, но высшей похвалы я не знаю...”

А Эйнштейн², которого не без оснований (и не вопреки его самооценке) принимали за Дон Кихота, черпал воодушевление в этом образе...»³

Попробуйте и вы открыть своего Дон Кихота.

1. Расскажите, какой образ Сервантеса сложился в вашем воображении.
2. Прочитайте текст, приведённый в рубрике «Читателю XXI столетия на заметку». Что вы узнали об истории создания романа «Дон Кихот»?
3. Составьте план к статье.
4. Подготовьте вопросы к классу по биографии Сервантеса.

Памятник Мигелю де Сервантесу и его героям на площади Испании в Мадриде (1929)

¹ Достоевский Фёдор Михайлович (1821–1881) — великий русский писатель, мыслитель.

² Эйнштейн Альберт (1879–1955) — выдающийся физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года, общественный деятель-гуманист.

³ Цитируется по статье И. М. Дзюбы «Більший за самого себе» // Сучасність. — 1995. — № 7–8. — С. 83.

ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ

(Отрывки)

ЧАСТЬ 1.

ГЛАВА I,

повествующая о нраве и образе жизни славного идадьго Дон Кихота Ламанчского

В некоем селе Ламанчском¹, которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идадьго, чьё имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке. Оляя² чаще с говядиной, нежели с бараниной, винегрет, почти всегда заменявший ему ужин, яичница с салом по субботам, чечевица по пятницам, голубь, в виде добавочного блюда, по воскресеньям, — всё это поглощало три четверти его доходов. Остальное тратилось на тонкого сукна полукафтаны, бархатные штаны и такие же туфли, что составляло праздничный его наряд, а в будни он щеголял в камзоле из дешёвого, но весьма добротного сукна. При нём находились ключница, коей перевалило за сорок, племянница, коей не исполнилось и двадцати, и слуга для домашних дел и полевых работ, умевший и лошадь седлать, и с садовыми ножницами обращаться. Возраст нашего идадьго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худощав, любитель вставать спозаранку и заядлый охотник...

Надобно знать, что вышеупомянутый идадьго в часы досуга, — а досуг длился у него чуть ли не весь год, — отдавался чтению рыцарских романов с таким жаром и увлечением, что почти совсем забросил не только охоту, но даже своё хозяйство; и так далеко зашли его любознательность и его помешательство на этих книгах, что, дабы приобрести их, он продал несколько десятин пахотной земли и таким образом собрал у себя все романы, какие только ему удалось достать...

Одним словом, идадьго наш с головой ушёл в чтение, и сидел он над книгами с утра до ночи и с ночи до утра... Воображение его было поглощено всем тем, о чём он читал в книгах: чародейством, распрями, битвами, вызовами на поединок, ранениями, объяснениями в любви, любовными похождениями, сердечными муками и разной невероятной чепухой, и до того прочно засела у него в голове мысль,

¹ В некоем селе Ламанчском... — строка из испанского народного романа.

² Оляя — так называемая «оляя подрида» — испанское национальное блюдо.

будто всё это нагромождение вздорных небылиц — истинная правда, что для него в целом мире не было уже ничего более достоверного...

И вот, когда он уже окончательно свихнулся, в голову ему пришла такая странная мысль, какая ещё не приходила ни одному безумцу на свете, а именно: он почёл благоразумным и даже необходимым как для собственной славы, так и для пользы отечества сделаться странствующим рыцарем, сесть на коня и, с оружием в руках отправившись на поиски приключений, начать заниматься тем же, чем, как это ему было известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почёт. Бедняга уже представлял себя увенчанным за свои подвиги, по малой мере, короной Трапезундского царства; и, весь отдавшись во власть столь отрадных мечтаний, доставлявших ему наслаждение неизъяснимое, поспешил он достигнуть цели своих стремлений. Первым делом принялся он за чистку принадлежавших его предкам доспехов, некогда сваленных как попало в угол и покрывшихся ржавчиной и плесенью. Когда же он с крайним тщанием вычистил их и привёл в исправность, то заметил, что недостаёт одной весьма важной вещи, а именно: вместо шлема с забралом он обнаружил обыкновенный шишак; но тут ему пришла на выручку его изобретательность: смастерив из картона полушлем, он прикрепил его к шишаку, и получилось нечто вроде закрытого шлема. Не скроем, однако ж, что когда он, намереваясь испытать его прочность и устойчивость, выхватил меч и нанёс два удара, то первым же ударом в одно мгновение уничтожил труд целой недели; лёгкость же, с какою забрало разлетелось на куски, особого удовольствия ему не доставила, и, чтобы предотвратить подобную опасность, он сделал его заново, подложив внутрь железные пластинки, так что в конце концов остался доволен его прочностью и, найдя дальнейшие испытания излишними, признал его вполне годным к употреблению и решил, что это настоящий шлем с забралом удивительно тонкой работы.

Затем он осмотрел свою клячу и, хотя она хромала на все четыре ноги..., нашёл, что ни Буцефал¹ Александра Македонского, ни Бабьека Сида не могли бы с нею тягаться. Несколько дней раздумывал он, как её назвать, ибо, говорил он себе, коню столь доблестного рыцаря, да ещё такому доброму коню, нельзя не дать какого-нибудь достойного имени. Наш идалго твёрдо держался того мнения, что если произошла перемена в положении хозяина, то и конь должен переменить имя и получить новое, славное и

¹ Буцефал — по преданию, любимый конь Александра Македонского.

громкое, соответствующее новому сану и новому поприщу хозяйина; вот он и старался найти такое, которое само показывало бы, что представлял собой этот конь до того, как стал конём странствующего рыцаря, и что он собой представляет теперь; итак, он долго придумывал разные имена, роясь в памяти и напрягая воображение, — отвергал, отметал, переделывал, пускал насмарку, сызнова принимался составлять, — и в конце концов остановился на Росинанте¹, имени, по его мнению, благородном и звучном, поясняющем, что прежде конь этот был обыкновенной клячей, ныне же, опередив всех остальных, стал первой клячей в мире.

Столь удачно, как ему казалось, назвав своего коня, решился он подыскать имя и для себя самого и, потратив на это ещё неделю, назвался наконец Дон Кихотом... Вспомнив, однако ж, что доблестный Амадис не пожелал именоваться просто Амадисом, но присовокупил к этому имени название своего королевства и отечества, дабы тем прославить его, и назвался Амадисом Галльским, решил он, что и ему, как истинному рыцарю, надлежит присовокупить к своему имени название своей родины и стать Дон Кихотом Ламанчским, чем, по его мнению, он сразу даст понять, из какого он рода и из какого края, и при этом окажет честь своей отчизне.

Вычистив же доспехи, сделав из шишака настоящий шлем, выбрав имя для своей лошадки и окрестив самого себя, он пришёл к заключению, что ему остаётся лишь найти даму, в которую он мог бы влюбиться, ибо странствующий рыцарь без любви — это всё равно что дерево без плодов и листьев или же тело без души...

Должно заметить, что, сколько нам известно, в ближайшем селении жила весьма миловидная деревенская девушка, в которую он одно время был влюблён, хотя она, само собою разумеется, об этом не подозревала и не обращала на него никакого внимания. Звали её Альдонсою Лоренсо, и вот она-то и показалась ему достойною титула владычицы его помыслов; и, выбирая для неё имя, которое не слишком резко отличалось бы от её собственного и в то же время напоминало и приближалось бы к имени какой-нибудь принцессы или знатной сеньоры, положил он назвать её Дульсинеей² Тобоскою — ибо родом она была из Тобосо³, — именем, по его мнению, приятным для слуха, изысканным и глубокомысленным, как и все ранее придуманные им имена.

¹ *Росинант* — составное слово: «*росин*» — кляча, «*анте*» — прежде и впереди, то есть то, что было клячей когда-то, а также кляча, идущая впереди всех остальных.

² *Дульсинейя* — имя Дульсинейя происходит от слова «*dulce*» (сладкая, нежная).

³ *Тобосо* — город в Ламанче, в ста километрах к юго-востоку от Толедо.

ГЛАВА II, повествующая о первом выезде хитроумного Дон Кихота из его владений

Покончив со всеми этими приготовлениями, наш идадьго решил тотчас же осуществить свой замысел, ибо он полагал, что всякое промедление с его стороны может пагубно отозваться на человеческом роде: сколько беззаконий предстоит ему устранить, сколько кривды выпрямить, несправедливостей загладить, злоупотреблений искоренить, скольких обездоленных удовлетворить! И вот, чуть свет, в один из июльских дней, обещавший быть весьма жарким, никому ни слова не сказав о своём намерении и оставшись незамеченным, облачился он во все свои доспехи, сел на Росинанта, кое-как приладил нескладный свой шлем, взял щит, прихватил копьё и, безмерно счастливый и довольный тем, что никто не помешал ему приступить к исполнению благих его желаний, через ворота скотного двора выехал в поле. Но как скоро он очутился за воротами, в голову ему пришла страшная мысль, до того страшная, что он уже готов был отказаться от задуманного предприятия, и вот почему: он вспомнил, что ещё не посвящён в рыцари и что, следовательно, по законам рыцарства ему нельзя и не должно вступать в бой ни с одним рыцарем; а если б даже и был посвящён, то ему как новичку подобает носить белые доспехи, без девиза на щите, до тех пор, пока он не заслужит его своею храбростью. Эти размышления поколебали его решимость; однако ж безумие взяло верх над всеми доводами, и по примеру многих рыцарей, о которых он читал в тех самых романах, что довели его до такого состояния, вознамерился он обратиться с просьбой о посвящении к первому встречному. Что же касается белых доспехов, то он дал себе слово на досуге так начистить свои латы, чтобы они казались белее горносталя, и, порешив на том, продолжал свой путь, — вернее, путь, который избрал его конь, ибо Дон Кихот полагал, что именно так и надлежит искать приключений...

Весь этот день Дон Кихот провёл в пути, а к вечеру он и его кляча устали и сильно проголодались; тогда, оглядевшись по сторонам в надежде обнаружить какой-нибудь замок, то есть шалаш пастуха, где бы можно было подкрепиться и расправить усталые члены, заметил он неподалёку от дороги постоялый двор, и этот постоялый двор показался ему звездой, которая должна привести его не к преддверию храма спасения, а прямо в самый храм. Он тронул поводья и подъехал к постоялому двору¹, как раз когда стало смеркаться [...]

¹ *Постоялый двор* — помещение для ночлега с двором для лошадей и экипажей проезжающих.

ГЛАВА III, в коей рассказывается о том, каким забавным способом Дон Кихот был посвящён в рыцари

...Дон Кихот, быстро покончив со своим скудным трактирным ужином, подозвал хозяина, удалился с ним в конюшню, пал на колени и сказал:

— Доблестный рыцарь! Я не двинусь с места до тех пор, пока ваша любезность не соизволит исполнить мою просьбу, — исполнение же того, о чём я прошу, покроет вас неувядаемою славой, а также послужит на пользу всему человеческому роду.

Увидев, что гость опустил перед ним на колени, и услышав такие речи, хозяин оторопел: он не знал, что делать и что говорить, а затем стал убеждать его подняться с колен, но тот поднялся лишь после того, как хозяин дал слово исполнить его просьбу.

— Меньшего, государь мой, я и не ожидал от вашего несказанного великодушия, — заметил Дон Кихот. — Итак, да будет вам известно, что просьба, с которой я к вам обратился и которую ваше человеколюбие обещало исполнить, состоит в том, чтобы завтра утром вы посвятили меня в рыцари; ночь я проведу в часовне вашего замка, в бдении над оружием, а завтра, повторяю, сбудется то, чего я так жажду, и я обрету законное право объезжать все четыре страны света, искать приключений и защищать обиженных, тем самым исполняя долг всего рыцарства, а также долг рыцаря странствующего, каковым я являюсь и каковой обязан стремиться к совершению указанных мною подвигов.

Хозяин, будучи, как мы уже говорили, изрядною шельмой, отчасти догадывался, что гость не в своём уме, — при этих же словах он совершенно в том уверился и, решившись потакать всем его прихотям, дабы весело провести ночь, сказал Дон Кихоту следующее: намерение-де его и просьба более чем разумны, и, вполне естественно и законно, что у такого знатного, сколько можно судить по его наружности и горделивой осанке, рыцаря явилось подобное желание... К этому хозяин прибавил, что у него в замке нет часовни, где бы можно было бодрствовать над оружием, ибо старую он снёс, дабы на её месте выстроить новую, но что, сколько ему известно, в крайнем случае бодрствовать над оружием дозволяется где угодно, так что Дон Кихот может провести эту ночь на дворе, а завтра, Бог даст, все приличествующие случаю церемонии будут совершены и он станет настоящим рыцарем, да ещё таким, какого свет не производил...

Дон Кихот обещал в точности исполнить всё, что ему советовал хозяин, а затем начал готовиться к ночи, которую ему надлежало провести на обширном скотном дворе в бдении над оружием; он

собрал свои доспехи, разложил их на водопойном корыте, стоявшем возле колодца, и, взяв копьё и щит, с крайне независимым видом стал ходить взад и вперёд; и только он начал прогуливаться, как наступила ночь.

Хозяин рассказал своим постояльцам о сумасшествии Дон Кихота, о его намерении провести ночь в бдении над оружием и о предстоящей возне с посвящением его в рыцари. Присутствовавшие подивились такому странному виду умственного расстройства и пошли посмотреть на Дон Кихота издали, а Дон Кихот между тем то чинно прохаживался, то, опершись на копьё, впивался глазами в свои доспехи и долго потом не отводил их. Дело было глухою ночью, однако ясный месяц вполне заменял дневное светило, коему он обязан своим сиянием, так что все движения новоиспечённого рыцаря хорошо видны были зрителям. В это время одному из погонщиков, ночевавших на постоялом дворе, вздумалось напоить мулов, для чего надлежало снять с водопойного корыта доспехи нашего рыцаря; и, едва увидев погонщика, Дон Кихот тотчас же заговорил громким голосом:

— Кто б ни был ты, о дерзкий рыцарь, осмеливающийся прикасаться к оружию самого доблестного из всех странствующих рыцарей, какие когда-либо опоясывались мечом! Помысли о том, что ты делаешь, и не прикасайся к нему, не то жизнью заплатишься ты за свою дерзость!

Погонщик и в ус себе не дул, — а между тем лучше было бы, если бы он дул: по крайности, его самого тогда бы не вздули, — он схватил доспехи и постарался зашвырнуть их как можно дальше. Тогда Дон Кихот возвёл очи к небу и, по-видимому, обращаясь мысленно к госпоже своей Дульсинее, сказал:

— Помогите мне, госпожа моя, отомстить за оскорбление, впервые нанесённое моему сердцу — вашему верноподданному. Ныне предстоит мне первое испытание — не лишайте же меня защиты своей и покрова.

Продолжая взывать к своей даме, Дон Кихот отложил в сторону щит, обеими руками поднял копьё и с такой силой опустил его на голову погонщика, что тот упал замертво, так что если б за этим ударом последовал второй, то ему уже незачем было бы обращаться к врачу. Засим Дон Кихот подобрал свои доспехи и, как ни в чём не бывало, снова стал прогуливаться...

Хозяину надоели выходки гостя, и, чтобы положить им конец, вознамерился он сей же час, пока не стряслось горшей беды, совершить над ним этот треклятый обряд посвящения. Подойдя к нему, он принёс извинения в том, что этот подлый народ без его ведома так дерзко с ним обошёлся, и обещал строго наказать наглецов. Затем ещё раз повторил, что часовни в замке нет, но что теперь всякая не-

обходимость в ней отпала: сколько ему известен церемониал рыцарства, обряд посвящения состоит в подзатыльнике и в ударе шпагой по спине, вот, мол, и вся хитрость, а это и среди поля с успехом можно проделать; что касается бдения над оружием, то с этим уже покончено, потому что бодрствовать полагается всего только два часа, а Дон Кихот бодрствует уже более четырёх. Дон Кихот всему этому поверил; он объявил, что готов повиноваться, только предлагает как можно скорее совершить обряд, а затем добавил, что когда его, Дона Кихота, посвятят в рыцари, то в случае, если на него снова нападут, он никого здесь не оставит в живых — впрочем, за кого владелец замка попросит, тех он из уважения к нему пощадит.

Перепуганный владелец замка, не будь дурак, тотчас сбегал за книгой, где он записывал, сколько овса и соломы выдано погонщикам, и вместе со слугой, державшим в руке огарок свечи, и двумя помянутыми девицами подошёл к Дон Кихоту, велел ему преклонить колена, сделал вид, что читает некую священную молитву, и тут же изо всех сил треснул его по затылку, а затем, всё ещё бормоча себе под нос что-то вроде молитвы, славно огрел рыцаря по спине его же собственным мечом. После этого он велел одной из шлюх препоясать этим мечом рыцаря, что та и исполнила, выказав при этом чрезвычайную ловкость и деликатность: в самом деле, немалое искусство требовалось для того, чтобы во время этой церемонии в любую минуту не лопнуть от смеха; впрочем, при одном воспоминании о недавних подвигах новонаречённого рыцаря смех невольно замирал на устах у присутствовавших...

Дон Кихот не чаял, как дождаться минуты, когда можно будет снова сесть на коня и отправиться на поиски приключений, и, после того как были закончены все эти доселе невиданные церемонии, совершённые с такою быстротою и поспешностью, он тот же час оседлал Росинанта, сел верхом и, обняв хозяина, в столь мудрённых выражениях изъясил ему свою благодарность за посвящение в рыцари, что передать их нам было бы не под силу. В ответ хозяин на радостях, что отделался от него, произнёс не менее высокопарную, хотя и не столь пространную, речь и, ничего не взяв за ночлег, отпустил его с миром.

ГЛАВА IV

о том, что случилось с рыцарем нашим, когда он выехал с постоялого двора

Уже занималась заря, когда Дон Кихот, ликующий, счастливый и гордый сознанием, что его посвятили в рыцари, от радости подсакивая в седле, выехал с постоялого двора. Но как скоро пришли ему на память наставления хозяина, положил он возвратиться до-

мой, чтобы запастись всем необходимым, главное — деньгами и сорочками; в оруженосцы же себе прочил он одного хлебопашца, своего односельчанина, бедного, многодетного, однако ж для таковых обязанностей как нельзя более подходившего. С этой целью он поворотил Росинанта в сторону своего села, и Росинант, словно почуяв родное стойло, обнаружил такую резвость, что казалось, будто копыта его не касаются земли.

Только успел Дон Кихот немного отъехать, как вдруг справа, из чащи леса, до него донеслись тихие жалобы, точно кто-то стонал, и, едва слышав их, он тотчас воскликнул:

— Хвала небесам за ту милость, какую они мне явили, — за то, что так скоро предоставили они мне возможность исполнить мой рыцарский долг и пожать плоды моих благих желаний! Не подлежит сомнению, что это стонет какой-нибудь беззащитный или же беззащитная, нуждающиеся в помощи моей и защите.

С этими словами он дёрнул поводья и устремился туда, откуда долетали стоны. Проехав же несколько шагов по лесу, увидел он кобылу, привязанную к дубу, а рядом, к другому дубу, привязан был голый до пояса мальчуган лет пятнадцати, и вот этот-то мальчуган и стонал, и стонал не зря, ибо некий дюжий сельчанин нещадно стегал его ремнём, сопровождая каждый удар пощёками и нравоучениями.

— Смотри в оба, а язык держи за зубами, — приговаривал он.

А мальчуган причитал:

— Больше не буду, хозяин, Христом-богом клянусь, не буду, обещаю вам глаз не спускать со стада!

Увидев, что здесь происходит, Дон Кихот грозно воскликнул:

— Неучтивый рыцарь! Как вам не стыдно нападать на того, кто не в силах себя защитить! Садитесь на коня, возьмите копьё, — надобно заметить, что у сельчанина тоже было копьё: он прислонил его к тому дубу, к которому была привязана кобыла, — и я вам докажу всю низость вашего поступка.

Сельчанин, обнаружив у себя над головой увешанную доспехами фигуру, перед самым его носом размахивавшую копьём, подумал, что пришла его смерть.

— Сеньор кавалеро! — вкрадчивым голосом заговорил он. — Я наказываю мальчишку, моего слугу, который пасёт здесь отару моих овец; из-за этого ротозея я каждый день недосчитываюсь овцы. И наказываю я его за разгильдяйство, вернее, за плутовство, а он говорит, что я из скупости возвожу на него напраслину, чтобы не платить ему жалованья, но я клянусь Богом и спасением души, что он врёт.

— Как вы смеете, мерзкий грубиян, говорить в моём присутствии, что он врёт? — воскликнул рыцарь. — Клянусь солнцем,

всех нас освещающим, что я сию минуту вот этим самым копьём проткну вас насквозь. Без всяких разговоров уплатите ему, не то, да будет мне свидетелем Всевышний, я с вами разделаюсь и уложу на месте. Ну, отвязывайте его, живо!

Сельчанин, понутив голову, молча отвязал своего слугу; тогда Дон Кихот спросил мальчика, сколько ему должен хозяин. Мальчик ответил, что всего за девять месяцев, считая по семи реалов за месяц. Дон Кихот высчитал, что в сумме это составляет шестьдесят три реала, и сказал сельчанину, чтоб он немедленно раскошеливался, если только ему дорога жизнь. На это испуганный сельчанин ответил так: он, дескать, уже клялся, — хотя до сих пор об этом не было и речи, — и теперь говорит, как на духу, что долг его вовсе не так велик, ибо надлежит принять в расчёт и сбросить со счётов стоимость трёх пар обуви, которые износил пастух, да ещё один реал за два кровопускания, которые были ему сделаны, когда он занемог.

— Это всё так, — возразил Дон Кихот, — однако вы ни за что ни про что отхлестали его ремнём, — пусть же это пойдёт в уплату за обувь и кровопускания: ведь если он порвал кожу на башмаках, которые вы ему купили, то вы, в свою очередь, порвали ему собственную его кожу. И если цирюльник пускал ему кровь, когда он был болен, то вы пускаете ему кровь, когда он находится в добром здравии. Таким образом, тут вы с ним в расчёте.

— Беда в том, сеньор кавальеро, что я не взял с собой денег, — придётся Андресу пойти со мной, и дома я уплачу ему всё до последнего реала.

— Чтобы я с ним пошёл? — воскликнул мальчуган. — Час от часу не легче! Нет, сеньор, ни за что на свете. Если я останусь с ним наедине, то он сдерёт с меня кожу, вроде как со святого Варфоломея или с кого-то там ещё.

— Он этого не сделает, — возразил Дон Кихот, — я ему прикажу, и он не посмеет меня послушаться. Пусть только он поклянётся тем рыцарским орденом, к которому он принадлежит, и я отпущу его на все четыре стороны и поручусь, что он тебе заплатит.

— Помилуйте, сеньор, что вы говорите! — воскликнул мальчуган. — Мой хозяин — вовсе не рыцарь, и ни к какому рыцарскому ордену он не принадлежит, — это Хуан Альдудо, богатый крестьянин из деревни Кинтанар.

— Это ничего не значит, — возразил Дон Кихот, — и Альдудо могут быть рыцарями. Тем более что каждого человека должно судить по его делам.

— Это верно, — согласился Андрес, — но в таком случае как же прикажете судить моего хозяина, коли он отказывается платить мне жалованье, которое я заработал в поте лица?

— Брат мой Андрес, да разве я отказываюсь? — снова заговорил сельчанин. — Сделай милость, пойдём со мной, — клянусь всеми рыцарскими орденами, сколько их ни развелось на свете, что уплачу тебе, как я уже сказал, всё до последнего реала, с радостью уплачу.

— Можно и без радости, — сказал Дон Кихот, — уплатите лишь ту сумму, которую вы ему задолжали: это всё, что от вас требуется. Но бойтесь нарушить клятву, иначе, клянусь тою же самою клятвою, я разыщу вас и накажу: будь вы проворнее ящерицы, я всё равно вас найду, куда бы вы ни спрятались. Если же вы хотите знать, от кого получили вы этот приказ, дабы тем ревностнее приняться за его исполнение, то знайте, что я — доблестный Дон Кихот Ламанчский, заступник обиженных и утеснённых, засим оставайтесь с Богом и под страхом грозящей вам страшной кары не забывайте обещанного и скреплённого клятвою.

С этими словами он пришпорил Росинанта и стал быстро удаляться. Сельчанин посмотрел ему вслед и, удостоверившись, что он миновал рощу и скрылся из виду, повернулся к слуге своему Андресу и сказал:

— Поди-ка сюда, сынок! Сейчас я исполню повеление этого заступника обиженных и уплачу тебе долг.

— Я в этом нимало не сомневаюсь, ваша милость, — заметил Андрес. — В ваших же интересах исполнить повеление доброго рыцаря, дай Бог ему прожить тысячу лет; он такой храбрый и такой справедливый, что, если вы мне не уплатите, клянусь святым Роке, он непременно вернётся и приведёт угрозу свою в исполнение.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — сказал сельчанин, — но я так люблю тебя, желанный мой, что желаю ещё больше тебе задолжать, чтобы затем побольше заплатить.

Тут он схватил мальчугана за руку и, снова привязав его к дубу, высыпал ему столько горячих, что тот остался чуть жив.

— Теперь зовите заступника обиженных, сеньор Андрес, посмотрим, как он за вас заступится, — сказал сельчанин. — Полагаю, впрочем, что я вас ещё недостаточно обидел, — у меня чешутся руки спустить с вас шкуру, чего вы как раз и опасались...

ГЛАВА VIII

О славной победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе неслыханной битве с ветряными мельницами, равно как и о других событиях, о которых мы не без приятности упомянем

Тут глазам их открылось не то тридцать, не то сорок ветряных мельниц, стоявших среди поля, и как скоро увидел их Дон Кихот, то обратился к своему оруженосцу с такими словами:

— Судьба руководит нами как нельзя лучше. Посмотри, друг Санчо Панса: вон там виднеются тридцать, если не больше, чудовищных великанов, — я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основой нашего благосостояния. Это война справедливая: стереть дурное семя с лица земли — значит верой и правдой послужить Богу.

— Где вы видите великанов? — спросил Санчо Панса.

— Да вон они, с громадными руками, — отвечал его господин. — У некоторых из них длина рук достигает почти двух миль.

— Помилуйте, сеньор, — возразил Санчо, — то, что там виднеется, вовсе не великаны, а ветряные мельницы; то же, что вы принимаете за их руки, — это крылья: они кружатся от ветра и приводят в движение мельничные жернова.

— Сейчас видно неопытного искателя приключений, — заметил Дон Кихот, — это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем вступлю с ними в жестокий и неравный бой.

С последним словом, не внемля голосу Санчо, который предупреждал его, что не с великанами едет он сражаться, а, вне всякого сомнения, с ветряными мельницами, Дон Кихот дал Росинанту шпоры. Он был совершенно уверен, что это великаны, а потому, не обращая внимания на крики оруженосца и не видя, что перед ним, хотя находился совсем близко от мельниц, громко восклицал:

— Стойте, трусливые и подлые твари! Ведь на вас нападает только один рыцарь.

В это время подул лёгкий ветерок, и, заметив, что огромные крылья мельниц начинают кружиться, Дон Кихот воскликнул:

— Машите, машите руками! Если б у вас их было больше, чем у великана Бриарей¹, и тогда пришлось бы вам поплатиться!

Сказавши это, он всецело отдался под покровительство госпожи своей Дульсины, обратился к ней с мольбой помочь ему выдержать столь тяжкое испытание и, заградившись щитом и пустив Росинанта в галоп, вонзил копьё в крыло ближайшей мельницы; но в это время ветер с такой бешеной силой повернул крыло, что от копья остались одни щепки, а крыло, подхватив и коня, и всадника, оказавшегося в весьма жалком положении, сбросило Дон Кихота на землю. На помощь ему во весь ослиный мах поскакал Санчо Панса и, приблизившись, удостоверился, что господин его не может пошевелиться, — так тяжело упал он с Росинанта.

— Ах ты, Господи! — воскликнул Санчо. — Не говорил ли я вшей милости, чтобы вы были осторожнее, что это всего-навсего

¹ Бриарей (миф.) — сторукий великан.

ветряные мельницы? Их никто бы не спутал, разве тот, у кого ветряные мельницы кружатся в голове.

— Помолчи, друг Санчо, — сказал Дон Кихот. — Должно заметить, что нет ничего изменчивее военных обстоятельств. К тому же, я полагаю, и не без основания, что мудрый Фрестон¹, тот самый, который похитил у меня книги вместе с помещением, превратил великанов в ветряные мельницы, дабы лишить меня плодов победы, — так он меня ненавидит. Но рано или поздно злые его чары не устоят пред силою моего меча.

— Это уж как Бог даст, — заметил Санчо Панса.

Он помог Дон Кихоту встать и усадил его на Росинанта, который тоже был чуть жив. Продолжая обсуждать недавнее происшествие, они поехали по дороге к Ущелью Лаписе, ибо Дон Кихот не мог упустить множество разнообразных приключений, какое, по его словам, на этом людном месте их ожидало; одно лишь огорчало его — то, что он лишился копья, и, поведав горе своё оруженосцу, он сказал:

— Помнится, я читал, что один испанский рыцарь по имени Дьего Перес де Варгас², утратив в бою свой меч, отломил от дуба громадный сук и отдубасил и перебил в этот день столько мавров, что ему потом дали прозвище Дубас, и с тех пор он и его потомки именуются Варгас-Дубас. Всё это я говорю к тому, что я тоже намерен отломить сук от первого же дуба, который попадётся мне по дороге, всё равно — обыкновенного или каменного, такой же величины, какой, я себе представляю, долженствовал быть у Варгаса, и при помощи этого сука совершить такие подвиги, что ты почтёшь себя избранником судьбы, ибо удостоился чести быть очевидцем и свидетелем деяний, которые впоследствии могут показаться невероятными.

— Всё в руках Божиих, — заметил Санчо. — Я верю всему, что говорит ваша милость. Только сядьте прямее, а то вы всё как будто съезжаете набок, — верно, оттого, что ушиблись, когда падали.

— Твоя правда, — сказал Дон Кихот, — и если я не стону от боли, то единственно потому, что странствующим рыцарям в случае какого-либо ранения стонать не положено, хотя бы у них вываливались кишки.

— Коли так, то мне возразить нечего, — сказал Санчо, — но одному Богу известно, как бы я был рад, если б вы, ваша милость, пожаловались, когда у вас что-нибудь заболит. А уж доведись до

¹ *Фрестон* — один из героев рыцарского романа.

² *Дьего Перес де Варгас* — толедский рыцарь; служил в войсках Фернандо III; отличался необычайной храбростью и мужеством в боях с маврами.

меня, так я начну стонать от самой пустячной боли, если только этот закон не распространяется и на оруженосцев странствующих рыцарей.

Дон Кихот не мог не посмеяться простодушию своего оруженосца, а затем объявил, что тот волен стонать, когда и сколько ему вздумается, как по необходимости, так и без всякой необходимости, ибо в рыцарском уставе ничего на сей предмет не сказано...

Эту ночь они провели под деревьями; от одного из них Дон Кихот отломил засохший сук и приставил к нему железный наконечник — таким образом у него получилось нечто вроде копья [...]

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА XVII,

из коей явствует, каких вершин и пределов могло достигнуть и достигло неслыханное мужество Дон Кихота, и в коей речь идёт о приключении со львами, которое Дон Кихоту удалось счастливо завершить

В истории сказано, что, в то время как Дон Кихот кричал Санчо, чтобы он подал ему шлем, Санчо покупал у пастухов творог; настойчивый зов господина сбил его с толку, и он не знал, что с этим творогом делать и в чём его везти; расстаться с ним было жалко, ибо деньги за него были уже уплачены, и по сему обстоятельству порешил он сунуть его в шлем своего господина; с этими-то славными дарами направился он к Дон Кихоту, дабы узнать, что ему требуется, а тот при его приближении молвил:

— Друг мой! Поддай мне шлем, — или я мало смыслю в приключениях, или же то, что там виднеется, представляет собою такое приключение, которое долженствует принудить меня и уже принуждает взяться за оружие... А теперь будь что будет, — у меня достанет мужества схватиться с самим сатанюю.

Тем временем повозка с флажками подъехала ближе, и тут оказалось, что, кроме погонщика верхом на одном из мулов и ещё одного человека на передке повозки, никто больше её не сопровождал. Дон Кихот выехал вперёд и молвил:

— Куда, братцы, путь держите? Что это за повозка, что вы в ней везёте и что это за стяги?

Погонщик же ему на это ответил так:

— Повозка моя, а везу я клетку с двумя свирепыми львами, которых губернатор Оранский отсылает ко двору в подарок его величеству, флаги же — государя нашего короля в знак того, что везём мы его достояние.

— А как велики эти львы? — осведомился Дон Кихот.

— Столь велики, — отвечал человек, сидевший на передке, — что крупнее их или даже таких, как они, ещё ни разу из Африки в Испанию не привозили. Я — львиный сторож, много львов перевёз на своём веку, но таких, как эти, ещё не приходилось. Это лев и львица — лев в передней клетке, а львица в задней, и сейчас они голодные, потому с утра ещё ничего не ели, так что, ваша милость, уж вы нас пропустите, нам надобно поскорее добраться до какого-нибудь селения и покормить их.

Дон Кихот же, чуть заметно усмехнувшись, ему на это сказал:

— Львят — против меня? Теперь против меня — львят? Ну так эти сеньоры, пославшие их сюда, вот как перед Богом говорю, сейчас увидят, такой ли я человек, чтобы устрашиться львов! Слезай с повозки, добрый человек, и если ты сторож, то открой клетки и выпусти зверей, — назло и наперекор тем волшебникам, которые их на меня натравили, я сейчас покажу, кто таков Дон Кихот Ламанчский.

«Те-те-те! — подумал тут идальго. — Наконец-то добрый наш рыцарь себя показал: верно, от твораго у него размягчился череп, а мозг прокис».

В это время к нему приблизился Санчо и сказал:

— Сеньор! Ради Создателя, устройте так, чтобы мой господин Дон Кихот не связывался со львами, а то, если только он свяжется, они всех нас разорвут в клочки.

— Неужели твой господин настолько безумен, что ты можешь думать и опасаться, как бы он не связался с такими хищными зверями? — спросил идальго.

— Он не безумен, — отвечал Санчо, — он дерзновенен.

— Я устрою так, что его дерзновение останется при нём, — пообещал идальго.

С последним словом он приблизился к Дон Кихоту, который в это время приставал к сторожу, чтобы тот открыл клетки, и сказал:

— Сеньор кавальеро! Странствующим рыцарям подобает искать только таких приключений, которые подают надежду на благополучный исход, а не таких, которые решительно никакой надежды не подают, ибо смелость, граничащая с безрассудством, заключает в себе более безумия, нежели стойкости. А кроме всего прочего, львы и не помышляют о том, чтобы на вашу милость совершить нападение: их посылают в подарок его величеству, и не должно задерживать их и преграждать им дорогу.

— Это вы, сеньор идальго, подите расскажите своей ручной куropsатке и свирепому хорьку, а в чужие дела не вмешивайтесь, — заметил Дон Кихот. — Это моё дело, я сам знаю, натравили на меня этих сеньоров львов или нет.

И, обратясь к сторожу, крикнул:

— Эй ты, такой-сякой, мерзавец из мерзавцев! Если ты сей же час не откроешь клеток, я вот этим самым копьём припилю тебя к повозке!

Возница, видя, что это вооружённое пугало преисполнено решимости, молвил:

— Государь мой! Будьте настолько любезны, сжальтесь вы надо мной и велите выпустить львов не прежде, чем я распрягу мулов и отведу их в безопасное место, а то если львы их растерзают, то мне тогда всю жизнь придётся терзаться: ведь мулы и повозка — это всё моё достояние.

— О малOVER! — вскричал Дон Кихот. — Слезай, распрягай мулов, словом, поступай как знаешь, — сейчас ты увидишь, что напрасно хлопочешь и что все старания твои ни к чему.

Возница спешился и, нимало не медля, распряг мулов, а сторож между тем заговорил громким голосом:

— Призываю во свидетели всех здесь присутствующих, что я против воли и по принуждению открываю клетки и выпускаю львов, и объявляю этому сеньору, что за весь вред и ущерб от этих зверей отвечает он, и он же возместит мне моё жалованье и то, что я имею сверх жалованья. Вы, сеньоры, спасайтесь бегством, прежде нежели я открою, а насчёт себя я уверен, что звери меня не тронут.

Идальго опять стал отговаривать Дон Кихота от подобного сумасбродства: затевать такое дурачество — это значит, мол, испытывать Господне долготерпение. Дон Кихот же ему на это ответил, что он сам знает, как ему поступить. Идальго посоветовал Дон Кихоту хорошенько подумать, ибо, по его, дескать, крайнему разумению, Дон Кихот ошибается.

— Вот что, сеньор, — объявил Дон Кихот, — если ваша милость не желает быть зрителем этой, на ваш взгляд, трагедии, то дайте шпоры вашей кобыле и спасайтесь.

Тут Санчо со слезами на глазах взмолился к Дон Кихоту, чтобы он отказался от этого предприятия, в сравнении с коим приключение с ветряными мельницами и ужасающее приключение с сукновальнями, а равно и все подвиги, которые он на своём веку совершил, это, дескать, только цветочки.

— Поймите, сеньор, — говорил Санчо, — тут нет колдовства, ничего похожего тут нет, сквозь решётку я разглядел коготь всамделишного льва и заключил, что ежели у этого льва такой коготь, то сам лев, уж верно, больше горы.

— Со страху он тебе и с полмира мог показаться, — возразил Дон Кихот. — Удались, Санчо, и оставь меня. Если же я погибну, то ведь тебе известен прежний наш уговор: поспеши к Дульсинее, всё прочее сделается само собой.

К этому Дон Кихот прибавил много такого, что отняло у окружающих всякую надежду отговорить его от столь нелепой затеи. Всадник в зелёном плаще охотно бы ему противостоял, но он видел, что Дон Кихот вооружён лучше, и оттого почёл безрассудным связываться с сумасшедшим, а что перед ним сумасшедший — в этом он был теперь совершенно уверен; коротко говоря, в то время как Дон Кихот снова приступил к сторожу с угрозами, идадьго пришпорил свою кобылу, Санчо — своего серого, возница — своих мулов, и все они старались как можно дальше отъехать от повозки, прежде чем львы выйдут из заточения. Санчо заранее оплакивал гибель своего господина, ибо на сей раз нимало не сомневался, что быть ему в когтях львиных; он проклинал свою судьбу и тот час, когда он решил снова поступить на службу к Дон Кихоту; впрочем, жалобы и слёзы не мешали ему нахлёстывать серого, чтобы он быстрее удался от повозки. Когда же сторож наконец уверился, что беглецы далеко, он опять начал молить и заклинать Дон Кихота так же точно, как молил и заклинал прежде, но Дон Кихот ему сказал, что он это уже слышал и что пусть, дескать, сторож более себя не утруждает просьбами и заклинаниями, ибо всё это напрасно, а пусть лучше, мол, поторопится. Пока сторож возился с первой клеткой, Дон Кихот обдумывал, как благоразумнее вести сражение — пешком или же на коне, и, поразмыслив, решил, что пешком, ибо львы могли испугать Росинанта. Того ради он соскочил с коня, бросил копьё, схватил щит, обнажил меч и, исполненный изумительной отваги и бесстрашия, важную поступью двинулся прямо к повозке, всецело поручая себя сначала Богу, а потом госпоже своей Дульсине...

...Едва сторож увидел, что Дон Кихот уже наготове и что, из боязни навлечь на себя гнев вспыльчивого и дерзкого кавальера, ему не миновать выпустить льва, он настезь распахнул дверцу первой клетки, где, повторяем, находился лев величины, как оказалось, непомерной, — чудовищный и страховидный лев. Прежде всего лев повернулся к своей клетке, выставил лапы и потянулся всем телом, засим разинул пасть, сладко зевнул и языком почти в две пяди длиною протёр себе глаза и облизал морду; после этого он высунулся из клетки и горящими, как угли, глазами повёл во все стороны; при этом вид его и движения могли бы, кажется, навести страх на самую смелость. Дон Кихот, однако, смотрел на него в упор, — он с нетерпением ждал, когда же наконец лев спрыгнет с повозки и вступит с ним в рукопашную, а он изрубит льва на куски.

Вот до какой крайности дошло его доселе невиданное безумие. Однако благородный лев, не столь дерзновенный, сколь учтивый, оглядевшись, как уже было сказано, по сторонам и не обращая внимания на Дон-Кихотово ребячество и молодечество, повернулся и, показав Дон Кихоту зад, прехладнокровно и не торопясь сно-

ва вытянулся в клетке; тогда Дон Кихот велел сторожу ударить его, чтобы разозлить и выгнать из клетки.

— Этого я делать не стану, — возразил сторож, — ведь коли я его раздражаю, так он первым делом разорвёт в клочки меня. Пусть ваша милость, сеньор кавальеро, удовольствуется уже сделанным, ибо по части храбрости лучшего и желать невозможно, испытывать же судьбу дважды не годится. В клетке у льва дверца открыта: он волен выходить или не выходить, но ежели он до сей поры не вышел, стало быть, и до вечера не выйдет. Твёрдость духа вашей милости уже доказана, — от самого храброго бойца, сколько я понимаю, требуется лишь вызвать недруга на поединок и ожидать его на поле брани, если же неприятель не явился, то позор на нём, а победный венок достаётся ожидавшему.

— И то правда, — молвил Дон Кихот, — закрой, приятель, дверцу и в наилучшей форме засвидетельствуй всё, что здесь на твоих глазах произошло, а именно: как ты открыл льву, как я его ждал, а он не вышел, как я его снова стал ждать, а он опять не вышел и снова улёгся. Мой долг исполнен, прочь колдовские чары, и да поможет Господь разуму, истине и истинному рыцарству, ты же закрой, повторяю, клетку, а я тем временем знаками подзову бежавших и отсутствовавших, дабы они услышали из твоих уст о моём подвиге.

Сторож так и сделал, а Дон Кихот, нацепив на остриё копья платок, коим он вытирал лицо после творожного дождя, стал звать беглецов, которые всё ещё, предводительствуемые идальго, мчались и поминутно оборачивались; как же скоро Санчо увидел, что Дон Кихот машет белым платком, то сказал:

— Убейте меня, если мой господин не одолел этих диких зверей, — ведь он нас кличет.

Все остановились и уверились, что делает знаки не кто иной, как сам Дон Кихот; это их несколько ободрило, они осторожно двинулись обратно, и вскоре до них уже явственно донеслись крики Дон Кихота, который их звал. В конце концов они приблизились к повозке, и тогда Дон Кихот сказал вознице:

— Запрягай, братец, своих мулов и трогайся в путь, а ты, Санчо, выдай ему два золотых, один — для него, другой — для сторожа, за то, что я у них отнял время.

— Выдать-то я им с великим удовольствием выдам, — сказал Санчо, — но, однако же, что случилось со львами? Живы они или мертвы?

Тут сторож обстоятельно и с расстановкою принялся рассказывать об исходе схватки, преувеличивая, как мог и умел, доблесть Дон Кихота, при одном виде которого лев якобы струхнул и не пожелал и не посмел выйти из клетки, хотя дверца долгое время оставалась открытою; и только после того как он, сторож,

сказал этому кавальеро, что дразнить льва и силком гнать из клетки значит испытывать долготерпение Божие, а кавальеро, дескать, именно добивался, чтобы льва раздражали, он неохотно и скрепя сердце позволил запереть клетку.

— Что ты на это скажешь, Санчо? — спросил Дон Кихот. — Какое чародейство устоит против истинной отваги? Чародеи вольны обречь меня на неудачи, но сломить моё упорство и мужество они не властны.

Санчо выдал деньги, возница запряг мулов, а сторож поцеловал Дон Кихоту руки за оказанное благодеяние и обещал рассказать о славном этом подвиге самому королю, когда приедет в столицу.

— Если же его величество спросит, кто этот подвиг совершил, скажите — что Рыцарь Львов, ибо я хочу, чтобы прежнее моё прозвание, Рыцарь Печального Образа, изменили, переименовали, заменили и сменили на это, и тут я следую старинному обычаю странствующих рыцарей, которые меняли имена, когда им этого хотелось или же когда это напрашивалось само собой.

Повозка двинулась своею дорогою, а Дон Кихот, Санчо и всадник в зелёном плаще — своею... [...]

Перевод с испанского Николая Любимова

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Что вы узнали о Дон Кихоте из главы I?
2. Можно ли утверждать, что повествование о «жизни славного идадьго» пронизано тонким юмором? Аргументируйте ответ.
3. Охарактеризуйте время и место действия романа.
4. Перескажите и прокомментируйте эпизод «Посвящение Дон Кихота в рыцари».
5. Выразительно прочитайте отрывок главы IV от слов: «Сельчанин, понутив голову...» до слов: «...чего вы как раз и опасались».
6. Определите роль этого эпизода в изображении характера главного героя и окружающей его действительности.
7. Как характер Дон Кихота раскрывается в эпизоде битвы с ветряными мельницами?
8. Почему, на ваш взгляд, выражение «битва с ветряными мельницами» стало крылатым? Каково его значение в современном языке?
9. Расскажите о происхождении прозвища Дон Кихота (Рыцарь Печального Образа).
10. Какими мотивами руководствуется Дон Кихот, стремясь вступить в поединок со львами?

11. Подготовьте устный рассказ на тему «Отношение окружающих к Дон Кихоту».
12. Используя материал всех прочитанных глав, заполните в тетради такую таблицу:

Черты характера Дон Кихота	Цитаты, подтверждающие их

13. Дайте оценку поступкам Дон Кихота.
14. Выпишите в тетрадь эпитеты, которыми автор награждает главного героя романа. Какова их роль в постижении характера персонажа?

Из тайников искусства слова

ЭПОС КАК РОД ЛИТЕРАТУРЫ И РОМАН КАК ЖАНР ЭПОСА

Вы уже знаете, что в литературе выделяют три рода: эпос, лирику и драму.

Эпос (от греч. — «повествование, слово, рассказ») — это род литературы, в основе которого повествование о событиях и их участниках.

Для эпических произведений характерны такие особенности:

1. **Жизнь отражается в повествовании о человеке и событиях**, в которых он участвовал, о его поведении и переживаниях в различных обстоятельствах, его отношении к разнообразным явлениям жизни, к другим персонажам. Читателю часто кажется, что автор как бы со стороны рассказывает о том, что видел сам.

2. **Наличие сюжета.** Главный интерес в эпосе всегда сосредоточен на событиях, в ходе которых раскрываются характеры персонажей. Важная роль принадлежит и так называемым внесюжетным элементам, например, портретам, пейзажам, интерьерам. Вспомните различные описания, которые встречались вам в эпических произведениях

(внешности Тома Сойера в романе Марка Твена, природы Африки в «Пятнадцатилетнем капитане» Жюль Верна, жилища Скруджа в «Рождественской песне в прозе» Чарльза Диккенса).

3. Повествование в эпическом произведении ведётся от имени реального или условного повествователя. Так, в романе Сервантеса от имени автора рассказывается о приключениях славного рыцаря Дон Кихота, о его взаимоотношениях с различными персонажами. Иногда повествование ведётся от имени вымышленного рассказчика, как, например, в повестях А. С. Пушкина «Станционный смотритель» и «Метель». Здесь историю главных героев доносит до читателя некий Белкин (отсюда и название пушкинского цикла — «Повести Белкина»). А в гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки» повествователем выступает остроумный и наблюдательный пасечник Рудый Панько. Именно его устами переданы и приключения хорошо знакомого вам кузнеца Вакулы.

4. В отличие от драмы, где используют диалог и монолог, в эпосе представлены разнообразные способы изложения: повествование, описание, диалог, монолог, авторские отступления.

Учёные выделяют различные жанры эпоса: *роман, повесть, рассказ, сказка, миф, легенда* и другие.

Одним из наиболее распространённых жанров эпоса является роман. Как вы уже знаете, эта разновидность художественной литературы выделяется среди других широтой охвата событий и наличием нескольких сюжетных линий. В романах изображены глубокие и сложные жизненные проблемы, действует множество персонажей. Так, например, по подсчётам исследователей, в романе Сервантеса встречается 669 (!) персонажей, представляющих все общественные слои и почти все профессии тогдашней Испании.

Во времена Средневековья были распространены так называемые рыцарские романы, изображающие подвиги рыцарей во имя прекрасной дамы. Именно в этот период и стали употреблять слово «роман» с целью названия определённых произведений. Оно возникло из французского словосочетания «*conteroman*» — «рассказ на романском языке».

1. Объясните сущность понятий «эпос», «роман».
2. Докажите, что «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» — эпическое произведение.
3. Какие романы украинской, русской и зарубежной литературы вы читали?

Диалог искусств

Произведение Сервантеса интересовало многих деятелей искусств. Среди иллюстраций к роману наиболее известны работы **Гюстава Доре**, **Пабло Пикассо**, **Саввы Бродского**. Оригинальностью отличается и мексиканский художник **Октавио Окампо**, который проиллюстрировал весь роман Сервантеса удивительно ёмкой картиной — «*Видения Дон Кихота*». Такие работы называют художественными оптическими иллюзиями, поскольку при их рассмотрении обнаруживается скрытый смысл. Так, в созданном Октавио Окампо портрете Дон Кихота зашифрованы персонажи и события двухтомного романа.

Октавио Окампо.
Видения Дон Кихота
(1989)

Попробуйте и вы рассмотреть, кто именно прячется на этом чудо-полотне, подумайте, какие «видения» героя хотел передать художник.

В театральном мире наибольший успех имели балет **Людвига Минкуса** «Дон Кихот Ламанчский» в постановке **Мариуса Петипа** (премьера состоялась в 1869 г.) и одноимённая опера **Жана Массне**, написанная специально для знаменитого певца **Фёдора Шаляпина** и впервые поставленная на сцене в Монте Карло (1910 г.). Интересно, что великий русский бас нарисовал эскизы костюма и собственноручно изготовил грим для образа Дон Кихота, арию которого он исполнял. Ныне на подмостках Национального академического театра русской драмы им. Леси Украинки (г. Киев) идёт спектакль «Дон Кихот. 1938 год» (режиссёр **Леонид Остропольский**, постановщик **Михаил Резникович**). В его основе — пьеса **Михаила Булгакова** «Дон Кихот», а также фрагменты из других его пьес, мемуаров, эпистолярного наследия. Спектакль интересен тем, что в нём проводится параллель между Дон Кихотом и Булгаковым.

Из тайников искусства слова

О «ВЕЧНЫХ ОБРАЗАХ» В ЛИТЕРАТУРЕ

Учитая художественные произведения, вы всё чаще будете замечать, что в некоторых из них встречаются одни и те же образы, которые имеют общечеловеческое значение. Так, образ благородного идадьго находим в произведениях многих писателей. Почитатели русской литературы хорошо знают поэтические строки **Валерия Брюсова** и **Юлии Друниной**. А **Самуил Маршак** своё стихотворение, написанное в 1947 году, так и назвал — «Дон Кихот».

Пора в постель, но спать нам неохота.
Как хорошо читать по вечерам!
Мы в первый раз открыли Дон-Кихота,
Блуждаем по долинам и горам.

Нас ветер обдаёт испанской пылью,
Мы слышим, как со скрипом в вышине
Ворочаются мельничные крылья
Над рыцарем, сидящим на коне.

Что будет дальше, знаем по картинке:
 Крылом дырявым мельница махнёт
 И будет сбит в неравном поединке
 В неё копьё вонзивший Дон-Кихот.

Но вот опять он скачет по дороге...
 Кого он встретит? С кем затеет бой?
 Последний рыцарь, тощий, длинноногий,
 В наш первый путь ведёт нас за собой.

И с этого торжественного мига
 Навек мы покидаем отчий дом.
 Ведут беседу двое: я и книга.
 И целый мир неведомый кругом.

Пабло Пикассо.
 Из иллюстраций
 к роману «Дон Кихот» (1968)

К образу доблестного рыцаря обращались украинские писатели **Иван Франко**, **Борис Гринченко**, **Лина Костенко**. Знаменитая поэтесса написала «Баладу моїх ночей», в которой создала образ украинского Дон Кихота:

Замглиє степ козацькими могилами.
 Минає час, єдиний секундант.
 Стоїть вітряк з опущеними крилами.
 Стриножений пасеться Росінант...

Поэтические строки роману Сервантеса посвящали англичанин **Джордж Байрон**, француз **Поль Верлен**. Аргентинец **Хорхе Луис Борхес** написал два прозаических произведения — «Притчу о Сервантесе и Дон Кихоте» и «Скрытую магию в «Дон Кихоте»».

Вечными стали и знакомые вам уже образы Ромео и Джульетты, которые символизируют чистую и всепобеждающую любовь. Так, юным возлюбленным посвящены стихи русских поэтов **Маргариты Алигер** и **Николая Асеева**, рассказ чешского писателя **Карела Чапека** «Ромео и Джульетта», новелла швейцарца **Готфрида Келлера** «Сельские Ромео и Джульетта».

Литературные образы, которые по глубине художественного обобщения выходят за пределы конкретных произведений и отображённой в них эпохи, называют *вечными*.

Они сосредоточивают в себе важные черты человеческого характера, ситуации и конфликты, которые повторяются в новых условиях. Вечные образы вновь и вновь возникают в творчестве писателей разных стран и времён.

- ?
1. Объясните значение понятия «вечные образы».
 2. Почему, на ваш взгляд, образ Дон Кихота стал вечным? Что он символизирует?
 3. Какими чувствами пронизано стихотворение С. Маршака «Дон Кихот»?
 4. Найдите и прочитайте другие произведения, посвящённые этому образу. Поделитесь своими впечатлениями.

У литературной карты мира

«Кто хочет узнать писателя, должен побывать на его родине», — советовал великий Гёте. Осуществив реальную или виртуальную экскурсию по Испании, мы узнаем, что Сервантес — это не просто любимый писатель испанцев, а своеобразный символ этой страны. В Мадриде можно увидеть один из самых интересных памятников Сервантесу (скульптор **Лоренцо Кулло-Валера**, 1920-е гг.). Писатель изображён сидящим в глубокой задумчивости, а перед ним — бронзовые статуи Дон Кихота и его верного слуги Санчо Пансы.

А в городе Сьюдад-Реаль взгляд туристов радует памятник Санчо Пансе и его любимому ослу. Здесь в 2002 году был открыт Музей Дон Кихота, в котором хранится более трёх тысяч изданий романа, переведённого на десятки языков мира.

Те, кто хотят попасть в дом-музей Дульсинеи, непременно отправляются в городок Тобосо, расположенный недалеко от Мадрида. «Создавая его, местные власти отдали дань благодарности Сервантесу, который, сам того не ведая, спас их город от беспощадного артиллерийского обстрела. Произошло это в начале XIX века. Армия Наполеона подошла к Тобосо и приготовилась к штурму. Однако команды «огонь» так и не последовало. Когда генералу Дюпону доложили, что перед ним тот самый Тобосо, где жила возлюбленная Дон Кихота, он отказался от обстрела, не пожелав войти в историю, как военачальник, разрушивший родной город великой литературной героини». Воистину литература творит чудеса!

По статье *Ольги Мургиной*,
представленной на сайте «Библиогид»

Подытожим изученное

1. Как вы понимаете слова М. Сервантеса, вынесенные в эпиграф к статье о писателе?
2. Подготовьте устный развёрнутый ответ на вопрос: «Какова роль портрета в раскрытии образа Дон Кихота (или Санчо Пансы)?»
3. Какое впечатление лично на вас произвёл образ славного идадьго?
4. Чем, на ваш взгляд, можно объяснить различия в читательском восприятии этого образа?
5. Согласны ли вы, что в образе Дон Кихота сочетается комическое и трагическое?
6. Составьте план сравнительной характеристики Дон Кихота и Санчо Пансы.
7. Подготовьте доклад на одну из тем: «Панорама Испании начала XVII в. в романе «Дон Кихот»»; «Средства создания комического в романе».
8. Сделайте выводы об авторском отношении к главным персонажам.
9. Предложите свой вариант ответа на вопрос, поставленный известным русским писателем, литературным критиком и общественным деятелем начала XX в. Д. С. Мережковским: «... под светлой оболочкой романа таится печальная ирония. Дон Кихот и Санчо Панса — чудачки, безумцы, бесполезные мечтатели, но разумнее ли их тот, кто смеётся над ними?»
10. Назовите характерные особенности эпического рода и жанра романа в произведении Сервантеса.
11. Украинский литературный критик Степан Гречанюк в 1991 г. опубликовал статью под названием «Наш современник Дон Кихот»¹. Можете ли вы назвать Дон Кихота нашим современником? Подготовьте аргументы к участию в дискуссии «Современен ли Дон Кихот?».
12. Подготовьте мультимедийную презентацию или реферат на тему «Образ Дон Кихота сквозь призму различных видов искусства».
13. Какое из представленных в учебнике изображений Дон Кихота понравилось вам больше всего? Почему?
14. Продолжите предложение: «*“Вечные образы” — это...*». Приведите пример «вечных образов» в литературе.

¹ Гречанюк С. «Наш сучасник Дон Кіхот» // Всесвіт. — 1991. — № 10. — С. 181–185.

15. Напишите сочинение на одну из тем:
 - «Образ Дон Кихота в зеркале современности»;
 - «Мій Дон Кіхоте, лицарю, чого-бо ти бредеш один по цій гіркій стежі?» (Образ Дон Кихота в романе Сервантеса и «Баладі моїх ночей» Лины Костенко);
 - «Два вечных спутника — два вечных чудака» (Сравнительная характеристика Дон Кихота и Санчо Пансы).
16. Подготовьте презентацию темы «Увековечение образа Дон Кихота в массовой культуре»¹.

ПОДБИТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

в разделе «Гимн достоинствам человека, или О вечных ценностях в литературе эпохи Возрождения»

1. Кратко охарактеризуйте эпоху Возрождения (временной период, основные ценности и идеи, выдающиеся представители).
2. Согласны ли вы с утверждением И. С. Тургенева: «Шекспир, как природа, доступен всем, и изучать его должен каждый сам, как и природу. Как она, он и прост и многосложен — весь, как говорится, на ладони и бездонно глубок, свободен до разрушения всяких оков и постоянно исполнен внутренней гармонии и той неуклонной законности, логической необходимости, которая лежит в основании всего живого»? Аргументируйте свой ответ.
3. На конкретных примерах из трагедии «Ромео и Джульетта» раскройте понятие о драме как литературном роде.
4. Иван Франко писал о пьесе Шекспира: «Главная прелесть её — то очарование молодости и свежести, то поэтическое чувство, та... простота и сила чувства, которая придаёт... любовной истории высшую силу». Согласны ли вы с таким утверждением? Свой ответ обоснуйте.

¹ С этой целью советуем использовать материалы такой книги: П р о н к е в и ч О. В. «Дон Кіхот»: роман — міф — товар. — К. : НАУКМА; Аграр Медіа Груп, 2012. — 198 с.

5. Как вы думаете, почему Шекспир «не подарил счастья» своим героям? Обоснуйте свой ответ.
6. Подготовьте сообщение об одном из произведений других видов искусства, созданных на основе трагедии В. Шекспира.
7. Прокомментируйте высказывание французского писателя Эдмона Ростана (1868–1918) о Дон Кихоте: «Он дрался с мельницами и был подброшен к звёздам».
8. На примере «Дон Кихота» объясните, чем роман отличается от повести.
9. Докажите, что роман «Дон Кихот» — произведение эпохи Возрождения.
10. С помощью иллюстраций расскажите о воплощении образа Дон Кихота в разных видах искусства.

Фёдор Шаляпин.
Автопортрет
в роли Дон Кихота
(1933)

Афиша
к балету
«Дон Кихот»
(Украина, 2012)

Постер
к мультфильму
«Дон Кихот».
(США, 2007)

11. Известный писатель-фантаст Айзек Азимов утверждал: «Книга даёт нам слова, к которым вы сами подбираете картины, возникающие в вашем воображении, вы знаете, как выглядит Д'Артаньян и Дон Кихот, это ваш Д'Артаньян и ваш Дон Кихот». Согласны ли вы с этой мыслью? Если да, то расскажите, какой он, ваш Дон Кихот.
12. Подготовьте мультимедийную презентацию на тему: «Искусство эпохи Возрождения».
13. Прокомментируйте название, эпиграфы и символы этого раздела, представленные на его шмуцтитуле. Какое образное решение могли бы предложить вы, если бы были художником этого учебника?

Гармония разнообразий, или Палитра жанров в русской литературе XIX века

Из разнообразия
возникает совершенная гармония.
Гераклит, древнегреческий философ

З видимого познавай невидимое.
Григорий Сковорода

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✂ **узнать новое** о жизни и творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя;
- ✂ **открыть для себя** творчество И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Л. Н. Толстого;
- ✂ **на конкретных примерах понять**, в чём заключаются особенности различных жанров литературы: лирических стихотворений, комедии, сказки, рассказа и повести;
- ✂ **раскрыть** сущность понятий «лирика как литературный род», «лирический герой», «комедия», «сатира», «гротеск», «стихотворение в прозе»;
- ✂ **разобраться**, нужно или не нужно человеку XXI столетия читать произведения классической русской литературы.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

(1799—1837)

- Используя уже известные вам сведения о жизни и творчестве А. С. Пушкина, подготовьте сообщение на тему: «Какой он, мой Пушкин?».
- Расскажите, какое историческое время мы называем пушкинской эпохой.
- Прочитайте наизусть известное вам стихотворение А. С. Пушкина.
- Подготовьте вопросы для литературной викторины «Что вы знаете о жизни и творчестве А. С. Пушкина?».

Хочу воспеть Свободу миру.
На тронах поразить порок.
Александр Пушкин

«ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ!»

«Только однажды даётся стране воспроизвести человека, который в такой высокой степени соединяет в себе столь различные и, по-видимому, друг друга исключают качества», — эти слова выдающегося польского поэта Адама Мицкевича посвящены Александру Сергеевичу Пушкину.

Знатные покровители и верные друзья, блестящее образование и ошеломительный успех, настоящая любовь и преданность близких и, конечно же, самое главное, божественный дар и гениальные творения — всем этим его судьба одарила щедро. А ещё многочисленными испытаниями, которые он с честью выдерживал...

В 1824 году по решению императора Александра I А. С. Пушкина отправляют в новую ссылку. Неблагодарный поэт был сослан в родовое имение своих родителей, в село Михайловское Псковской губернии.

Михайловское уединение стало для него временем духовного роста, периодом переосмысления как определённых жизненных идеалов, так и творческой манеры, способствовало интенсивному творчеству. Через 10 лет поэт об этом времени вспоминал так:

Здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило,
Поэзия, как Ангел-утешитель, спасла меня,
И я воскрес душой.

Сюда, в этот «пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья», как писал о Михайловском поэт, он прибыл в августе 1824 года. Он должен был жить «под строгим присмотром», лишённый всего, чем так дорожил, обречённый на одиночество и скуку. Унизительным казались поэту надзор, которому он подвергался, и запрет покидать Михайловское и его округу. «Умираю скучно», «скука смертная везде» — так характеризовал поэт свою жизнь в первых своих письмах из Михайловского.

Изгнание поэта скрашивали и книги... «Книг, ради Бога, книг!», «Стихов, стихов, стихов», «Библию, Библию!» — взывал он из Михайловского к друзьям. Как благодарен он был за каждую присланную книгу. За два года ссылки Пушкину удалось собрать приличную библиотеку, которую, когда пришло время переезда, он вывозил на двенадцати (!) подводах.

Друзья старались всячески поддержать поэта. Благодаря переписке с ними, А. С. Пушкин и в ссылке продолжает вести активную литературную деятельность: пишет критические статьи, хлопочет об издании своих сочинений, делится новыми замыслами... Он следует совету старшего друга В. А. Жуковского: «На всё, что с тобою случилось и что ты сам на себя навлёк, у меня один ответ: поэзия. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богач, у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженного несчастья...». А. С. Пушкин окунается в творчество.

И когда в конце осени 1824 года в связи с переездом в столицу поэта покинули и его родные, основным местом его пребывания в доме стал кабинет. Здесь рождались бессмертные строчки.

Сосредоточенность и строгое уединение, как говорил сам Пушкин, «вдали охлаждающего света» стали условиями, в которых завершилось становление великого поэта. Один из первых его биографов Павел Анненков писал об этом периоде жизни А. С. Пушкина: «Настоящим центром его духовной жизни было Михайловское и одно Михайловское: там он вспоминал о привязанностях, оставленных в Одессе; там он открывал Шекспира и там предавался грусти, радости и восторгам творчества... Тут был для него неиссякаемый источник мыслей, вдохновения, страстных занятий...»

Пережить одиночество помогали и краткие встречи с лицейскими товарищами. Особенно радостным для Пушкина стал приезд самого близкого с детских лет друга Ивана Пущина, члена тайного общества, будущего декабриста.

Живя в Михайловском, Пушкин впервые столь непосредственно соприкоснулся с крестьянами, их нравами и бытом. Это явилось толчком для новых размышлений поэта о положении крепостных, о народе и власти. «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, — пишет Пушкин летом 1825 года, — я могу творить».

Виктор Шилов. Осенние дожди (1974)

За два года Михайловской ссылки А. С. Пушкиным были написаны многие известные стихотворения, трагедия *«Борис Годунов»*, центральные главы романа в стихах *«Евгений Онегин»*, завершена поэма *«Цыганы»*, начат исторический роман *«Арап Петра Великого»*, задуманы *«Маленькие трагедии»*.

В Михайловском ссылный Пушкин узнал о подавлении дворянского восстания против царя в Петербурге 14 декабря 1825 г., в котором участвовали многие его друзья, члены тайных революционных обществ. Жестокая расправа правительства над мятежниками сильно потрясла поэта: пять человек, в том числе Пестель и Рылеев, с которыми он был близок, были повешены, а 120 человек, среди которых и его самые близкие лицейские друзья — Пущин и Кюхельбекер, сосланы на каторгу в Сибирь. Поражение декабристов он воспринял как личную трагедию. О чём бы он ни думал, чтобы ни писал, мысль о своих друзьях, вышедших на Сенатскую площадь, не покидала его. *«И я бы мог...»* — писал А. С. Пушкин. Поэт не только готов был разделить судьбу декабристов, но и чувствовал в себе силы продолжать их дело своим пророческим словом. Свои мысли и чувства поэт выразил в стихотворении *«Во глубине сибирских руд...»*. Вместе с посланием в Сибирь поэт отправляет эти пронзительные строки своему другу Ивану Пущину. Таким образом А. С. Пушкин при первой же возможности старался поддерживать своих друзей.

Несколько месяцев он провёл в ожидании решения царя о своей судьбе. У власти были все основания для ареста Пушкина, ведь в бумагах практически каждого арестованного декабриста находили его стихи. К счастью, никаких других сведений против поэта правительству собрать не удалось. Тогда император Николай I, учитывая большое влияние творчества Александра Сергеевича на образованную часть общества, решает освободить его из ссылки и таким образом надеется привлечь на свою сторону.

В сентябре 1826 года Пушкин был помилован. В Москву он увозил с собой стихотворение *«Пророк»*, которое заканчивается могучим призывом:

«И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей!».

Ни казнь друзей-декабристов, ни тайный надзор полиции, установленный за Пушкиным, просмотр всех его писем, ни запрет цензуры на печать его трагедии «Борис Годунов» не смогли изменить его вольнолюбивых убеждений.

Он остаётся верен своим идеалам, и на бумагу снова и снова ложатся великие строки...

1. Объясните, как вы понимаете название статьи о писателе.
2. Расскажите о пребывании поэта в Михайловском в 1824–1826 годах.
3. Подготовьте сообщение на тему: «Пушкин и декабристы».

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Николай Бестужев.
Портрет
Ивана Пущина (1837)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Каким настроением проникнуто стихотворение «И. И. Пущину»?
2. Используя информацию из рубрики «Читателю XXI столетия на заметку» и дополнительных источников, расскажите об истории создания этого произведения.
3. Проследите, какие художественно-образительные средства языка использованы для создания основного настроения стихотворения.
4. С помощью конкретных примеров докажите, что стихотворение «И. И. Пущину» — это послание (стихотворное письмо).
5. Подготовьтесь к выразительному чтению произведения в классе.

Читателю XXI столетия на заметку

Своё стихотворение А. С. Пушкин посвятил другу, однокурснику по Лицею, Ивану Ивановичу Пущину, приговорённому за участие в Декабрьском восстании 1825 года к смертной казни, которая была заменена пожизненной каторгой. Сам И. И. Пущин рассказывал: «1828 года, 5 января, привезли меня из Шлиссельбурга в Читу, где я соединился, наконец, с товарищами моего изгнания и заточения, прежде меня прибывшими в тамошний острог. [...] В самый день моего приезда в Читу призывает меня к частоколу А. Г. Муравьёва¹ и отдаёт листок бумаги, на которой неизвестною рукой написано было: “Мой первый друг, мой друг бесценный!..” Отраднo отозвался во мне голос Пушкина!..».

«ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД...»

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какие мысли и чувства вызывает у вас прочитанное стихотворение?
2. Воспользовавшись информацией из рубрики «Читателю XXI столетия на заметку» и дополнительных источников, расскажите об истории создания этого стихотворения.
3. Сформулируйте главную мысль произведения.
4. Проследите, какие изобразительно-выразительные средства использует автор. Подумайте, с какой целью А. С. Пушкин вводит эпитеты и метафоры в прямом и переносном значении.
5. Прокомментируйте высказывание известного русского писателя (автора сказки «Аленький цветочек») и литературно-го критика С. Т. Аксакова об А. С. Пушкине: «Многие стихи

¹ Александра Григорьевна Муравьёва — жена декабриста Н. М. Муравьёва, последовавшая за мужем в Сибирь на каторгу.

его, огненными чертами врезанные в душу читателей, сделались народным достоянием!»

6. Самостоятельно найдите и подготовьте выразительное чтение ответа А. С. Пушкину, написанное поэтом и декабристом А. И. Одоевским.

Читателю XXI столетия на заметку

14 декабря 1825 г. в Петербурге произошло восстание, организованное группой дворян. Оно было направлено против укрепления власти самодержавия, за отмену крепостного права.

По плану восставшие должны были захватить царскую семью и помешать вооружённым силам России, а также органам государственной власти, в лице Сената, принести присягу на верность императору Николаю. Однако с самого начала всё пошло не так. Уже к вечеру восстание было полностью подавлено.

В результате следствия, проведённого по делу декабристов, пятеро из них были приговорены к смертной казни, а многих отправили в ссылку и на каторгу в Сибирь.

У литературной карты мира

Если вы будете путешествовать по Черкасщине, то непременно посетите романтическую Камянку. В этом городке ваше внимание обязательно привлечёт необычная стела. В мемориале увековечены два гения мировой культуры — поэт **А. С. Пушкин** и композитор **П. И. Чайковский**. А рядом на радуге-арке вмонтированы медальоны с портретами казнённых декабристов.

Памятник декабристам
в Каменке

В Каменке вам непременно нужно прогуляться по Парку Декабристов, который находится в самом центре. Именно здесь, в усадьбе В. Давыдова, собирались свободолюбивые гости. Одну из таких встреч руководителей нелегального Южного общества увековечили в своей скульптурной композиции

скульпторы **М. Вронский**, **В. Чепелик** и архитектор **В. Гнездилов**. А в 30-х годах прошлого века в одном из флигелей усадьбы Давыдовых был открыт литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина и П. И. Чайковского. В 1975 году в парке декабристов по проекту **В. Шатуха** был воздвигнут и памятник А. С. Пушкину.

19 ОКТЯБРЯ 1825

(ОТРЫВОК)

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Царскосельский лицей
(рисунок Александра
Пушкина на рукописи
романа «Евгений Онегин»)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, какие эмоции вызывают у вас эти поэтические строчки.
2. Какие мысли и чувства раскрываются в прочитанном? Аргументируйте свой ответ.
3. Сформулируйте главную мысль этого отрывка.
4. Ознакомьтесь с информацией, представленной в рубрике «Читателю XXI столетия на заметку», и расскажите об истории создания стихотворения «19 октября 1825».
5. Можно ли считать эти поэтические строчки «гимном дружбе»? Обоснуйте свой ответ.
6. Подготовьте выразительное чтение произведения.

Читателю XXI столетия на заметку

Годы, проведённые в Царскосельском лицее, навсегда остались в сердце А. С. Пушкина. «Святое братство» друзей-выпускников дало клятву собираться ежегодно 19 октября, в день рождения Лицея. В те годы, когда Пушкин не мог быть вместе с товарищами, он присылал своё поэтическое приветствие.

ЛИРИКА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ РОД

Вы, наверняка, не раз слышали выражения «*лирическое настроение*», «*лирическая песня*». Давайте выясним значение слова «*лирический*».

Греческое слово «*лира*» обозначает музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого исполнялись песни. Поэтому *лирический* (от *лира*) — эмоционально окрашенный, волнующий, такой, в котором чувства, душевные переживания преобладают над разумом. Не случайно лирические произведения называют «*музыкой в словах*», «*глазами сердца*» и «*голосом чувства*».

Лирика — один из родов литературы, наряду с эпосом и драмой, который отображает внутренние переживания героя, его эмоции и чувства.

В отличие от эпоса и драмы, в которых изображаются характеры, действующие в различных обстоятельствах, лирика передаёт отдельные состояния характера в определённый момент жизни.

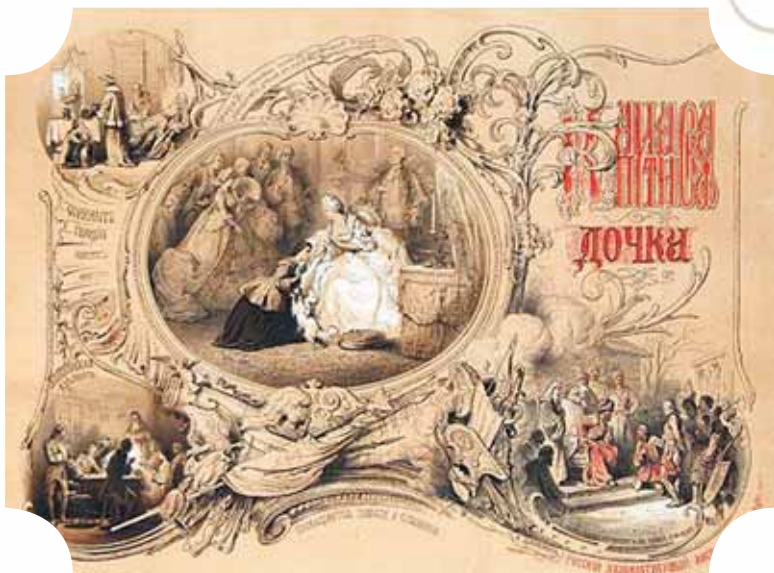
«*Дневник душевного состояния*» — такое определение лирике дал великий немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте.

Среди основных особенностей лирики выделим:

- сосредоточенность на внутреннем мире, переживании героя;
- сюжет практически отсутствует или слабо выражен;
- предпочтение стихотворной, а не прозаической речи в отличие от эпоса и, частично, драмы;
- лаконизм и сжатость средств художественного изображения, в связи с чем значение слова в лирике шире его непосредственного прямого смысла;
- повышенная эмоциональность и экспрессивность, поэтому лирика, в первую очередь, воздействует на духовный мир читателя.

1. Раскройте значение слова «*лирический*».
2. Дайте определение лирики как литературного рода.
3. На примере прочитанных стихотворений А. С. Пушкина раскройте основные особенности лирики.

Адольф Шарлемань. Капитанская дочка (1861)

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА (В сокращении)

Береги честь смолоду.
Пословица

Глава II ВОЖАТЫЙ

[...] Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и, наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли воротиться?»

— Это зачем?

— Время ненадёжно: ветер слегка подымается; вишь, как он сметает порошу.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое

принял было сперва за отдалённый холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силён; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!..»

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали. «Что же ты не едешь?» — спросил я ямщика с нетерпением. «Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом». Я стал было его бранить. Савельич за него заступился: «И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоянный двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!» Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то чёрное. «Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. «А Бог знает, барин, — сказал он, садясь на своё место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек». Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком. «Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?»

— Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

Анатолий Иткин.
из иллюстраций
к повести «Капитанская
дочка» (1973)

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперёк. Да вишь какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав. «В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалече?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды. [...]

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран ещё продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввёл меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала её. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, ещё свежий и бодрый. Савельич внёс за мною погребец, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошёл хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича. «Здесь, ваше благородие», — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел чёрную бороду и два сверкающие глаза. «Что, брат, прозяб?» — «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечер у целовальника¹: мороз показался не

¹ *Целовальник* (устар.) — должностное лицо, выбиравшееся для исполнения судебных, финансовых и полицейских обязанностей.

велик». В эту минуту хозяин вошёл с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В чёрной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нём был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднёс ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питьё». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте.

«Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов.

А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, *умёт*, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лёг на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лёг на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился. «Полтину

на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придётся голодать». Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. «Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп».

— Помилуй, батюшка Пётр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьёт, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я, или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твоё холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напаялишь его на свои окаянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новёшенький! и добро бы кому, а то пьянице оголтелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». — Он пошёл в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своём вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину росту высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времён Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. [...]

— Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, — всё будет сделано: ты будешь офицером переведён в *** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана

Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние вредно молодому человеку. А сегодня милости просим: отобедать у меня».

«Час от часу не легче! — подумал я про себя, — к чему послужило мне то, что ещё в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроём с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Глава IV ПОЕДИНОК

— Ин изволь, и стань же в позитуру.
Посмотришь, проколю как я твою фигуру!
Княжнин¹

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностию. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашёл благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведён в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но ещё не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая, хотя многие из них, дабы в том не ошибиться,

¹ *Княжнин Яков Борисович (1740–1791) — один из крупнейших русских драматургов своего времени.*

перед каждым оборотом клали на себя знамение креста. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловой, первую вестовщицею во всём околотке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчёт семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междуусобием. [...]

Я дожидался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучал под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдём к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я своё имя, громко произнесённое. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегавшего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча; я упал и лишился чувств.

Глава V ЛЮБОВЬ

[...] Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава Богу, не умничал. Молодость и природа ускорили моё выздоровление. Всё семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она безо всякого жеманства призналась мне в сердечной склонности и сказала, что её родители, конечно, рады будут её счастью. «Но подумай хорошенько, — прибавила она, — со стороны твоих родных не будет ли препятствия?»

Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался; но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет и что он будет на неё смотреть как на блажь молодого человека. Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе его и предалась чувствам нежного своего сердца со всею доверчивостию молодости и любви.

[...] Вскоре я выздоровел и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с её мужем я ещё не объяснялся; но предложение моё не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них свои чувства, и мы заранее были уж уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошёл ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гринёву, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что всё дело пошло к чёрту. [...]

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поспешил, глубоко оскорбили меня. [...]

С той поры положение моё переменилось. Марья Ивановна почти со мною не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла; но, видя моё упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузмичём виделся я только, когда того требовала служба. Со Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нём скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

Глава VI ПУГАЧЁВЩИНА

[...] Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашёл я Швабрина, Ивана Игнатъича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочёл следующее:

«Господину коменданту Белогорской крепости капитану Миронову.

По секрету.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачёв, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвёл возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно и к совершенному уничтожению одного, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению».

— Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодейто, видно, силён; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч. (Урядник усмехнулся.) Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите всё это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

Раздав сии повеления, Иван Кузмич нас распустил. Я вышел вместе со Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали. «Как ты думаешь, чем это кончится?» — спросил я его. «Бог знает, — отвечал он, — посмотрим. Важного покамест ещё ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачёва разнеслась по крепости. [...]

Вскоре все заговорили о Пугачёве. Толки были различны.

[...] Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочёл нам воззвание Пугачёва, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своём намерении идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не сопротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

Глава VII ПРИСТУП

[...] Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укреплённое частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружьё. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростью необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысым шапкам и по колчанам. Комендант обошёл своё войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатъичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от неё. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идёт баталья? Где же неприятель?» — «Неприятель недалече, — отвечал Иван Кузмич. — Бог даст, всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил её из её рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце моё горело. Я воображал себя её рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин её доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооружённых копьями и сайдаками¹. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнажённой саблею в руке: это был сам Пугачёв.

[...] Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечьхватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятиться. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал... Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперёд, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но оробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошёл в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь; несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот уж вам будет, государевым послушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболя шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачёву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил

¹ *Сайдáк* (также *сагайдак*, *садак*, *саадак*, *сагадак*, *согодак*) — набор вооружения конного лучника.

из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На её перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздёгнутого в воздух. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачев, — государю Петру Фёдоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачёв, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачёва. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нём и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова повели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочёл бы самую лютую казнь такому

Сергей Герасимов.
Пугачёв и Савельич (1951)

подлому унижению. «Батюшка Пётр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачёв опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» — Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооружённый тупыми своими ножами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачёва, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал с кресел и сошёл с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявлял отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрёпанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил её саблею по голове, и она упала мёртвая на ступени крыльца. Пугачёв уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

[...] По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришёл домой. Савельич встретил меня у порога. «Слава Богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Пётр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошенники: платье, бельё, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?»

— Нет, не узнал; а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новёшенький, а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле сходство Пугачёва с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоянным дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

[...] Начинало смеркаться, когда пришёл я к комендантскому дому. [...]

[...] Пугачёв смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной весёлостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе верёвку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умёту, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принуждён я был скрываться от своих недругов. То ли ещё увидишь! Так ли ещё тебя пожалую, когда получу своё государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня, нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели; и то, на что я был готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачёв мрачно ждал моего ответа. Наконец (и ещё ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачёву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышлёный: ты сам увидел бы, что я лукавствую».

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал?

Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твёрдостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачёв задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как я могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачёва. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрёма клонит». [...]

Глава IX РАЗЛУКА

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.
Херасков¹

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошёл на сборное место. [...] Наконец Пугачёв вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачёв остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросился их подбирать, и дело не обошлось без увечья. Пугачёва окружили главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моём он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачёв, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю.

¹ *Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807) — русский поэт.*

Присоветуй им встретить меня с детской любовью и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрина: «Вот вам, детушки, новый командир: слушайтесь его во всём, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачёв сошёл с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было посадить его. [...]

Я спешил в дом священника увидеться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в её комнату. Я тихо подошёл к её кровати. Перемена в её лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной беззащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное моё бессилие утешали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал моё воображение. Облечённый властью от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка — невинный предмет его ненависти, он мог решиться на всё. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал её, орошая слезами. «Прощайте, — говорила мне попадья, провожая меня, — прощайте, Пётр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя».

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошёл по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал.

Я шёл, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянулся; вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в поводу и делая издали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой: «Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да ещё, — примолвил, запинаясь, урядник, — жалует он вам... полтину денег... да я растерял её дорогию; простите великодушно». Савельич посмотрел на него

косо и проворчал: «Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!» — «Что у меня за пазухой-то побрякивает? — возразил урядник, нимало не смутясь. — Бог с тобой, старинушка! Это бренчит уздечка, а не полтина». — «Добро, — сказал я, прерывая спор. — Благодарю от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку». — «Очень благодарен, ваше благородие, — отвечал он, поворачивая свою лошадь, — вечно за вас буду Бога молить». При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича. «Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я недаром подал мошеннику челобитье: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок».

Глава X ОСАДА ГОРОДА

[...] Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что сия осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетавшим на их дворы; даже приступы Пугачёва уж не привлекали общего любопытства. Я умирал со скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марьей Ивановной становилась мне нестерпима. Неизвестность о её судьбе меня мучила. Единственное развлечение моё состояло в наездничестве. По милости Пугачёва, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачёвскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и доброконных. Тошная городская конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота; но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностью и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Пётр Андреич! Как вас Бог милует?»

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?»

— Недавно, батюшка Пётр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмецо.

— Где ж оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

— Со мною, — отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. — Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. — Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул её и с трепетом прочёл следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережёте и не думаете о тех, которые за вас со слезами Бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застращав Пугачёвым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я её племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозитя, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезёт меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать ещё три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Пётр Андреич! вы один у меня покровитель; заступитесь за меня бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу¹ да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошёл. Я пустился в город, без милосердия пришпоривая бедного моего коня. Дорогою

¹ Сикурса (воен. устар.) — военная помощь, поддержка, подкрепление.

придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать.

[...] Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чём она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

Глава XI МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА

[...] Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить её. Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шёл мимо Бердской слободы, пристанища пугачёвского. [...]

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрёстка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, — сказал один из мужиков, — сейчас об вас доложим». Он вошёл в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дождался долго; наконец мужик воротился и сказал мне: «Ступай: наш батюшка велел впустить офицера».

Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачёв сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачёв узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостью. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принёс?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачёв, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачёв, — от них я

ничего не таю». Я взглянул наискось на наперсников самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был невысокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало моё воображение. Но Пугачёв привёл меня в себя своим вопросом: «Говори: по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение, вторично приведшее меня к Пугачёву, подавало мне случай привести в действие моё намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачёва:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачёва засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто виноватый?»

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрину, — сказал грозно Пугачёв. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

— Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрину в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору.

— Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрину сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признаёт, так нечего у тебя и управы искать, а коли признаёт, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его в приказную да запалить там огоньку: мне сдаётся, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

Логика старого злодея мне показалась довольно убедительной. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачёв заметил моё смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне подмигивая. — Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачёва возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

— Добро, — сказал Пугачёв. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Слава Богу, — отвечал я, — всё благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачёв. — А народ мрёт с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

— Ты видишь, — подхватил старичок, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачёва. К счастью, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

— Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы всё душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чём душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

— Да ты что за угодник? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, — отвечал Хлопуша, — и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье да в тёмном лесу, не дома, сидя за печью; кистенём и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отворотился и проворчал слова: «Рваные ноздри!»...

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придёт и твоё время; Бог даст, и ты щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородашки не вырвал!

— Господа енаралы! — провозгласил важно Пугачёв. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладной; беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачёву, сказал ему с весёлым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замёрз бы на дороге».

Уловка моя удалась. Пугачёв развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачёву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачев. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем.

[...] Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачёв не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачёв мог проведать истину и другим образом... Тогда что станется с Марьей Ивановной? Холод пробежал по моему телу, и волоса становились дыбом...

Вдруг Пугачёв прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чём, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачёв. — Страшно тебе?

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-Богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий

тулуп. Ты видишь, что я не такой ещё кровопийца, как говорит обо мне ваша братья.

Я вспомнил взятие Белогорской крепости; но не почёл нужным его оспаривать и не отвечал ни слова.

— Что говорят обо мне в Оренбурге? — спросил Пугачёв, помолчав немного.

— Да говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. «Да! — сказал он с весёлым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енаралов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мне забавна.

— Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридериком?

— С Фёдор Фёдоровичем? А как же нет? С вашими енаралами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие моё было счастливо. Дай срок, то ли ещё будет, как пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: «Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они вору. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою».

— То-то! — сказал я Пугачёву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачёв горько усмехнулся. «Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою».

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь, спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат

ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит, по мне, клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погрузясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней, — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Глава XII СИРОТА

Как у нашей у яблонки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то её некому,
Благословить-то её некому.
Свадебная песня

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачёва и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачёву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъясняя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце моё заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел ещё диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия¹ прошедшему времени. Пугачёв сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыпленный ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднёс ему водки. Пугачёв выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошёл ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачёв был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостию. Пугачёв осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг

¹ *Эпита́фия* (греч. — «надгробный») — изречение (часто стихотворное), сочиняемое на случай чьей-либо смерти и используемое в качестве надгробной надписи.

спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне её».

Швабрин побледнел, как мёртвый. «Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачёв. — Это моё дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебе, или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

— Отворяй! — сказал Пугачёв.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа.

Пугачёв толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрёпанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачёв посмотрел на Швабрину и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» Потом, подошёл к Марье Ивановне: «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чём ты перед ним провинилась?»

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решила умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачёв взглянул грозно на Швабрину: «И ты смел меня обманывать! — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачёв смяг-

чился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарю тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца её родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней, но в эту минуту очень смело в комнату втёрлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачёв вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал смеясь Пугачёв. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посажённым отцом, Швабрин дружкою; закутим, запьём — и ворота закрём!

Чего я опасался, то и случилось. Швабрин, услыша предложение Пугачёва, вышел из себя. «Государь! — закричал он в испуглении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнён при взятии здешней крепости».

Пугачёв устремил на меня огненные свои глаза. «Это что ещё?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твёрдостью.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачёв, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы её загрызли. Ничто её бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачёв. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнь мою рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачёва была тронута. «Ин быть по твоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези её, куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачёв отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. [...] В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила своё крестьянское платье и одета была по-прежнему просто и мило.

Я схватил её руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Всё было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне всё, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас её положения, все испытания, которым подвергал её гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачёву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевавшем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагоприятное положение отца моего её пугало. Я её успокоил. Я знал, что отец почтёт за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба её соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противуречил. Мы поцеловались горячо, искренно — и таким образом всё было между нами решено.

Через час урядник принёс мне пропуск, подписанный каракулями Пугачёва, и позвал меня к нему от его имени. Я нашёл его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать всё, чем исполнено было моё сердце.

Мы расстались дружески. [...]

Глава XIII АРЕСТ

[...] Долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы. Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде.

Савельич явился меня раздевать; я объявил ему, чтоб на другой же день готов он был ехать в дорогу с Марьей Ивановной. Он было заупрямился. «Что ты, сударь? Как же я тебя-то покину? Кто за тобою будет ходить? Что скажут родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамерился убедить его лаской и искренностью. «Друг ты мой, Архип Савельич! — сказал я ему. — Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому что я твёрдо решился, как скоро обстоятельства дозволят, жениться на ней».

Тут Савельич сплеснул руками с видом изумления неописанного. «Жениться! — повторил он. — Дитя хочет жениться! А что скажет батюшка, а матушка-то что подумает?»

— Согласятся, верно согласятся, — отвечал я, — когда узнают Марью Ивановну. Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас ходатаем, не так ли?

Старик был тронут. «Ох, батюшка ты мой Пётр Андреич! — отвечал он. — Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию. Ин быть по-твоему! Провожу её, ангела Божия, и рабски буду доносить твоим родителям, что такой невесте не надобно и приданого».

Я благодарил Савельича и лёг спать в одной комнате с Зуриным. Разгорячённый и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно; но мало-помалу слова его стали реже и бессвязнее; наконец, вместо ответа на какой-то запрос, он захрапел и присвистнул. Я замолчал и вскоре последовал его примеру.

На другой день утром пришёл я к Марье Ивановне. Я сообщил ей свои предположения. Она признала их благоразумие и тотчас со мною согласилась. Отряд Зурина должен был выступить из города в тот же день. Нечего было медлить. Я тут же расстался с Марьей Ивановной, поручив её Савельичу и дав ей письмо к моим родителям. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она тихим голосом. — Придётся ли нам увидаться, или нет, Бог один это знает; но век не забуду вас; до могилы ты один останешься в моём сердце». Я ничего не мог отвечать. Люди нас окружали. Я не хотел при них предаваться чувствам, которые меня волновали. Наконец она уехала. Я возвратился к Зурину,

грустен и молчалив. Он хотел меня развеселить; я думал себя рас-сеять: мы провели день шумно и буйно и вечером выступили в поход.

[...] Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разорённые бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено: помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачёв бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марию Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребёнок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе не сдобровать! Женишься — ни за что пропадёшь!»

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле: «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нём неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марию Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошёл ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до меня дело. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. «Маленькая неприятность, — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал её читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом в Казань в Следственную комиссию, учреждённую по делу Пугачёва. Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачёвым как-нибудь да

дошёл до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть, на несколько ещё месяцев — устрасала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

Глава XIV СУД

Мирская молва — морская волна.
Пословица

Я был уверен, что виною всему было самовольное моё отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но ещё всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинён в излишней запальчивости, а не в ослушании. Но приятельские сношения мои с Пугачёвым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надёжным.

Я приехал в Казань, опустошённую и погорелую. По улицам, наместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачёвым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посередеи сгоревшего города. [...]

[...] Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчерашнего злодея*. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошёл — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно чёрные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я otrяжен был от Пугачёва в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всём, что делалось в городе; что, наконец, явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников,

дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился ещё более в моём намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чём остаётся мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было её узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустою блажью; а матушка только того и желала, чтоб её Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моём аресте поразил всё моё семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моём с Пугачёвым, что оно не только не беспокоило их, но ещё и заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачёва и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностию и осторожностию.

Прошло несколько недель...

[...] Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастья. Она скрывала от всех свои слёзы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевёртывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слёзы изредка капали на её работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость её заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. [...]

Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлучённый со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит наречённой моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав на почтовом дворе, что Двор находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. [...] На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на неё смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть её с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчание.

— Вы, верно, не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна.

— Одна! Но вы так ещё молоды.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом ещё более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чём состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь». [...]

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце её сильно билось и замирало. Через несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед нею отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых, великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил её одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так утрашала её, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала её и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам своё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свёкру». [...]

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преданий известно, что он был освобождён от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии.

Постер к фильму
«Капитанская дочка»
(СССР, 1958). Режиссёр
Владимир Каплуковский

В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать её особо, приислав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Заинтересовало ли вас прочитанное? Обоснуйте свой ответ.
2. С помощью дополнительных источников подготовьте сообщение о предводителе крестьянской войны 1173–1175 годов в России — Емельяне Пугачёве.
3. Проанализируйте, как отражаются в повести «Капитанская дочка» действительные исторические события и какую роль играет художественный вымысел в произведении.
4. Почему именно человеку таких взглядов и такого характера, как Гринёв, писатель доверяет повествование об исторических событиях, связанных с Емельяном Пугачёвым? Аргументируйте свой ответ.
5. Проанализируйте, как фольклорные элементы, введённые в повесть (пословицы и поговорки, народные песни), помогают раскрыть идейное содержание произведения.
6. Выразительно зачитайте диалог Гринёва с Пугачёвым в главе «Незванный гость». Как характеризует Петра Андреевича его поведение в этой ситуации? Как автор относится к своему герою? Обоснуйте, на основании чего вы сделали вывод.
7. Используя текст, охарактеризуйте Алексея Ивановича Швабрина. Выскажите своё отношение к этому герою.
8. Подготовьте сравнительную характеристику образов Гринёва и Швабрина.
9. На конкретных примерах раскройте противоречивость образа Пугачёва.
10. «Мужичок», «страшный мужик», «вожатый», «мой бродяга», «самозванец»... Продолжите ряд характеристик, которыми наделён Пугачёв в повести. Обоснуйте, почему в разных главах рассказчик называет Пугачёва по-разному.

11. Прокомментируйте следующие мысли Гринёва: «Не могу изъяснять то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время».
12. Найдите в тексте и выразительно прочитайте калмыцкую сказку, которую рассказал Пугачёв Гринёву. Обоснуйте роль этой истории в раскрытии характера главного героя.
13. Подумайте, почему Пугачёв помогает Гринёву. Как он сам объясняет свой поступок? Почему ему важно восстановить справедливость в истории Маши Мироновой?
14. Ближе к тексту перескажите, как Маше удалось спасти Гринёва от, казалось бы, неминуемой гибели. Выскажите своё отношение к «капитанской дочке».
15. Согласны ли вы с утверждением поэтессы М. Цветаевой: «Неожиданность открываемого духовного мира мятежника, обаяние его личности, невольная симпатия к делам, поступкам и думам Пугачёва и рождала ту “чару”, которая завораживает читателя»? Обоснуйте свой ответ.
16. Как вы считаете, Пугачёв — палач или жертва, государь или самозванец, влиятельное историческое лицо или игрушка в руках толпы? Аргументируйте свою точку зрения.
17. Поделитесь, было ли вам интересно изучать произведение, повествующее о событиях, которые очень далеки от нас. Если бы вы были составителем учебной программы, вы бы предложили его для изучения в школе? Аргументируйте свой ответ.

Подытожим изученное

1. Что нового о жизни и творчестве А. С. Пушкина вы узнали на уроках литературы в этом классе?
 2. Согласны ли вы с утверждением писателя Л. Н. Толстого: «У Пушкина не чувствуешь стиха; несмотря на то, что у него рифма и размер, чувствуешь, что иначе нельзя сказать»? Обоснуйте свой ответ.
 3. В группах составьте сценарий литературного вечера, посвящённого поэзии А. С. Пушкина. Какие произведения поэта вы выбрали для выразительного чтения наизусть? Обоснуйте свой выбор.
-

4. Какое значение в повести «Капитанская дочка» имеет эпиграф «*Береги честь смолоду*»? Влияет ли он на путь главного героя в произведении? Подтвердите свой ответ конкретными примерами из текста.
5. Объясните идейный смысл повести А. С. Пушкина.
6. Расскажите об изменениях, происходящих в душе Гринёва под влиянием встреч с Пугачёвым.
7. В статье «Пушкин и Пугачёв» (1937) поэтесса Марина Цветаева писала: «*В моей “Капитанской дочке” не было капитанской дочки, до того не было, что и сейчас я произношу это название механически, как бы в одно слово, без всякого капитана и без всякой дочки. Говорю: «Капитанская дочка», а думаю: «Пугачёв». Вся «Капитанская дочка» для меня сводилась и сводится к очным встречам Гринёва с Пугачёвым...*». Согласны ли вы с таким видением пушкинской повести? Свой ответ аргументируйте.
8. Обоснуйте, чем привлёк Гринёв Пугачёва и что Гринёву нравится в Пугачёве.
9. Напишите сочинение на одну из тем:
 - «Захватывающие события, определившие судьбу» (по повести «Капитанская дочка»);
 - «Перечитывая страницы повести А. С. Пушкина “Капитанская дочка”»;
 - «Пугачёв по повести А. С. Пушкина — разбойник или освободитель?»;
 - «Береги честь смолоду»;
 - «Каковы вехи, таковы и человеки»;
 - «История в зеркале литературы (по повести «Капитанская дочка»)».
10. Ознакомьтесь с воспоминаниями русского поэта А. Т. Твардовского о повести «Капитанская дочка»: «*Я был захвачен ею и засиделся у окна избы дотемна, и когда дошёл до бурана в Оренбургской степи, то увидел, что за окном пошёл снег, и это стало неизгладимым до сих пор впечатлением как бы магической силы, изошедшей от пушкинской страницы. С того вечера я стал читателем книг, и мне бесконечно дорого, что этим я обязан Пушкину*». А есть ли у вас книги, благодаря которым вы стали читателем? Расскажите о них.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

(1814—1841)

- ? вспомните, что вы знаете о жизненном и творческом пути М. Ю. Лермонтова.
- Какое из ранее изученных произведений оказалось наиболее близким для вас? Почему?

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.

Михаил Лермонтов

«ПРОВОЗГЛАШАТЬ Я СТАЛ ЛЮБВИ И ПРАВДЫ ЧИСТЫЕ УЧЕНЬЯ»

Как вы уже знаете, с 1815 по 1827 г. Лермонтов жил в Тарханах (Пензенская губерния), в имении своей бабушки, которая не чаяла души во внуке. Именно здесь, любуясь «зелёной сетью трав», спящим прудом и благоухающим садом, он восторгался красотой родной природы. Гораздо позже, уже в конце своей внезапно оборвавшейся жизни, Лермонтов напишет стихотворение «*Родина*» (1841), которое звучит как признание в любви к отчизне, её неповторимому облику.

В этом стихотворении слышны отголоски не только преклонения перед родной природой, но и большой симпатии к русскому крестьянину-труженику, о тяжёлой жизни которого Лермонтов впервые узнал тоже в Тарханах. Ещё ребёнком он заметил, что такая ласковая и добрая с ним бабушка совсем по-другому ведёт себя с его сверстниками — детьми крепостных крестьян. Маленькому Мише не раз приходилось защищать деревенских ребятшек от брани и побоев. Елизавета Алексеевна, страстно любившая внука, не могла отказать ему и, подчиняясь его просьбам, усмиряла свой гнев.

Писать лирику Лермонтов начал в четырнадцать лет во время учёбы в Московском университетском пансионе.

В 1830 году он стал студентом Московского университета. В это время здесь учатся А. И. Герцен, В. Г. Белинский, И. А. Гончаров и многие другие будущие писатели, вошедшие в историю русской литературы. В студенческой среде горячо обсуждаются вопросы настоящего и будущего родины. Передовая молодёжь искренне и страстно стремится изменить жизнь к лучшему. Вот как о 30-х гг. XIX века пишет исследователь творчества М. Лермонтова К. Ломунов: «Но как могли эти необыкновенные энтузиасты, эти бесконечно талантливые молодые люди осуществить свои порывы к действию, если эпоха, в которую они жили, была, по герценовской оценке, «зловещей»... Подавив восстание декабристов, Николай I стремился превратить страну в казарму для русского народа и в тюрьму для «иностранцев». Малейшие проявления свободомыслия беспощадно преследовались и подавлялись». Именно в этот период рождается одно из лучших юношеских стихотворений Лермонтова — *«Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...»)* (1831), написание которого вдохновили семейные предания о шотландском происхождении рода Лермонтовых. В противовес страшной действительности, в этом произведении звучат романтические мотивы неприятия личностью чуждого ей мира, тоски по прекрасной природе и героическому прошлому своих предков.

В Московском университете Лермонтову довелось проучиться недолго — до июня 1832 г. Из-за участия в выступлениях студентов против консервативно настроенных преподавателей он был вынужден покинуть учёбу. Вместе с бабушкой юноша переезжает в Петербург с намерением снова поступить в университет. Но обстоятельства складываются таким образом, что Лермонтов оказывается в Школе юнкеров — высшем учебном заведении, выпускающем офицеров. В одном из писем московским друзьям в первые дни жизни в Петербурге он посылает стихотворение *«Я жить хочу! Хочу печали...»* (1832).

Но литературная слава к Лермонтову пришла позже — после смерти его великого предшественника Пушкина. Известно, что поэты не были знакомы друг с другом. Однако гибель гения русской поэзии настолько потрясла дотоле неизвестного литературному обществу молодого человека, что он откликнулся на это событие поразившим всех силой сво-

его звучания стихотворением *«Смерть поэта»* (1837). Это произведение символизировало новый этап в творческом развитии Лермонтова. Как и Пушкину, ему было суждено стать выразителем дум и чувств лучших представителей своего поколения. Императорским двором оно было воспринято как призыв к революции и стало поводом для начала политического «Дела о непозволительных стихах». 18 февраля 1837 г. Лермонтов был арестован, а через неделю отправлен в ссылку на Кавказ в действующую армию.

Благодаря хлопотам бабушки, уже в 1838 г. поэту удалось вернуться в Петербург. Многие учёные период с 1838 по 1840 г. называют наиболее плодотворным в творческой биографии Лермонтова. Среди произведений, написанных в эти годы, одним из самых известных является стихотворение *«Поэт»* (1838), в котором автор размышляет о назначении поэзии и роли поэта в обществе. Особое место в лирике Лермонтова занимает и стихотворение *«Молитва»* (*«В минуту жизни трудную...»*) (1839), передающее его веру в силу «созвучья слов живых».

В Петербурге он общается с Жуковским, Баратынским, Гоголем. Его стихи активно печатают. В журнале «Отечественные записки» выходит стихотворение *«Дума»* (1838), главной мыслью которого является осуждение инертного молодого поколения, для которого жизнь — *«как пир на празднике чужом»*.

Лермонтов часто посещает балы, но светские развлечения не приносят ему удовольствия, он чувствует себя одиноко в салонах, где *«мелькают образы бездушных людей, прильцем стянутые маски...»*. По свидетельству современников, раздражение завсегдатаями салонов, бесцельно прожигавшими жизнь, зачастую выливалось в насмешки над ними. Под впечатлением от очередного бала Лермонтов пишет стихотворение *«Как часто пёстрою толпою окружён...»* (1840).

Но слава поэта, продолжателя пушкинских традиций, не давала покоя его завистникам. Ими была подстроена ссора Лермонтова с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом. В начале 1840 года на одном из балов француз оскорбительно отозвался о русских обычаях, на что Лермонтов ответил ему: *«Мы меньше других позволяем оскорблять*

себя безнаказанно». Сын французского посланника вызвал его на дуэль. Несмотря на то что во время схватки Лермонтов стрелял в воздух, его арестовали и приговорили к двум годам повторной ссылки на Кавказ.

В начале 1841 г. поэт приезжал на три месяца в отпуск в Петербург. Перед отъездом обратно на Кавказ писатель Владимир Фёдорович Одоевский подарил ему записную книжку с напутствием, чтобы он вернул её всю исписанную. В ней и сохранился автограф одного из самых последних и самых значительных стихотворений Лермонтова — «Пророк».

Это произведение достойно продолжило в его творчестве тему предназначения поэта, поднимаемую ранее в таких стихотворениях, как «Смерть поэта» и «Поэт». Мотив одиночества, звучащий в «Пророке», пронизывает и стихотворение «*Выхожу один я на дорогу*», которое отличается необыкновенной музыкальностью. В Пензенской области до сих пор живёт легенда о том, что Лермонтов сам сочинил мотив песни на слова этого стихотворения и даже напевал его в последнюю ночь своей жизни перед дуэлью.

Поэт как будто предчувствовал, что из второй ссылки ему не суждено будет вернуться в родные места. Летом 1841 г. он погиб на дуэли, не дожив до двадцати семи лет.

1. Кратко охарактеризуйте время, в которое довелось жить М. Ю. Лермонтову.
2. Что стало поводом для первой ссылки поэта?
3. Какие темы и проблемы больше всего его волновали?
4. Подготовьте вопросы к классу по биографии М. Ю. Лермонтова.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
 Не победит её рассудок мой.
 Ни слава, купленная кровью,
 Ни полный гордого доверия покой,
 Ни тёмной старины заветные преданья
 Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
 Но я люблю — за что, не знаю сам —
 Её степей холодное молчанье,
 Её лесов безбрежных колыханье,
 Разливы рек её, подобные морям;

Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое впечатление на вас произвело стихотворение «Родина»?
2. Какие картины возникли в вашем воображении после прочтения этих строк?
3. Что Лермонтов вкладывает в понятие «родина»?
4. Почему свою любовь он называет «странной»?
5. Какие настроения пронизывают это стихотворение?
6. Найдите в тексте примеры анафоры и сравнения. С какой целью автор употребляет эти художественные средства?
7. В чём, на ваш взгляд, актуальность этого стихотворения в наше время?
8. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Из тайников искусства слова

О ЛИРИЧЕСКОМ ГЕРОЕ

Знаете ли вы, что, погружаясь в мир лирики, мы встречаемся с **лирическим героем**? Это образ того героя, настроения, мысли и переживания которого отражены в лирическом произведении.

Его не стоит путать с автором, хотя лирический герой довольно часто (но не всегда!) передаёт личные чувства писателя, связанные с теми или иными событиями его жизни. Так, лирический герой стихотворений Лермонтова — это человек, глубоко любящий свою Родину, бросающий вызов царящей в ней атмосфере несправедливости и деспотизма. В таких стихотворениях, как «Родина», «Дума», «Как часто пёстрою толпою окружён...», он выразил убеждения многих прогрессивных людей своего времени. Читая эти стихотворения, мы можем составить представление о созданном поэтом лирическом герое.

Итак, лирический герой — это своеобразное воображаемое лицо, которое существует в художественном мире.

1. Объясните сущность понятия *лирический герой*.
2. Раскройте образ лирического героя в стихотворениях М. Ю. Лермонтова.

ЖЕЛАНИЕ

(«Зачем я не птица, не ворон степной...»)

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробуждён,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает среди чуждых снегов;
Я здесь был рождён, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какие картины вызвало в вашем воображении стихотворение «Желание»?
2. Сравните первую и последнюю строфы этого стихотворения. В чём особенности его композиции?
3. Каким вы представляете лирического героя этого стихотворения?
4. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надёжный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провёл он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Терекком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишён героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарёй,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
 Своё утратил назначенье,
 На злато променяв ту власть, которой свет
 Внимал в немом благоговеньи?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
 Воспламенял бойца для битвы,
 Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
 Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как Божий дух, носился над толпой
 И, отзыв мыслей благородных,
 Звучал, как колокол на башне вечевой
 Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
 Нас тешат блёстки и обманы;
 Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
 Морщины прятать под румяны...

Проснёшься ль ты опять, осмеянный пророк!
 Иль никогда, на голос мщенья,
 Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
 Покрытый ржавчиной презренья?..

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое впечатление произвело на вас стихотворение «Поэт»?
2. Какое художественное средство положено в основу этого произведения?
3. Как вы понимаете такое поэтическое высказывание: «*Как ветхая краса, наш ветхий мир привык Морщины прятать под румяны...*»?
4. В чём лирический герой произведения видит предназначение поэта и поэзии? Согласны ли вы с его мыслями?
5. Подготовьте исследование на тему «Образ слова-оружия в стихотворениях М. Ю. Лермонтова «Поэт» и Леси Украинки «Слово, чому ти не твердая криця...»».

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
 Теснится ль в сердце грусть:
 Одну молитву чудную
 Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Альбрехт Дюрер.
Руки молящегося (ок. 1508)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какие мысли и чувства вызвало у вас стихотворение «Молитва»?
2. Определите, какой художественный приём положен в основу этого стихотворения.
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
 Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
 Мы жадно бережём в груди остаток чувства —
 Зарытый скупостью и бесполезный клад.
 И ненавидим мы, и любим мы случайно,
 Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
 И царствует в душе какой-то холод тайный,
 Когда огонь кипит в крови.
 И предков скучны нам роскошные забавы,
 Их добросовестный, ребяческий разврат;
 И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
 Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
 Над миром мы пройдем без шума и следа,
 Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
 Ни гением начатого труда.
 И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
 Потомок оскорбит презрительным стихом,
 Насмешкой горькою обманутого сына
 Над промотавшимся отцом.

Леонид Пастернак. Дума (1891)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

- 1.** Какие мысли и чувства вызвало у вас стихотворение «Дума»?
- 2.** С каким периодом жизни Лермонтова оно связано?
- 3.** Как вы думаете, почему поэт дал именно такое название этому стихотворению?

4. Отстраняется ли поэт от своего поколения? Аргументируйте текстом.
5. Проанализируйте композицию стихотворения. В чём состоят её особенности?
6. Как вы понимаете такое поэтическое высказывание?
*И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.*
7. Какова основная мысль стихотворения?
8. С помощью каких изобразительно-выразительных средств автор рисует поколение своих сверстников? Приведите примеры из текста.
9. Назовите ведущие мотивы «Думы».
10. Чем, на ваш взгляд, объясняется неугасающая актуальность этого стихотворения?

* * *

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел.

Александр Якимченко.
Выхожу один я на дорогу...
(1914)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое чувство преобладает в этом стихотворении?
2. Какую роль в нём играют вопросительные и восклицательные предложения?

3. Что, на ваш взгляд, в этом произведении символизирует образ дороги?
4. Как соотносятся в стихотворении состояние природы и психологическое состояние лирического героя?
5. Определите тему и идею стихотворения.
6. Найдите и прочитайте стихотворение Максима Рыльского «Не забуду вечера хрусткого...», которое поэт написал под впечатлением лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...». В чём чувствуется близость этих двух произведений?

ПРОРОК

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;

И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. К какому из стихотворений Лермонтова, прочитанному вами, близок «Пророк»?
2. Соответствует ли созданный Лермонтовым образ пророка библейным преданиям?
3. Какова роль старославянизмов в этом произведении?
4. К какой тематической группе лирики можно отнести стихотворение «Пророк»?
5. Созвучно ли это стихотворение с судьбой его творца? Аргументируйте свой ответ.

6. Внимательно рассмотрите репродукции иллюстраций к стихотворению «Пророк», выполненных И. Репиным и М. Врубелем. Какую художественную задачу, на ваш взгляд, ставили художники?

Илья Репин. Пророк
(около 1890)

Михаил Врубель.
Голова Пророка (1891)

Читателю XXI столетия на заметку

Одна из наиболее интересных тем для исследования — «Лермонтов и Украина». Русский поэт написал стихотворение «На светские цепи», в котором создан образ Украины. Воспоминания о Лермонтове как об одном из самых любимых поэтов оставил Тарас Григорьевич Шевченко. Великий Кобзарь посвятил ему стихотворение «Мені здається, я не знаю», в котором есть такие строки:

Ти, любий друже, заговориш
Тихенько-тихо... про любов
Про безталанную, про горе;
Або про Бога та про море,
Або про марне литу кров
З людей великими катами.
Заплачеш тяжко перед нами,
І ми заплачемо... Жива
Душа поетова святая,
Жива в святих своїх речах,
І ми, читаю, оживаєм
І чуєм Бога в небесах.

Обложка сборника переводов
стихотворений Лермонтова
на украинский язык (2014)

Корифеем русской поэзии называл Лермонтова **Иван Франко**. Его произведения переводили на украинский язык **Михайло Старицкий, Иван Франко, Максим Рыльский, Владимир Сосюра, Андрей Малышко** и многие другие.

У литературной карты мира

Памятники Михаилу Лермонтову можно увидеть не только на его родине, но и в *Шотландии*, откуда берёт своё начало род Лермонтовых, а также в *Грузии, Азербайджане, Китае, Малайзии*. Интересно, что грузины установили скульптуру великого поэта на выезде из Тбилиси в начале Военно-грузинской дороги на левом берегу реки Куры. Именно в этом месте происходит действие поэмы «Мцыри», которую вы читали в 7 классе. Есть памятник Михаилу Юрьевичу и в Украине (г. Кривой Рог в Днепропетровской области).

Памятник Михаилу Лермонтову около города Мцхета, под монастырём Джвари (1983).
Скульптор
А. Мгедлишвили

Подытожим изученное

1. Подумайте, чем обусловлен характер лирики М. Ю. Лермонтова.
2. С каким из других произведений М. Ю. Лермонтова созвучно стихотворение «Поэт»?
3. На примере прочитанных стихотворений определите мотивы лирики М. Ю. Лермонтова.
4. Подготовьте сообщение на тему «Особенности лирики М. Ю. Лермонтова».
5. Напишите сочинение-миниатюру на одну из тем:
 - «Каким я представляю лирического героя лермонтовской лирики»;
 - «Тема поэта и поэзии в лирике М. Ю. Лермонтова»;
 - «Моё восприятие лирики М. Ю. Лермонтова».
6. Выберите из прочитанных стихотворений цитаты, наиболее созвучные современности.
7. Как вам кажется, почему Лермонтов стал одним из самых любимых поэтов Тараса Шевченко?
8. Раскройте значение гражданской лирики в лермонтовское время и в наши дни.
9. Подготовьте выразительное чтение наизусть одного из изученных стихотворений (по вашему выбору).

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

(1809—1852)

- Что вам известно о Н. В. Гоголе? Расскажите, что связывало писателя с Украиной.
- Какие произведения писателя вы читали? Какие из них вам больше всего понравились и почему?

І сум, і жаль, і висновки повчальні.
І слово, непосильне для пера,
Душа пройшла всі стадії печалі,
Тепер уже сміятися пора.

Лина Костенко

«... ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫМ МЫ ГОРДИМСЯ,
КАК ОДНОЙ ИЗ СЛАВ НАШИХ!»¹

Славу украинского и российского народов несёт этот удивительный человек, оставивший потомкам свои бессмертные произведения, — Николай Васильевич Гоголь.

Ещё в Нежине, во время учёбы в Гимназии высших наук, Гоголь всё больше думает о высоком предназначении человека, осмысливает свою миссию в этом мире. Он мысленно готовит себя к широкой общественной деятельности, которая позволила бы ему совершить нечто великое «для общего блага». Своему дяде Петру Косаровскому он напишет об этом так: «Ещё с самых времён прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя маленькую пользу».

Н. В. Гоголь мечтает о жизни в Петербурге и «служении государству». Ему кажется, что справедливые законы помогут обновлению России.

¹ Это высказывание о Н. В. Гоголе принадлежит И. С. Тургеневу.

В декабре 1828 года после окончания Нежинской гимназии вместе со своим другом и однокашником, будущим директором училищ Полтавской губернии Александром Данилевским и слугой Якимом Гоголь приезжает в Петербург.

Однако там его ожидало разочарование: благородная мечта столкнулась с жестокой реальностью.

Н. В. Гоголь не смог найти достойную службу, а его попытка поступить в театр актёром безжалостно провалилась. Он вынужден был довольствоваться местом переписчика бумаг в департаменте государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. Понадобилось совсем немного времени, чтобы навсегда утратить желание сделать чиновничью карьеру. Он начинает искать иное поприще для применения своих талантов.

Среди холода и неуютности петербургской жизни мысли его часто переносились в родную Украину. В его маленькой стёмной квартире каждую неделю собирались товарищи из Нежинской гимназии, с которыми он с самого приезда сохранял дружескую связь: тут говорили о дорогой Украине, пели народные песни и угощали друг друга национальными блюдами. Родные с детства образы и картины находили своё отражение в первых литературных опытах Н. В. Гоголя. А ещё приятели рассказывали анекдоты из жизни литературного и чиновничьего мира, сочиняли юмористические куплеты, зачитывались вновь выходящими вольнолюбивыми стихами. Сам же Н. В. Гоголь декламировал необыкновенно хорошо и выразительно. Благоговей перед талантом Пушкина, он старался поделиться с единомышленниками каждой новинкой, выходящей из-под пера великого поэта.

Неудивительно, что Н. В. Гоголя всё чаще посещала идея о писательской деятельности. В 1830 г. в журнале «Отечественные записки» появляется первая повесть Гоголя *«Басаврюк»*, впоследствии переработанная в *«Вечер накануне Ивана Купала»*. Писатель сближается с известными литераторами того времени — Антоном Дельвигом, Василием Жуковским, Петром Плетнёвым. Под влиянием пушкинского «Бориса Годунова» он даёт клятву верности искусству. *«Великий! над сим вечным твоим творением клянусь!»* — эти слова определили дальнейший смысл жизни Н. В. Гоголя.

К маю 1831 года у него были готовы повести, составившие первый том **«Вечеров на хуторе близ Диканьки»**.

И хотя Северная Пальмира, как ещё называют Петербург, во многом разочаровала Н. В. Гоголя, но именно здесь произошла встреча, о которой он мечтал, коренным образом изменившая всю его последующую жизнь: 20 мая 1831 года на вечере у поэта и критика П. Плетнёва он познакомился с Пушкиным. Известный во второй половине XIX века автор исторических романов Григорий Данилевский вспоминал: «Пушкин сразу оценил одарённость Гоголя, его удивительный мягкий юмор, наблюдательность, совершенно очевидные артистические способности и мастерство рассказчика. С первых же дней знакомства Пушкин стал пристально следить за развитием писательского таланта Гоголя, всячески ободряя и поощряя его».

Отдавая дань неоценимому значению дружбы с Пушкиным для его творчества, Гоголь писал: «Когда я творил, я видел перед собой только Пушкина... Мне дорого было его вечное и непреложное слово...»

В 1835 году появляется новый **сборник** произведений писателя — **«Миргород»**. Перед читателями вновь предстают родные гоголевские места. «Миргород» — это своеобразный сыновний дар Н. В. Гоголя земле своих предков. Но, в отличие от сказочной, мечтательной атмосферы «Вечеров...», в центре произведений нового гоголевского сборника героическое соседствует с обыденным, великое с ничтожным, а прошлое — с настоящим. Поэтому в сборник были включены, на первый взгляд, совершенно разные повести, такие как, например, **«Старосветские помещики»** и **«Тарас Бульба»**, **«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»** и **«Вий»**.

Почти одновременно с «Миргородом» вышел из печати **сборник «Арабески»**, в который, кроме статей исторического содержания, Н. В. Гоголь включил **повести «Невский проспект»**, **«Портрет»** и **«Записки сумасшедшего»**. Эти произведения, а также опубликованные позже повести **«Нос»** и **«Шинель»** составили «петербургский цикл», поскольку основным местом действия в них является именно этот город. Основной мотив этих произведений — это боль за человека, борьба за его достоинство. Судьба простого человека, оказавшегося один на один перед страшной и полной

кричащих противоречий жизнью, — вот главный вопрос, волновавший писателя.

У него было своё видение мира, своё отношение к действительности. Николай Васильевич считал, что судьба уготовила ему особую миссию: указать человечеству путь к очищению и обновлению.

Одной из характерных черт гениальной личности Н. В. Гоголя, проявившейся ещё очень рано, была склонность к юмору. Возможно, именно поэтому среди других произведений он создаёт и блестящие комедии. Так, практически параллельно с петербургскими повестями в период с 1833 по 1836 годы были написаны *комедии «Женитьба», «Игроки»* и бессмертный *«Ревизор»*, который мы и предлагаем вам прочитать.

1. Расскажите о жизни и творчестве Н. В. Гоголя в Петербурге.
2. Раскройте значение А. С. Пушкина в жизни и творчестве Н. В. Гоголя. При подготовке задания используйте материал из рубрики «Читателю XXI столетия на заметку».
3. Прокомментируйте заголовок статьи о писателе — слова русского писателя И. С. Тургенева о Гоголе. Подберите свой вариант названия статьи о писателе.
4. Объясните, как вы поняли эпиграф к статье — слова Лины Костенко о Гоголе.

Читателю XXI столетия на заметку

Известно, что сюжет «Ревизора» подарил Гоголю Пушкин. Николай Васильевич писал, что Пушкин ему рассказал о некоем Павле Свиныне, который, приехав в Бессарабию, выдавал себя за важного петербургского чиновника и, лишь когда он дошёл до того, что стал брать прошения у арестантов, «был остановлен». Кроме того, Пушкин поведал Гоголю, как в 1833 году, собирая материалы по истории Пугачёвского восстания, он был принят местным губернатором за тайного ревизора, присланного обследовать губернскую администрацию.

Интересно, что лет за пять до написания «Ревизора» известный украинский писатель Григорий Квитка-Основьяненко написал на подобный сюжет комедию «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе».

Комедия была написана Гоголем в 1836 году, а кропотливая работа над совершенствованием текста «Ревизора» продолжалась до 1842 года.

РЕВИЗОР (В сокращении)

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.
Народная пословица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский,
городничий.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Жена его.

Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных
заведений.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.

Пётр Иванович Добчинский, Пётр Иванович Бобчинский —
городские помещики.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Фёдор Андреевич Люлюков, Иван Лазаревич Растаковский,
Степан Иванович Коробкин — отставные чиновники, почётные
лица в городе.

Степан Ильич Уховёртов, частный пристав.

Свистунов, Пуговицын, Держиморда — полицейские.

Абдулин, купец.

Февронья Петровна Пошлёткина, слесарша.

Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирный.

Гости и гости, купцы, мещане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ Замечания для господ актёров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведёт себя очень солидно; довольно сурьёзен; несколько даже резонёр; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жёстки, как у всякого, начавшего тяжёлую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склон-

ностями души. Он одет, по обыкновению, в своём мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нём стриженные, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, ещё не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берёт иногда власть над мужем потому только, что тот не находится что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трёх, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьёзно, смотрит несколько вниз, резонёр и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с баринном принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьёзнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему даёт вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своём значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом — как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всём том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся пред глазами.

Господа актёры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесённое слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего.

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Г о р о д н и ч и й. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Как ревизор?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Как ревизор?

Г о р о д н и ч и й. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И ещё с секретным предписанием.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Вот те на!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Вот не было заботы, так подай!

Л у к а Л у к и ч. Господи Боже! ещё и с секретным предписанием!

Г о р о д н и ч и й. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... и уведомить тебя». А! вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дни я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрипке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! *(Вздыхнув.)* До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Фёдорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подслала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Ещё умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Фёдорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать платыны или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к искусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, — лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издаёт звук, отчасти похожий на букву и и несколько на е.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под

ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводится всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Г о р о д н и ч и й. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник¹. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечён. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издаёт тот же звук.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою.

Г о р о д н и ч и й. Да я так только заметил вам. Насчёт же внутреннего распорядка и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так Самим Богом устроено, и волтерьянцы² напрасно против этого говорят.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Г о р о д н и ч и й. Ну, щенками или чем другим — всё взятки.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Г о р о д н и ч и й. Ну, а что из того, что вы берёте взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере твёрд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнёте говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

¹ *Арапник* — длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.

² *Волтерьянцы* (или *вольтерьянцы*) — последователи учения французского философа Вольтера, вольнодумцы.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Да ведь сам собою дошёл, собственным умом.

Г о р о д н и ч и й. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с учёным званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно ещё ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Л у к а Л у к и ч. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда зашёл было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда ещё не видывал. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Г о р о д н и ч и й. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-Богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хватить стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Л у к а Л у к и ч. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Г о р о д н и ч и й. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Л у к а Л у к и ч. Не приведи Бог служить по учёной части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Г о р о д н и ч и й. Это бы ещё ничего, — инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щётка и прочее.

Явление III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошёлся, думал, не пройдёт ли аппетит, — нет, чёрт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел — и всё обобрал. А при всём том страх хотелось бы с ним ещё раз сразиться. Случай только не привёл. Какой скверный городишко! В овощных лавках ничего не дают в долг. Это уж просто подло. (*Насвистывает сначала из «Роберта», потом «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни се ни то.*) Никто не хочет идти.

Явление VIII

Хлестаков, Городничий и Добчинский. Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (немного оправившись и протянув руки по швам). Желаю здравствовать!

Хлестаков (кланяется). Моё почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко). Да что ж делать?.. Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как бревно; а суп — он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морил голодом по целым дням... Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий (робея). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские

купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берёт такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть — в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смееете?... Да вот я... Я служу в Петербурге. (*Бодрится.*) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О Господи Ты Боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! (*Стучит кулаком по столу.*) Что вы? что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот ещё! мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-Богу по неопытности. Недостаточность состояния... Сами извольте посудить: казённого жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-Богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (*В размышлении.*) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смееете высечь, до этого вам далеко... Вот ещё! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с которой стороны и приняться. Ну, да уж попробовать, не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чём другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне займы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни... у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдёт теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четырёхста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (*К городничему и Добчинскому*.) А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (*Добчинскому*.) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (*Добчинскому*.) Садитесь.

Городничий и Добчинский садятся. Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух*.) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, ещё по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший приём, — и вот, как будто в награду случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить! (*Вслух*.) Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро. (*Вслух*.) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчёт задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает,

что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Г о р о д н и ч и й (в сторону). Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплёл! (Вслух.) И на долгое время изволите ехать?

Х л е с т а к о в. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности; душа моя жаждет просвещения.

Г о р о д н и ч и й (в сторону). Славно завязал узелок! Врёт, врёт — и нигде не оборвётся! А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил его. Ну, да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! (Вслух.) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно ещё когда будет. (Окидывает глазами комнату.) Кажется, эта комната несколько сыра?

Х л е с т а к о в. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Г о р о д н и ч и й. Скажите! такой просвещённый гость, и терпит — от кого же? — от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Х л е с т а к о в. Да, совсем темно. Хозяин завёл обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придёт фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Г о р о д н и ч и й. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

Х л е с т а к о в. А что?

Г о р о д н и ч и й. Нет, нет, недостоин, недостоин!

Х л е с т а к о в. Да что ж такое?

Г о р о д н и ч и й. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь — ей-Богу, от простоты души предложил.

Х л е с т а к о в. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Г о р о д н и ч и й. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства, особенно если гость просвещённый человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже — я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уважение, уважение и преданность.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ **Комната первого действия.** **Явление V**

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним Городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают её, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поест. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (*подбегая*). Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел,

относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наименьший человек пришёл бы в затруднение, но, благодарение Богу, всё идёт благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, всё думаешь: «Господи Боже Ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным?...» Наградит ли оно, или нет — конечно, в его воле; по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всём порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

Артемиий Филиппович (*в сторону*). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же Бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда замшествовать: иной раз прозой, а в другой и стихи выкинуты.

Бобчинский (*Добчинскому*). Справедливо, всё справедливо, Пётр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (*в сторону*). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападёт, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Всё зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трёх углов... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство моё: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своём роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам ещё более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (рисуюсь). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне ещё приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сию возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счёт... Я думаю, вам после столицы вояжировка показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкли жить, *comprenez-vous*¹, в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней) так вознаградил за всё...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошёл писать. Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит ещё на лестнице за мною со щёткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». (Городничему.) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вместе.

Городничий. Чин такой, что ещё можно постоять.

Артемию Филипповичу. Мы постоим.

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!

¹ *Comprenez-vous* (франц.) — понимаете ли.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемонии. Напротив, я даже стараюсь всегда проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идёт!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьём. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...» Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма». Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат “Надежды”» и «Московский телеграф»... всё это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин даёт за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это моё сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда: это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всем.)* Сделайте милость, господа, если

будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвёртый этаж — скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся: графы и князя толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают с своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется и легко на вид, а рассмотришь — просто чёрт возьми! После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? — я спрашиваю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдёт до государя, ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, — просто землетрясение, всё дрожит и трясётся, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам Государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлёпается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым, отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (таким же голосом). Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и всё, что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. (С декламацией.) Лабардан! лабардан! (Входит в боковую комнату, за ним городничий.)

Явление XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (*рисуетя*). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисуетя*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать, никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. (*Села.*)

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чём вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтобы вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, всё что хотите. Требуйте, какие стихи вам?

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!..» Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это всё ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... *(Придвигая стул.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... *(Отдвигает стул.)*

Хлестаков *(придвигая стул)*. Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна *(отдвигаясь)*. Для чего ж близко? всё равно и далеко.

Хлестаков *(придвигаясь)*. Отчего ж далеко? всё равно и близко.

Марья Антоновна *(отдвигается)*. Да к чему ж это?

Хлестаков *(придвигаясь)*. Да ведь это вам кажется только, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна *(смотрит в окно)*. Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков *(целует её в плечо и смотрит в окно)*. Это сорока.

Марья Антоновна *(встаёт в негодовании)*. Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков *(удерживая её)*. Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... *(Силится уйти.)*

Хлестаков *(продолжая удерживать её)*. Из любви, право, из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. *(Падает на колени.)* Простите же, простите! Вы видите, я на коленях.

Явление XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидев Хлестакова на коленях*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, чёрт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! И не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте! здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях! Я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я ещё не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчёт моей дочери?

Хлестаков. Нет, я влюблён в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостойн земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: «Законы осуждают». Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

Явление XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветренность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трёхлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (сквозь слёзы). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берёшь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие — перед тобою мать твоя. Вот каким примером ты должна следовать.

Хлестаков (схватывая за руку дочь). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (с изумлением). Так вы в неё?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперёд не буду.

Явление XV

Те же и Городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я её высек; она врёт, ей-Богу врёт. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до неё!

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны... им вот эдакой ребёнок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчёт мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна.. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать её.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблён.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна.. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостойн такой чести.

Хлестаков. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я чёрт знает что готов...

Городничий. Не могу верить: извольте шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! Ну, когда тебе толкуют?

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человек, я решусь на всё: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, Боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким ещё никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас Бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. Городничий смотрит на них.

Что за чёрт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! *(Вскрикивает, подпрыгивает от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона, как дело-то пошло!

Явление XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Извольте ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчёт, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это... На одну минуту только... на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! *(Целует её ручку.)*

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? (*Немного подумав.*) А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста, — я не хочу воспользоваться вашей ошибкой, — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! (*Вынимает из бумажника.*) Ещё, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! (*Берёт и рассматривает ассигнации.*) Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! Очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца: мне нигде не было такого хорошего приёма. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька Марья Антоновна!

Выходят.

За сценой:

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей Марья Антоновна!

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так, по крайней мере, чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую, вынь ковёр самый лучший — что по голубому полю, персидский. Скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Когда же прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голос Осипа. А, это ковёр? давай его сюда, клади вот так! Теперь давай-ка с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр...

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! ещё! хорошо. Славно будет. (*Бьёт рукою по ковру.*) Теперь садитесь, ваше благородие!

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!
 Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!
 Голос ямщика. Эй вы, залётные!
 Колокольчик звенит. Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

Явление VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, — я узнал это из письма...

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «В Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашёл беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштакетой, — но любопытство такое одолело, какого ещё никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадёшь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-Богу мороз. И руки дрожат, и всё помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни сё ни то; чёрт знает что такое!

Городничий (*запальчиво*). Как ни сё ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да ещё и чёрт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую¹, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, — думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашерамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают займы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! Там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, чёрт возьми! нужно ещё повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать*.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, чёрт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает*.) «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, так же, подлец, пьёт горькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

¹ Жуировать — развлекаться, вести праздную жизнь.

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе...и...и...и...» (*Заикается.*)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечёткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (*Берёт письмо.*)

Артемий Филиппович (*не давая письма*). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! ведь прежде всё читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (*Коробкину.*) Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. (*Отдаёт письмо.*) Вот, позвольте... (*Закрывает пальцем.*) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин (*читая*). «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович (*к зрителям*). И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей-Богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Фёдорович (*в сторону*). Славу Богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин (*читает*). «Судья...»

Аммос Фёдорович. Вот тебе на! (*Вслух.*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чёрт ли в нём: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин (*продолжает*). «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон¹...» (*Останавливается.*) Должно быть, французское слово.

Аммос Фёдорович. А чёрт его знает, что оно значит! Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть, и того ещё хуже.

Коробкин (*продолжая читать*). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру

¹ Моветон (франц.) — дурной тон, невоспитанность.

твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. *(Переворачивает письмо и читает адрес.)* Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо».

О д н а и з д а м. Какой репримант¹ неожиданный!

Г о р о д н и ч и й. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машет рукою.)*

П о ч т м е й с т е р. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; чёрт угораздил дать и впредь предписание.

Ж е н а К о р о б к и н а. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Однако ж, чёрт возьми, господа! он у меня взял триста рублей займа.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. У меня тоже триста рублей.

П о ч т м е й с т е р *(вздыхает)*. Ох! и у меня триста рублей.

Б о б ч и н с к и й. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Г о р о д н и ч и й *(бьёт себя по лбу)*. Как я — нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трёх губернаторов обманул!.. Что губернатор! *(махнул рукою)* нечего и говорить про губернаторов...

А н н а А н д р е е в н а. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Г о р о д н и ч и й *(в сердцах)*. Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. *(В исступлении.)* Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит самому себе кулаком.)* Эх ты, толстоносый! Со-сульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесёт по всему свету историю. Мало того что пойдёшь в посмешище, — найдётся щелкопёр, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, за-

¹ Репримант (франц.) — выговор.

ния не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? — Над собою смеётесь!.. Эх вы!.. (Стучит со злости ногами об пол.) Я бы всех этих бумагомарак! У, шелкопёры, либералы проклятые! чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр вас всех да чёрту в подкладку! в шапку туды ему!.. (Суёт кулаком и бьёт каблуком в пол. После некоторого молчания.) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Явление последнее

Те же и жандарм.

Ж а н д а р м. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесённые слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остаётся в окаменении.

Немая сцена

Городничий посередине в виде столба, с распростёртыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращённый к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявший самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выраженьем лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»¹ За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намёком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. *Занавес опускается.*

¹ *Юрьев день* — определённый законом срок по окончании осенних работ (неделя до и после 26 ноября), когда зависимые крестьяне могли переходить от одного владельца к другому.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями от прочитанного.
2. Где и когда происходит действие в пьесе «Ревизор»?
3. Объясните, почему известие о возможном прибытии ревизора вызывает такое волнение и тревогу у чиновников?
4. Каким образом городничий решает познакомиться с важной персоной из Петербурга? Как вы думаете, почему он из всех вариантов выбирает частным образом, неофициально, «приватно» отправиться в гостиницу?
5. Какие советы даёт городничий чиновникам? О чём свидетельствуют эти советы?
6. Расскажите, чем, по вашему мнению, опасен для чиновников и городничего приезд ревизора из Петербурга.
7. Проследите по тексту, как авторские ремарки помогают раскрыть душевный мир персонажей.
8. Каких героев комедии вы считаете главными? Объясните, почему вы так думаете.
9. Как вы считаете, почему в отличие от других героев комедии у Хлестакова нет «реплик в сторону»? Аргументируйте свой ответ.
10. Какое место занимает Хлестаков в обществе? Охарактеризуйте его должность, материальное положение, уровень образованности.
11. Каким образом Хлестакову удалось произвести впечатление «грозного ревизора» на городничего и его спутников?
12. Подготовьте характеристику образа городничего (какие портретные детали помогают нам представить этого персонажа; что входит в его обязанности и как он использует своё служебное положение; на чём основаны взаимоотношения с окружающими; обоснуйте, почему городничий так боялся приезда ревизора).
13. Прокомментируйте утверждение Н. В. Гоголя: «*Всякий хоть на минутку, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым*».
14. Подумайте, что общего между городничим и Хлестаковым. Аргументируйте свой ответ.
15. Прокомментируйте слова писателя: «*Разве всё это накопление низостей, отступление от законов и справедливости не даёт уже ясно знать, чего требуют от нас закон, долг и справедливость?*».
16. На конкретных примерах покажите использование приёмов комического и сатирического в комедии Н. Гоголя.

17. Раскройте смысл немой сцены комедии. Как бы вы поставили её, будучи режиссёром?
18. В парах или микрогруппе выберите сцену из произведения и разыграйте её в классе. Обоснуйте свой выбор.

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О КОМЕДИИ. САТИРА И ГРОТЕСК

Вы уже знаете, что смешное в жизни и искусстве называют **комическим**. *Смех* является одним из важнейших средств художественного воплощения в литературном произведении. Русский писатель М. Е. Салтыков-Щедрин утверждал: *«Смех — это оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех»*.

Один из жанров драмы, изображающий такие жизненные положения и характеры, которые вызывают смех, называется комедия (от греч. — *«вёсёлая толпа и песнь»*).

Смех в комедии достигается с помощью действия, основанного на комических совпадениях или недоразумениях, а также диалога, в котором важную роль играют остроумные реплики, произнесённые не к месту слова и выражения.

Комедия как особая форма комического в литературе наиболее точно улавливает и передаёт его важнейшие оттенки — *юмор, иронию, сатиру*.

Разновидность комического изображения, беспощадно осмеивающая несовершенство мира, человеческие пороки, называется сатирой (от лат. — *«смесь, всякая всячина»*).

Среди отличительных признаков сатиры — сознательное заострение жизненных проблем, смелое нарушение пропорций в изображении, направленность на общественно значимые явления. Сатирический образ может быть намеренно искажён, представлен в преувеличенно-смешной форме. Яркий тому пример — образ Хлестакова.

Предмет изображения в сатире заведомо несовершенен, уродлив, предстаёт в комическом виде. Поэтому сатиру в литературе часто сравнивают с карикатурой в живописи, ведь подмечается не самое очевидное, а характерное преувеличивается, чтобы быть видимым.

В отличие от другой разновидности комического — юмора, сатира не оставляет надежды на исправление пороков, которые критикуются.

Разновидность комического, намеренно деформирующая, искажающая реальные пропорции изображаемого предмета, сочетающая в себе правдоподобие и фантастику, ужасное и смешное, безобразное и возвышенное, называется *гротеском* (от франц. — «причудливый»).

В гротеске за внешним неправдоподобием, фантастичностью кроется глубокое художественное обобщение важных явлений жизни. Вспомним, например, как Хлестаков рассказывает о том, что он с самим Пушкиным «на дружеской ноге».

1. На конкретных примерах докажите, что «Ревизор» Н. В. Гоголя — это комедия.
2. Раскройте понятие сатиры. Обоснуйте, чем сатира отличается от других разновидностей комического.
3. Объясните, что такое гротеск.

Диалог искусств

Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» и сегодня с успехом ставится в театрах различных городов мира. Но сценическая судьба пьесы сложилась не сразу. Добиться разрешения на постановку удалось лишь после того, как В. А. Жуковский сумел убедить лично императора, что «в комедии нет ничего неблагоприятного, что это только весёлая насмешка над плохими провинциальными чиновниками». Первая постановка «Ревизора» на сцене состоялась 19 апреля 1836 года в Петербурге. Царь остался недоволен спектаклем. Говорят, что, выходя из ложи, он сказал: «Ну и пьеска! Всем досталось, а мне больше всех».

Кроме того, достоверно известно, что и сам Гоголь был очень недоволен постановкой. По-разному встретили пьесу Гоголя

современники. «Глупый фарс, грязный анекдот!» — кричали одни. «Комедия посягает на правительство, автор — бунтовщик, которого следовало бы сослать в Сибирь!» — негодовали другие.

Несмотря на то что со времён первых постановок «Ревизора» прошло уже очень много времени, эта комедия Н. В. Гоголя по-прежнему ставится на сценах театров разных стран. Конечно же, и в Украине интерес к этой пьесе огромен. В разные годы на сценах многих украинских театров с успехом шёл гоголевский «Ревизор». Сегодня эта комедия есть в репертуаре театров Киева (театр русской драмы им. Леси Украинки, драматический театр имени И. Франко), Одессы (Одесский украинский театр им. В. С. Василько), Харькова (драматический театр имени Т. Шевченко, Академический театр кукол имени В. А. Афанасьева) и др. Примечателен также тот факт, что в Харькове режиссёром **Евгением Гимельфарбом** осуществлена первая в истории постановка бессмертной комедии Н. В. Гоголя на сцене кукольного театра. Интересно, что этот кукольный спектакль адресован взрослым.

Во многих украинских театрах пьеса Н. В. Гоголя идёт в прекрасном переводе **Остапа Вишни**. На украинский язык пьесу также переводил **Антон Хуторян**.

Подытожим изученное

1. Раскройте историю создания комедии Н. В. Гоголя.
2. Объясните, почему пьеса названа «Ревизор».
3. Кто из героев комедии «Ревизор» вам более всего запомнился и почему?
4. Обоснуйте, кто же является главным персонажем комедии Н. Гоголя.
5. Раскройте смысл эпиграфа к комедии.
6. Вспомните, что такое композиция литературного произведения, её основные элементы. Проанализируйте основные элементы композиции комедии Н. В. Гоголя.
7. Объясните, как вы понимаете понятие «хлестаковщина».
8. Как вы считаете, есть ли положительный герой в гоголевской комедии? Обоснуйте свой ответ.
9. Раскройте значение авторских ремарок в произведении.
10. Письменно составьте групповую характеристику образов комедии Н. В. Гоголя на тему «Уездный город, его обитатели и правители в комедии Н. Гоголя «Ревизор»» или характеристику одного из персонажей комедии.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

(1818—1883)

- ?
- Расскажите, что вам известно о жизни и творчестве Ивана Сергеевича Тургенева.
 - Какие произведения писателя вы уже читали? Расскажите о них. Чем они вам запомнились?

В современном русском обществе едва ли найдётся хоть одно крупное явление, к которому Тургенев не отнёсся с изумительнейшей чуткостью, которого он не попытался истолковать.

М. Е. Салтыков-Щедрин

«Моя биография — в моих произведениях»

Иван Сергеевич Тургенев принадлежал к старинному дворянскому роду. Его предки упоминались ещё в летописях времён царя Ивана Грозного. Будущий писатель родился **28 октября (9 ноября) 1818 года** в русском городе Орле. Детство его прошло в родовом поместье матери — Спасском-Лутовинове, расположенном недалеко от города Мценска Орловской губернии. «Здесь, в самом сердце степей, в глуши» — как называл Тургенев родную округу, он с детских лет привык чувствовать себя дома, в своей стихии. Из Москвы и Петербурга, из Берлина и Парижа, Лондона, Рима его постоянно тянуло «туда, туда, в родные поля», «в деревню, в тёмный сад».

Но жизнь в Спасском раскрывала перед Тургеневым не только красоту родной стороны. Он многократно сталкивался с картинами ужасающей нищеты и бесправия крепостного крестьянства, с неотвратимой наглядностью вставали перед ним сцены помещичьего произвола и в родном доме. «*Моя биография, — сказал однажды И. С. Тургенев, — в моих произведениях.*» Черты характера матери писателя,

Варвары Петровны, нашли своё отображение и в образе барыни в рассказе «*Муму*», и в других произведениях писателя. В сердце Ивана Сергеевича всегда боролись два чувства: любовь к матери и стремление освободиться от её тиранической опеки. Бессмысленная жестокость матери странно сочеталась с любовью к красоте и образованию. Роскошный парк с чудесными цветами, домашний театр, богатая библиотека — всё это окружало Тургеневых в Спасском. Будущий писатель уже в раннем детстве хорошо говорил и писал по-французски, по-немецки и по-английски. Особое внимание в семье обращали и на овладение родным языком. Самым любимым местом в доме стала для Ивана библиотека. Произведения М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, а также книги по истории, ботанике, естествознанию — всё это привлекало его внимание, и он, забыв обо всём, целыми днями проводил за чтением.

На образование детей Тургеневы не жалели ни денег, ни собственных усилий. Среди домашних учителей Ивана Сергеевича были известные московские педагоги, он учился в частных пансионах, позже в Московском и Петербургском университетах изучал словесность, а в Берлинском — историю и философию. Интерес к философии у него был так велик, что он мечтал стать учёным или профессором университета. Но мечты об учёной карьере разрушились: вернувшись после окончания Берлинского университета на родину, Тургенев узнал, что власти не разрешили восстановить кафедру философии в Петербургском университете, закрытую после восстания декабристов 1825 года.

Ещё в студенческие годы Иван Сергеевич начал писать стихотворения и поэмы, занимался переводами Шекспира и Байрона. Вскоре его произведения начали появляться на страницах журналов. Это и стало началом литературного творческого пути Тургенева. Увлекался он также музыкой, живописью, театром. Знакомясь с мировыми сокровищами искусств, объездил всю Италию, пешком исходил всю Швейцарию. И. С. Тургенев был истинным эрудитом в самом высоком смысле этого слова.

В 1843 году было опубликовано первое значительное произведение И. С. Тургенева — поэма «*Параша*», одобренная известным литературным критиком В. Г. Белинским.

В своей рецензии он пророчески определил характерные черты таланта И. С. Тургенева: «...верная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная из тайника русской жизни, изящная и тонкая ирония, под которою скрывается столько чувства...». В этом же году писатель создал стихотворение «Утро туманное», в разные годы положенное на музыку несколькими композиторами, впоследствии ставшее известным романсом.

Однако мать Ивана Сергеевича считала писательскую деятельность недостойной звания дворянина, и с целью удержать ухотившего из-под её влияния сына она прекратила высылать ему деньги, но добилась обратного: сын ещё более отдалился от неё и стал профессиональным писателем, жившим за счёт своего литературного заработка. В конце 40-х годов XIX в. И. С. Тургенев стал уже довольно известным литератором. Но настоящий успех пришёл к нему позже, с появлением *сборника рассказов «Записки охотника»*, который современники назвали «новой страницей в истории русской литературы».

В последующие годы писатель много жил и работал за границей. Он мучительно переживал разлуку с родиной, его тянуло домой, в родные места, в Россию. «Что ни говори, а мне всё-таки моя Русь дороже всего на свете — особенно за границей я это чувствую!» — признаётся он в письме к другу. И. С. Тургенев переезжает из страны в страну, из города в город. По совету врачей летом 1857 года он поселяется в небольшом немецком курортном городке Зинциг. Душевное равновесие и покой вновь приходят к писателю. Он начинает работать, и вскоре на его письменном столе появляются первые страницы *повести «Ася»*. А уже в декабре того же года произведение было отправлено в Петербург, в журнал «Современник».

Последние годы жизни писателя стали для него настоящей вершиной славы, как на родине, так и за рубежом. Последняя работа И. С. Тургенева «*Стихотворения в прозе*» — цикл лирических

Елизавета Бём.
Из иллюстраций
к «Запискам охотника»
(1880)

миниатюр, ставший своеобразным прощанием писателя с жизнью, родиной и искусством. Стихотворения И. С. Тургенева открывались таким обращением: «Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений подряд: тебе, вероятно, скучно станет — и книга вывалится у тебя из рук. Но читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое, — и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу». Давайте и мы прислушаемся к совету писателя...

1. Какие события жизни И. С. Тургенева более всего, по вашему мнению, повлияли на его творчество?
2. Расскажите о становлении И. С. Тургенева как писателя.

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачюяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса — и удалился, благоговая.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями от прочитанного.
2. Как вы думаете, почему лирический герой «благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом»? Обоснуйте свой ответ.
3. Объясните, как вы понимаете последние строки произведения. Согласны ли вы с таким утверждением? Свой ответ аргументируйте.
4. Прочитайте и обсудите стихотворение с теми людьми, которым вы доверяете.
5. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения «Воробей» в классе.

ПОРОГ

Я вижу громадное здание.

В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью — угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка... Русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла; и вместе с ледящей струёй выносятся из глубины здания медлительный, глухой голос.

— О ты, что желаешь переступить этот порог, — знаешь ли ты, что тебя ожидает?

— Знаю, — отвечает девушка.

— Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?

— Знаю.

— Отчуждение полное, одиночество?

— Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

— Не только от врагов — но и от родных, от друзей?

— Да... и от них.

— Хорошо. Ты готова на жертву?

— Да.

— На безымянную жертву? Ты погибнешь — и никто... никто не будет даже знать, чью память почтить!

— Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени.

— Готова ли ты на преступление?

Девушка потупила голову...

— И на преступление готова.

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

— Знаешь ли ты, — заговорил он наконец, — что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?

- Знаю и это. И всё-таки я хочу войти.
 — Войди!
 Девушка перешагнула порог — и тяжёлая завеса упала за нею.
 — Дура! — проскрежетал кто-то сзади.
 — Святая! — принеслось откуда-то в ответ.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Самостоятельно прочитайте стихотворение.
2. Расскажите, как вы поняли прочитанное.
3. Повторно прочитайте стихотворение.
4. В парах обсудите тему и идею этого произведения.
5. Объясните смысл названия произведения.
6. Обоснуйте, почему девушка услышала в свой адрес такие противоречивые оценки. А как вы относитесь к поступку героини? Аргументируйте свой ответ.

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О СТИХОТВОРЕНИИ В ПРОЗЕ

Опираясь на традиции французской культуры, И. С. Тургенев вводит в русскую литературу новый прозаический жанр малой формы: лирическое размышление или короткую историю (маленькую новеллу, анекдот с моральным выводом) — стихотворение в прозе.

***Стихотворение в прозе* — небольшое прозаическое произведение лирического характера.**

Стихотворение в прозе обладает такими признаками лирического стихотворения, как небольшой объём, повышенная эмоциональность, установка на выражение субъективного впечатления или переживания. В нём могут быть использованы ритмические и звуковые повторы, то есть те средства выразительности, которые используются в стихотворной речи.

1. Как вы понимаете, что такое «стихотворение в прозе»?
2. На примере прочитанного произведения (на ваш выбор) раскройте особенности стихотворения в прозе.

Читателю XXI столетия на заметку

И. С. Тургенев связывали тёплые дружеские отношения с **Тарасом Шевченко** и **Марко Вовчок** (настоящее имя — Мария Александровна Маркович). Тургенев хлопотал о последней публикации произведений Кобзаря за границей, участвовал в освобождении от крепостного права родственников украинского поэта, написал «Воспоминания о Шевченко», в которых подчёркивает удивительную скромность Тараса Григорьевича. И. С. Тургенев пишет: «Однажды на мой вопрос: какого автора мне следует читать, чтобы поскорее выучиться украинскому языку? он с живостью отвечал: “Марка Вовчка! Он один владеет нашей речью!”».

АСЯ

(В сокращении)

II

[...] На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горячие взгляды, смех без причины — лучший смех на свете — всё это радостное кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперёд — куда бы то ни было, лишь бы вперёд, — это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» — спрашивал я себя...

— Ася, довольно тебе? — вдруг произнёс за мной мужской голос по-русски.

— Подождём ещё, — ответил другой, женский голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывавшей всю верхнюю часть её лица.

— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка.

Молодой человек улыбнулся и промолвил:

— Да, русские.

— Я никак не ожидал... в таком захолустье, — начал было я.

— И мы не ожидали, — перебил он меня, — что ж? тем лучше.

Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... — он запнулся на мгновение, — моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как и я, для своего удовольствия, неделю тому назад

заехал в городок Л., да и застрял в нём. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновение — и снова восстанавливалось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрой, с первого взгляда показалась мне очень милостивой. Было что-то своё, особенное, в складе её смугловатого круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щёчками и чёрными, светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне ещё развита. Она нисколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти к нам? — сказал мне Гагин, — кажется, довольно мы насмотрелись на немцев. Ася, пойдём домой?

Девушка утвердительно кивнула головой.

— Мы живём за городом, — продолжал Гагин, — в винограднике, в одиноком домишке, высоко. У нас славно, посмотрите. Хозяйка обещала приготовить нам кислого молока. Теперь же скоро стемнеет, и вам лучше будет переезжать Рейн при луне.

Мы отправились. Через низкие ворота города (старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы не все ещё обрушились) мы вышли в поле и, пройдя шагов сто вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. [...]

— Вот и наше жилище! — воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, — а вот и хозяйка несёт молоко. Guten Abend, Madame!.. Мы сейчас примемся за еду; но прежде, — прибавил он, — оглянитесь... каков вид?

Вид был, точно, чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелёными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху ещё лучше: меня особенно поразили чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и лёгкий, он тихо колыбался и перекачивался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

— Отличную вы выбрали квартиру, — промолвил я.

— Это Ася её нашла, — отвечал Гагин. — Ну-ка, Ася, — продолжал он, — распорядись. Вели всё сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, — прибавил он, обратясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится — пошлые, грубые звуки, — а в отдаленье, — чудо! так и шевелит в вас все романтические струны.

Ася (собственное имя её было Анна, но Гагин называл её Асей, и уж вы позвольте мне её так называть) — Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоём несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; её чёрные волосы, остриженные и причёсанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ёжиться! он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видел существа более подвижного. Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибежала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и прстранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Её большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки её слегка щурились, и тогда взор её внезапно становился глубок и нежен.

Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша всё продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна; мы её распили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки её казались слаще и нежнее; огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; однако я видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец, луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших гранёных стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

— Пора! — воскликнул я, — а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

— Пора, — повторил Гагин.

Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла.

— Ты разве не спишь? — спросил её брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо.

Последние умирающие плошки, зажжённые студентами в саду гостиницы, освещали снизу листья деревьев, что придавало им праздничный и фантастический вид. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала с перевозчиком. Я прыгнул в лодку и простился с новыми моими друзьями. Гагин обещал навестить меня на следующий день; я пожал его руку и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Первозчик, бодрый старик, с напряжением погружал вёсла в тёмную воду.

— Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, — закричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

— Прощайте! — раздался опять её голос.

— До завтра, — проговорил за нею Гагин.

Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. Никого уж не было видно на противоположном берегу. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку. словно на прощание примчались звуки старинного лансеровского вальса. Гагин был прав: я почувствовал, что все струны моего сердца задрожали в ответ на те заискивающие напевы. Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришёл в свою комнату весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий.

Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чём не думал... Я был счастлив.

[...]

Давид Боровской.

Иллюстрация
к повести «Ася» (1980)

V

На следующее утро опять я пошёл в Л. Я уверял себя, что мне хочется повидаться с Гагиным, но втайне я хотел посмотреть, что станет делать Ася, так ли она будет «чудить», как накануне. Я застал обоих в гостиной, и странное дело! — оттого ли, что я ночью и утром много размышлял о России, — Ася показалась мне совер-

шенно русской девушкой, просто девушкой, чуть не горничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да шила в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу, и черты её приняли такое незначительное, будничное выражение, что мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши. Для завершения сходства она принялась напевать вполголоса «Матушку, голубушку». Я глядел на её желтоватое, угасшее личико, вспоминал о вчерашних мечтаниях, и жаль мне было чего-то. Погода была чудесная. Гагин объявил нам, что пойдёт сегодня рисовать этюд с натуры: я спросил его, позволит ли он мне провожать его, не помешаю ли я ему?

— Напротив, — возразил он, — вы мне можете хороший совет дать.

Он надел круглую шляпу a la Van Dyck, блузу, взял картон под мышку и отправился; я поплёлся вслед за ним. Ася осталась дома. Гагин, уходя, попросил её позаботиться о том, чтобы суп был не слишком жидок: Ася обещалась побывать на кухне. Гагин добрался до знакомой уже мне долины, присел на камень и начал срисовывать старый дуплистый дуб с раскидистыми сучьями. Я лёг на траву и достал книжку; но я двух страниц не прочёл, а он только бумагу измарал; мы всё больше рассуждали, и, сколько я могу судить, довольно умно и тонко рассуждали о том, как именно должно работать, чего следует избегать, чего придерживаться и какое собственно значение художника в наш век. Гагин, наконец, решил, что он «сегодня не в ударе», лёг рядом со мной, и уж тут свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек. Наболтавшись досыта и наполнившись чувством удовлетворения, словно мы что-то сделали, успели в чём-то, вернулись мы домой. Я нашёл Асю точно такую же, какую я её оставил; как я ни старался наблюдать за нею — ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли я в ней не заметил; на этот раз не было возможности упрекнуть её в неестественности.

— А-га! — говорил Гагин, — пост и покаяние на себя наложила.

К вечеру она несколько раз непритворно зевнула и рано ушла к себе. Я сам скоро простился с Гагиным и, возвратившись домой, не мечтал уже ни о чём: этот день прошёл в трезвых ощущениях. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвил вслух:

— Что за хамелеон эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А всё-таки она ему не сестра.

VI

Прошли целые две недели. Я каждый день посещал Гагиных. Ася словно избегала меня, но уже не позволяла себе ни одной из тех шалостей, которые так удивили меня в первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайне огорчённой или смущённой; она и смеялась меньше. Я с любопытством наблюдал за ней.

Она довольно хорошо говорила по-французски и по-немецки; но по всему было заметно, что она с детства не была в женских руках и получила воспитание странное, необычное, не имевшее ничего общего с воспитанием самого Гагина. От него, несмотря на его шляпу а la Van Dyck и блузу, так и веяло мягким, полуизнеженным, великорусским дворянином, а она не походила на барышню; во всех её движениях было что-то беспокойное: этот дичок недавно был привит, это вино ещё бродило. По природе стыдливая и робкая, она досадовала на свою застенчивость и с досады насильственно старалась быть развязной и смелой, что ей не всегда удавалось. Я несколько раз заговаривал с ней об её жизни в России, о её прошедшем: она неохотно отвечала на мои расспросы; я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне. Я застал её раз за книгой, одну. Опершись головой на обе руки и запустив пальцы глубоко в волосы, она пожирала глазами строки.

— Bravo! — сказал я, подойдя к ней, — как вы прилежны!

Она подняла голову, важно и строго посмотрела на меня.

— Вы думаете, что я только смеяться умею, — промолвила она и хотела удалиться...

Я взглянул на заглавие книги: это был какой-то французский роман.

— Однако я ваш выбор похвалить не могу, — заметил я.

— Что же читать! — воскликнула она и, бросив книгу на стол, прибавила: — Так лучше пойду дурачиться, — и побежала в сад.

В тот же день, вечером, я читал Гагину «Германа и Доротею». Ася сперва всё только шныряла мимо нас, потом вдруг остановилась, прикинула ухом, тихонько подседа ко мне и прослушала чтение до конца. На следующий день я опять не узнал её, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея. Словом, она являлась мне полузагадочным существом. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на неё. В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина. Он общался с нею не по-братски: слишком ласково, слишком снисходительно и в то же время несколько принуждённо.

Странный случай, по-видимому, подтвердил мои подозрения.

Однажды вечером, подходя к винограднику, где жили Гагины, я нашёл калитку запертою. Не долго думавши, добрался я до одного обрушенного места в ограде, уже прежде замеченного мною, и перескочил через неё. Недалеко от этого места, в стороне от дорожки, находилась небольшая беседка из акаций; я поравнялся с нею и уже прошёл было мимо... Вдруг меня поразил голос Аси, с жаром и сквозь слёзы произносившей следующие слова:

— Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить — и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, — говорил Гагин, — ты знаешь, я тебе верю.

Голоса их раздавались в беседке. Я увидел их обоих сквозь негустой переплёт ветвей. Они меня не заметили.

— Тебя, тебя одного, — повторила она, бросилась ему на шею и с судорожными рыданиями начала целовать его и прижиматься к его груди.

— Полно, полно, — твердил он, слегка проводя рукой по её волосам.

Несколько мгновений остался я неподвижным... Вдруг я встрепенулся. «Подойти к ним?... Ни за что!» — сверкнуло у меня в голове. Быстрыми шагами вернулся я к ограде, перескочил через неё на дорогу и чуть не бегом пустился домой. Я улыбался, потирал руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновение не усомнился в их справедливости), а между тем на сердце у меня было очень горько. «Однако, — думал я, — умеют же они притворяться! Но к чему? Что за охота меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?» [...]

VIII

Гагин встретил меня по-приятельски, осыпал меня ласковыми упрёками; но Ася, точно нарочно, как только увидела меня, расхоталась без всякого повода и, по своей привычке, тотчас убежала. Гагин смутился, пробормотал ей вслед, что она сумасшедшая, попросил меня извинить её. Признаюсь, мне стало очень досадно на Асю; уж и без того мне было не по себе, а тут опять этот неестественный смех, эти странные ужимки. Я, однако, показал вид, будто ничего не заметил, и сообщил Гагину подробности моего небольшого путешествия. Он рассказал мне, что делал, когда я отсутствовал. Но речи наши не клеились; Ася входила в комнату и убегала снова; я объявил наконец, что у меня есть спешная работа и что мне пора вернуться домой. Гагин сперва удерживал меня, потом, посмотрев на меня пристально, вызвался провожать меня. В передней Ася вдруг подошла ко мне и протянула мне руку; я слег-

ка пожал её пальцы и едва поклонился ей. Мы вместе с Гагиным переправились через Рейн и, проходя мимо любимого моего ясения с статушкой мадонны, присели на скамью, чтобы полюбоваться видом. Замечательный разговор произошёл тут между нами.

Сперва мы перекинулись несколькими словами, потом замолкли, глядя на светлую реку.

— Скажите, — заговорил вдруг Гагин, со своей обычной улыбкой, — какого вы мнения об Асе? Не правда ли, она должна казаться вам немного странной?

— Да, — ответил я не без некоторого недоумения. Я не ожидал, что он заговорит о ней.

— Её надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, — промолвил он, — у неё сердце очень доброе, но голова бедовая. Трудно с ней ладить. Впрочем, её нельзя винить, и если б вы знали её историю...

— Её историю? — перебил я, — разве она не ваша...

Гагин взглянул на меня.

— Уж не думаете ли вы, что она не сестра мне?.. Нет, — продолжал он, не обращая внимания на моё замешательство, — она точно мне сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую к вам доверие и расскажу вам всё.

Отец мой был человек весьма добрый, умный, образованный — и несчастливый. Он женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро; я остался после неё шести месяцев. Отец увёз меня в деревню и целые двенадцать лет не выезжал никуда. Он сам занимался моим воспитанием и никогда бы со мной не расстался, если б брат его, мой родной дядя, не заехал к нам в деревню. Дядя этот жил постоянно в Петербурге и занимал довольно важное место. Он уговорил отца отдать меня к нему на руки, так как отец ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представил ему, что мальчику моих лет вредно жить в совершенном уединении, что с таким вечно унылым и молчаливым наставником, каков был мой отец, я непременно отстану от моих сверстников, да и самый нрав мой легко может испортиться. Отец долго противился увещаниям своего брата, однако уступил наконец. Я плакал, расставаясь с отцом; я любил его, хотя никогда не видел улыбки на лице его... но, попавши в Петербург, скоро позабыл наше тёмное и невесёлое гнездо. Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешёл в гвардейский полк. Каждый год приезжал я в деревню на несколько недель и с каждым годом находил моего отца всё более и более грустным, в себя углублённым, задумчивым до робости. Он каждый день ходил в церковь и почти разучился говорить. В одно из моих посещений (мне уже было лет двадцать с лишком) я в первый раз увидел у нас в доме худенькую черноглазую девочку лет десяти — Асю. Отец сказал, что она

сирота и взята им на прокормление — он именно так выразился. Я не обратил особенного внимания на неё; она была дика, проворна и молчалива, как зверёк, и как только я входил в любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, где скончалась моя мать и где даже днём зажигались свечи, она тотчас пряталась за вольтеровское кресло его или за шкаф с книгами. Случилось так, что в последовавшие за тем три, четыре года обязанности службы помешали мне побывать в деревне. Я получал от отца ежемесячно по короткому письму; об Асе он упоминал редко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесят лет, но он казался ещё молодым человеком. Представьте же мой ужас: вдруг я, ничего не подозревавший, получаю от приказчика письмо, в котором он меня извещает о смертельной болезни моего отца и умоляет приехать как можно скорее, если хочу проститься с ним. Я поскакал сломя голову и застал отца в живых, но уже при последнем издыхании. Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то умоляющим взором и, взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю. Старик привёл её: она едва держалась на ногах и дрожала всем телом.

— Вот, — сказал мне с усилием отец, — завещаю тебе мою дочь — твою сестру. Ты всё узнаешь от Якова, — прибавил он, указав на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицом на кровать... Полчаса спустя мой отец скончался.

Вот что я узнал. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны.

[...] И вот я, двадцатилетний мальчик, очутился с тринадцатилетней девочкой на руках! В первые дни после смерти отца, при одном звуке моего голоса, её била лихорадка, ласки мои повергали её в тоску, только понемногу, исподволь, привыкла она ко мне. Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю её за сестру и полюбил её, как сестру, она страстно ко мне привязалась: у ней ни одно чувство не бывает вполнину.

Я привёз её в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, — жить с ней вместе я никак не мог; я поместил её в один из лучших пансионатов. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти такую же, какою была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на неё. «И наказать её нельзя, — говорила она мне, — и на ласку она не поддаётся». Ася была чрезвычай-

но понятлива, училась прекрасно, лучше всех; но никак не хотела подойти под общий уровень, упрячилась, глядела букой... Я не мог слишком винить её: в её положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Изю всех подруг она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большей частью из хороших фамилий, не любили её, язвили её и кололи, как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из Закона Божия преподаватель заговорил о пороках. «Лечь и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры её стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец ей минуло семнадцать лет; оставаться ей долее в пансионе было невозможно. Я находился в довольно большом затруднении. Вдруг мне пришла благая мысль: выйти в отставку, поехать за границу на год или на два и взять Асю с собой. Задумано — сделано; и вот мы с ней на берегах Рейна, где я стараюсь заниматься живописью, а она... шалит и чудит по-прежнему. Но теперь я надеюсь, что вы не станете судить её слишком строго; а она хоть и притворяется, что ей всё нипочём, — мнением каждого дорожит, вашим же мнением в особенности.

И Гагин опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крепко стиснул ему руку.

— Всё так, — заговорил опять Гагин, — но с нею мне беда. Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит! Я иногда не знаю, как с ней быть. На днях она что вздумала: начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить... И при этом так расплакалась...

— Так вот что... — промолвил было я и прикусил язык.

— А скажите-ка мне, — спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, — неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видела же она молодых людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нет, Асе нужен герой, необыкновенный человек — или живописный пастух в горном ущелье. А впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, — прибавил он, вставая.

— Послушайте, — начал я, — пойдёмте к вам, мне домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не ответил; Гагин добродушно усмехнулся, и мы вернулись в Л. Увидев знакомый виноградник и белый домик на верху горы, я почувствовал какую-то сладость — именно сладость на сердце. Мне стало легко после гагинского рассказа.

IX

Ася встретила нас на самом пороге дома; я снова ожидал смеха; но она вышла к нам вся бледная, молчаливая, с потупленными глазами.

— Вот он опять, — заговорил Гагин, — и, заметь, сам захотел вернуться.

Ася вопросительно посмотрела на меня. Я в свою очередь протянул ей руку и на этот раз крепко пожал её холодные пальчики. Мне стало очень жаль её; теперь я многое понимал в ней, что прежде сбивало меня с толку: её внутреннее беспокойство, неумение держать себя, желание порисоваться — всё мне стало ясно. Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему её тонкому телу, привлекала она меня: её душа мне нравилась.

Гагин начал копаться в своих рисунках; я предложил Асе погулять со мной по винограднику. Она тотчас согласилась, с весёлой и почти покорной готовностью. [...]

XI

Отправляясь на следующий день к Гагиным, я не спрашивал себя, влюблён ли я в Асю, но я много размышлял о ней; её судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближению. Я чувствовал, что только со вчерашнего дня я узнал её; до тех пор она отворачивалась от меня. И вот, когда она раскрылась, наконец, передо мною, каким пленительным светом озарился её образ, как он был нов для меня, какие тайные обаяния стыдливо в нём сквозили...

Бодро шёл я по знакомой дороге, беспрестанно посматривая на издали белевший домик, я не только о будущем — я о завтрашнем дне не думал; мне было очень хорошо.

Ася покраснела, когда я вошёл в комнату; я заметил, что она опять принарядилась, но выражение её лица не шло к её наряду: оно было печально. А я пришёл таким весёлым! Мне показалось даже, что она, по обыкновению своему, собралась было бежать, но сделала усилие над собой — и осталась. Гагин находился в том особенном состоянии художнического жара и ярости, которое, в виде припадка, внезапно овладевает дилетантами, когда они вообразят, что им удалось, как они выражаются, «поймать природу за хвост». Он стоял, весь взъерошенный и выпачканный красками, перед натянутым холстом и, широко размахивая по нём кистью, почти свирепо кивнул мне головой, отодвинулся, прищурил глаза и снова накинудся на свою картину. Я не стал мешать ему и подсел к Асе. Медленно обратились ко мне её тёмные глаза.

— Вы сегодня не такая, как вчера, — заметил я после тщетных усилий вызвать улыбку на её губы.

— Нет, не такая, — ответила она неторопливым и глухим голосом. — Но это ничего... Я нехорошо спала, всю ночь думала.

— О чём?

— Ах, я о многом думала. Это у меня привычка с детства: ещё с того времени, когда я жила с матушкой...

Она с усилием выговорила это слово и потом ещё раз повторила:

— Когда я жила с матушкой... я думала, отчего это никто не может знать, что с ним будет; а иногда и видишь беду — да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды?... Потом я думала, что я ничего не знаю, что мне надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умею играть на фортепьяно, не умею рисовать, я даже шью плохо. У меня нет никаких способностей, со мной должно быть очень скучно.

— Вы несправедливы к себе, — возразил я. — Вы много читали, вы образованны, и с вашим умом...

— А я умна? — спросила она с такой наивной любознательностью, что я невольно засмеялся; но она даже не улыбнулась. — Брат, я умна? — спросила она Гагина.

Он ничего не отвечал ей и продолжал трудиться, беспрестанно меняя кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что у меня в голове, — продолжала Ася с тем же задумчивым видом. — Я иногда самой себя боюсь, ей-богу. Ах, я хотела бы... Правда ли, что женщинам не следует читать много?

— Много не нужно, но...

— Скажите мне, что я должна читать? скажите, что я должна делать? Я всё буду делать, что вы мне скажете, — прибавила она, с невинной доверчивостью обратясь ко мне.

Я не тотчас нашёлся, что сказать ей.

— Ведь вам не будет скучно со мной?

— Помилуйте, — начал я.

— Ну, спасибо! — возразила Ася, — а я думала, что вам скучно будет.

И её маленькая горячая ручка крепко стиснула мою.

— Н.! — вскрикнул в это мгновение Гагин, — не тёмен ли этот фон?

Я подошёл к нему. Ася встала и удалилась. [...]

XIII

«Неужели она меня любит?» — спрашивал я себя на другой день, только что проснувшись. Я не хотел заглядывать в самого себя. Я чувствовал, что её образ, образ «девушки с натянутым сме-

хом», втеснился мне в душу и что мне от него не скоро отделаться. Я пошёл в Л. и остался там целый день, но Асю видел только мельком. Ей нездоровилось, у ней голова болела. Она сошла вниз, на минутку, с повязанным лбом, бледная, худенькая, с почти закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: «Это пройдёт, это ничего, всё пройдёт, не правда ли?» — и ушла. Мне стало скучно и как-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотел уходить и вернулся поздно, не увидав её более.

Следующее утро прошло в каком-то полусне сознания. Я хотел приняться за работу — не мог; хотел ничего не делать и не думать... и это не удалось. Я бродил по городу; возвращался домой, выходил снова.

— Вы ли господин Н.? — раздался вдруг за мной детский голос. Я оглянулся; передо мною стоял мальчик. — Это вам от фрейлейн Annette, — прибавил он, подавая мне записку.

Я развернул её — и узнал неправильный и быстрый почерк Аси. «Я непременно должна вас видеть, — писала мне она, — приходите сегодня в четыре часа к каменной часовне на дороге возле развалины. Я сделала сегодня большую неосторожность... Приходите, ради Бога, вы всё узнаете... Скажите посланному: да».

— Будет ответ? — спросил меня мальчик.

— Скажи, что да, — отвечал я.

Мальчик убежал.

XIV

Я пришёл к себе в комнату, сел и задумался. Сердце во мне сильно билось. Несколько раз перечёл я записку Аси. Я посмотрел на часы: и двенадцати ещё не было.

Дверь отворилась — вошёл Гагин.

Лицо его было пасмурным. Он схватил меня за руку и крепко пожал её. Он казался очень взволнованным.

— Что с вами? — спросил я.

Гагин взял стул и сел против меня.

— Четвёртого дня, — начал он с принуждённой улыбкой и запинаясь, — я удивил вас своим рассказом; сегодня удивлю ещё более. С другим я, вероятно, не решился бы... так прямо... Но вы благородный человек, вы мне друг, не так ли? Послушайте: моя сестра, Ася, в вас влюблена.

Я вздрогнул и приподнялся...

— Ваша сестра, говорите вы...

— Да, да, — перебил меня Гагин. — Я вам говорю, она сумасшедшая и меня с ума сведёт. Но, к счастью, она не умеет лгать — и

доверяет мне. Ах, что за душа у этой девочки... но она себя погубит, непременно.

— Да вы ошибаетесь, — начал я.

— Нет, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти целый день пролежала, ничего не ела, впрочем не жаловалась... Она никогда не жалуется. Я не беспокоился, хотя к вечеру у неё сделался небольшой жар. Сегодня, в два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: «Ступайте, говорит, к вашей сестре: с ней что-то худо». Я побежал к Асе и нашёл её нераздетою, в лихорадке, в слезах; голова у неё горела, зубы стучали. «Что с тобой? — спросил я, — ты больна?» Она бросилась мне на шею и начала умолять меня увезти её как можно скорее, если я хочу, чтобы она осталась в живых... Я ничего не понимаю, стараюсь её успокоить... Рыдания её усиливаются... и вдруг сквозь эти рыдания услышал я... Ну, словом, я услышал, что она вас любит. Уверяю вас, мы с вами, благоразумные люди, и представить себе не можем, как она глубоко чувствует и с какой невероятной силой высказываются в ней эти чувства; это находит на неё так же неожиданно и так же неотразимо, как гроза. Вы очень милый человек, — продолжал Гагин, — но почему она вас так полюбила, этого я, признаюсь, не понимаю. Она говорит, что привязалась к вам с первого взгляда. Оттого она и плакала на днях, когда уверяла меня, что, кроме меня, никого любить не хочет. Она воображает, что вы её презираете, что вы, вероятно, знаете, кто она; она спрашивала меня, не рассказал ли я вам её историю, — я, разумеется, сказал, что нет; но чуткость её — просто страшна. Она желает одного: уехать, уехать тотчас. Я просидел с ней до утра; она взяла с меня слово, что нас завтра же здесь не будет, — и тогда только она заснула. Я подумал, подумал и решился — поговорить с вами. По-моему, Ася права: самое лучшее — уехать нам обоим отсюда. И я сегодня же бы увёз её, если б не пришла мне в голову мысль, которая меня остановила. Может быть... как знать? — вам сестра моя нравится? Если так, с какой стати я увезу её? Я вот и решился, отбросив в сторону всякий стыд... Притом же я сам кое-что заметил... Я решился... узнать от вас... — Бедный Гагин смутился. — Извините меня, пожалуйста, — прибавил он, — я не привык к таким передрагам.

Я взял его за руку.

— Вы хотите знать, — произнёс я твёрдым голосом, — нравится ли мне ваша сестра? Да, она мне нравится...

Гагин взглянул на меня.

— Но, — проговорил он, запинаясь, — ведь вы не женитесь на ней?

— Как вы хотите, чтобы я отвечал на такой вопрос? Посудите сами, могу ли я теперь...

— Знаю, знаю, — перебил меня Гагин. — Я не имею никакого права требовать от вас ответа, и вопрос мой — верх неприличия... Но что прикажете делать? С огнём шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она в состоянии занемочь, убежать, свиданье вам назначить... Другая умела бы всё скрыть и выждать — но не она. С нею это в первый раз — вот что беда! Если бы вы видели, как она сегодня рыдала у ног моих, вы бы поняли мои опасения.

Я задумался. Слова Гагина «свиданье вам назначить» кольнули меня в сердце. Мне показалось постыдным не отвечать откровенностью на его честную откровенность.

— Да, — сказал я наконец, — вы правы. Час тому назад я получил от вашей сестры записку. Вот она.

Гагин взял записку, быстро пробежал её и уронил руки на колени. Выражение изумления на его лице было очень забавным, но мне было не до смеху.

— Вы, повторяю, благородный человек, — проговорил он, — но что же теперь делать? Как? она сама хочет уехать, и пишет к вам, и упрекает себя в неосторожности... и когда это она успела написать? Чего ж она хочет от вас?

Я успокоил его, и мы принялись толковать хладнокровно по мере возможности о том, что нам следовало предпринять.

Вот что мы остановились, наконец: во избежание беды я должен был идти на свидание и честно объясниться с Асей; Гагин обаялся сидеть дома и не подать вида, что ему известна её записка; а вечером мы положили сойтись опять.

— Я твёрдо надеюсь на вас, — сказал Гагин и стиснул мне руку, — пощадите и её, и меня. А уезжаем мы всё-таки завтра, — прибавил он, вставая, — потому что ведь вы на Асе не женитесь.

— Дайте мне сроку до вечера, — возразил я.

— Пожалуй, но вы не женитесь.

Он ушёл, а я бросился на диван и закрыл глаза. Голова у меня ходила кругом: слишком много впечатлений в неё нахлынуло разом. Я досадовал на откровенность Гагина, я досадовал на Асю, её любовь меня и радовала и смущала. Я не мог понять, что заставило её всё высказать брату; неизбежность скорого, почти мгновенного решения терзала меня...

«Жениться на семнадцатилетней девочке, с её нравом, как это можно!» — сказал я, вставая. [...]

XVI

В небольшой комнате, куда я вошёл, было довольно темно, и я не тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная

птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко её. Я подошёл к ней. Она ещё больше отвернула голову...

— Анна Николаевна, — сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня — и не могла. Я схватил её руку, она была холодна и лежала, как мёртвая, на моей ладони.

— Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но её бледные губы не слушались её, — я хотела... Нет, не могу, — проговорила она и умолкла. Действительно, голос её прерывался на каждом слове.

Я сел подле неё.

— Анна Николаевна, — повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Настало молчание. Я продолжал держать её руку и глядел на неё. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накипавшие слёзы... Я глядел на неё; было что-то трогательно-беспомощное в её робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

— Ася, — сказал я чуть слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами, я нагнулся и приник к её руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист дрожавшей руки. Я поднял голову и увидел её лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушёл куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл всё, я потянул её к себе — покорно повиновалась её рука, всё тело её повлеклось вслед за рукою, шаль покатилась с плеч, и голова её тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

— Ваша... — прошептала она чуть слышно.

Уже руки мои скользили вокруг её стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.

— Что мы делаем!.. — воскликнул я и судорожно отодвинулся назад. — Ваш брат... ведь он всё знает... Он знает, что я вижусь с вами.

Ася опустила на стул.

— Да, — продолжал я, вставая и отходя в другой угол комнаты. — Ваш брат всё знает... Я должен был ему всё сказать.

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла ещё прийти в себя и плохо меня понимала.

— Да, да, — повторил я с каким-то ожесточением, — и в этом вы одни виноваты, вы одни. Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас всё высказать вашему брату? Он сегодня был сам у меня и передал мне ваш разговор с ним. — Я старался не глядеть на Асю и ходил большими шагами по комнате. — Теперь всё пропало, всё, всё.

Ася поднялась было со стула.

— Останьтесь, — воскликнул я, — останьтесь, прошу вас. Вы имеете дело с честным человеком, — да, с честным человеком. Но, ради Бога, что взволновало вас? Разве вы заметили во мне какую перемену? А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришёл сегодня ко мне.

«Что я такое говорю?» — думал я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщик, что Гагин знает о нашем свидании, что всё искажено, обнаружено, — так и звенела у меня в голове.

— Я не звала брата, — слышался испуганный шёпот Аси, — он пришёл сам.

— Посмотрите же, что вы наделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Да, я должна уехать, — так же тихо проговорила она, — я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

— И вы думаете, — возразил я, — мне будет легко с вами расстаться?

— Но зачем же вы сказали брату? — с недоумением повторила Ася.

— Я вам говорю — я не мог поступить иначе. Если бы вы сами не выдали себя...

— Я заперлась в моей комнате, — возразила она простодушно, — я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...

Это невинное извинение, в её устах, в такую минуту — меня тогда чуть не рассердило... а теперь я без умиления не могу его вспомнить. Бедное, честное, искреннее дитя!

— И вот теперь всё кончено! — начал я снова. — Всё. Теперь нам должно расстаться. — Я украдкой взглянул на Асю... лицо её быстро покраснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось и страшно. Я сам ходил и говорил как в лихорадке. — Вы не дали развиться чувству, которое начинало созревать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне...

Пока я говорил, Ася всё больше и больше наклонялась вперёд — и вдруг упала на колени, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбежал к ней, пытался поднять её, но она мне не давалась. Я не выношу женских слёз: при виде их я тотчас теряюсь.

— Анна Николаевна, Ася, — твердил я, — пожалуйста, умоляю вас, ради Бога, перестаньте... — Я снова взял её за руку...

Но, к величайшему моему изумлению, она вдруг вскочила — с быстротою молнии бросилась к двери и исчезла...

Когда несколько минут спустя фрау Луизе вошла в комнату — я всё ещё стоял по самой середине её, уж точно как громом поражённый. Я не понимал, как могло это свидание так быстро, так глупо кончиться — кончиться, когда я и сотой доли не сказал того, что хотел, что должен был сказать, когда я ещё сам не знал, чем оно разрешится...

— Фрейлейн ушла? — спросила меня фрау Луизе, приподняв свои жёлтые брови до самой накладки.

Я посмотрел на неё как дурак — и вышел вон. [...]

XXI

Когда, на другой день утром, я стал подходить к знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: все окна в нём были раскрыты и дверь тоже была раскрыта; какие-то бумажки валялись перед порогом; служанка с метлой показалась за дверью.

Я приблизился к ней...

— Уехали! — брякнула она, прежде чем я успел спросить её: дома ли Гагин?

— Уехали?... — повторил я. — Как уехали? Куда?

— Уехали сегодня утром, в шесть часов, и не сказали куда. Пойдите, ведь вы, кажется, господин Н.?

— Я господин Н.

— К вам есть письмо у хозяйки. — Служанка пошла наверх и вернулась с письмом. — Вот-с, извольте.

— Да не может быть... Как же это так?.. — начал было я.

Служанка тупо посмотрела на меня и принялась мести.

Я развернул письмо. Ко мне писал Гагин; от Аси не было ни строчки. Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, я одобрю его решение. Он не находил другого выхода из положения, которое могло сделаться затруднительным и опасным. «Вчера вечером, — писал он, — пока мы оба молча ждали Асю, я убедился окончательно в необходимости разлуки. Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе. Она мне всё сказала; для её спокойствия я должен был уступить её повторным, усиленным просьбам». В конце письма он изъявлял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, желал мне счастья, дружески жал мне руку и умолял меня не стараться их отыскивать.

«Какие предрассудки? — вскричал я, как будто он мог меня слышать, — что за вздор! Кто дал право похитить её у меня...» Я схватил себя за голову...

Служанка начал громко кликать хозяйку: её испуг заставил меня прийти в себя. Одна мысль во мне загорелась: сыскать их, сыскать во что бы то ни стало. Принять этот удар, примириться с такой развязкой было невозможно. Я узнал от хозяйки, что они в шесть часов утра сели на пароход и поплыли вниз по Рейну. Я отправился в контору: там мне сказали, что они взяли билеты до Кёльна. Я пошёл домой с тем, чтобы тотчас улечься и поплыть вслед за ними. Мне пришлось идти мимо дома фрау Луизе... Вдруг я слышу: меня кличет кто-то. Я поднял голову и увидел в окне той самой комнаты, где я накануне виделся с Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошёл было мимо; но она крикнула мне вслед, что у неё есть что-то для меня. Эти слова меня остановили, и я вошёл в её дом. Как передать мои чувства, когда я увидел опять эту комнатку...

— По-настоящему, — начала старуха, показывая мне маленькую записку, — я бы должна была дать вам это только в случае, если бы вы зашли ко мне сами, но вы такой прекрасный молодой человек. Возьмите.

Я взял записку.

На крошечном клочке бумаги стояли следующие слова, торопливо начерченные карандашом:

«Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!»

Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал его ей, я не сказал ей, что я люблю её... Когда я встретился с ней в той роковой комнате, во мне ещё не было ясного сознания моей любви: оно не проснулось даже тогда, когда я сидел с её братом в бессмысленном и тягостном молчании... оно вспыхнуло с неудержимой силой лишь несколько мгновений спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я стал искать и звать её... но тогда уже было поздно. «Да это невозможно!» — скажут мне; не знаю, возможно ли это, — знаю, что это правда. Ася бы не уехала, если б в ней была хоть тень кокетства и если б её положение не было ложно. Она не могла вынести того, что всякая другая снесла бы; я этого не понял. Недобрый мой гений остановил признание на устах моих при последнем свидании с Гагиным перед потемневшим окном, и последняя нить, за которую я ещё мог ухватиться, — выскользнула из рук моих.

В тот же день я вернулся с уложенным чемоданом в город Л. и поплыл в Кёльн. Помню, пароход уже отчаливал, и я мысленно прощался с этими улицами, со всеми этими местами, которые я уже никогда не должен был позабыть, — я увидел Ганхен. Она сидела возле берега на скамье. Лицо её было бледно, но не грустно; молодой красивый парень стоял рядом с нею и, смеясь, рассказывал ей что-то, а на другой стороне Рейна маленькая моя мадонна всё так же печально выглядывала из тёмной зелени старого ясеня.

XXII

В Кёльне я напал на след Гагиных; я узнал, что они поехали в Лондон; я пустился вслед за ними; но в Лондоне все мои розыски остались тщетными. Я долго не хотел смириться, я долго упорствовал, но я должен был отказаться, наконец, от надежды настигнуть их.

И я не увидел их более — я не увидел Аси. Тёмные слухи доходили до меня о ней, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она. Однажды, несколько лет спустя, я мельком увидал за границей, в вагоне железной дороги, женщину, лицо которой живо напомнило мне незабвенные черты... но я, вероятно, был обманут случайным сходством. Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какую я знал её в лучшую пору своей жизни, какую я её видел в последний раз, наклонённой на спинку низкого деревянного стула.

Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней; я даже нашёл, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслию, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой. Я был тогда молод — и будущее, это короткое, быстрое будущее, казалось мне беспредельным. Разве не может повториться то, что было, думал я, и ещё лучше, ещё прекраснее?.. Я знал других женщин — но чувство, возбуждённое во мне Асей, то жгучее, нежное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремлённых на меня глаз, ни на чьё сердце, припавшее к моей груди, не отвечало моё сердце таким радостным и сладким замиранием! Осуждённый на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, её записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна. Он до сих пор издаёт слабый запах, а рука, мне давшая его, та рука, которую мне только раз пришлось прижать к губам моим, быть может, давно уже тлеет в могиле... И я сам — что случилось со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так лёгкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека — переживает самого человека.

Читаем, размышляем, обсуждаем

1. Редактор журнала «Современник», известный русский поэт Н. А. Некрасов писал о повести «Ася»: «От неё веет душевной молодостью, вся она чистое золото поэзии. Без натяжки пришлась вся эта прекрасная обстановка к поэтическому сюжету, и вышло что-то небывалое у нас по красоте и чистоте». А какие чувства и мысли вызвало у вас это произведение И. С. Тургенева?
2. Какую форму повествования выбирает автор? Как вы думаете, с какой целью он это делает?
3. Расскажите, каким было первое впечатление Н. Н. от Аси.
4. Близко к тексту расскажите, какую историю судьбы Аси поведал Гагин Н. Н.
5. Какую роль в повести выполняют пейзажные описания? Проследите по тексту, как они помогают раскрыть душевное состояние героев в различные моменты их жизни.
6. Используя цитаты из текста, составьте словесные портреты главных героев повести.
7. Проследите по тексту, как автор относится к своим героям.
8. Как вы думаете, что привлекало Н. Н. в Асе? Свой ответ подтвердите цитатами из текста.
9. Выразительно прочитайте сцену свидания Н. Н. и Аси в доме фрау Луизе. Выскажите своё отношение к прочитанному.
10. Как вы думаете, почему личная жизнь Н. Н. не удалась и он доживал свои «скучные годы» в одиночестве? Обоснуйте свою позицию.
11. Расскажите, повлияло ли как-нибудь на вас это произведение. Если да, то поделитесь своими чувствами и мыслями с близкими вам людьми.

Читателю XXI столетия на заметку

История героини повести И. С. Тургенева «Ася» отчасти напоминает судьбу внебрачной дочери писателя. Летом 1841 г. в Спасском молодому Тургеневу приглянулась Авдотья Ермолаевна Шанова, работавшая по найму. Но по воле матери писателя Варвары Петровны она вскоре была рассчитана и уехала в Москву. Через год у неё родилась дочь Пелагея, которую Варвара Петровна у неё отобрала и увезла в имение. Девочка была отдана на воспитание в семью крепостного крестьянина и оказалась в самом печальном положении: дворня злорадно называла её «барышней» и заставляла выполнять непосильную работу. Когда в 1850 году Тургенев вернулся в Россию, он впер-

вые увидел дочку, которой было уже 8 лет, — забитую, дикова- тую дворовую девчонку Палашку. Иван Сергеевич увёз дочь во Францию, и она воспитывалась вместе с дочерьми его большого друга, знаменитой французской певицы Полины Виардо, и так никогда уже и не возвращалась в Россию.

Подытожим изученное

1. Прокомментируйте высказывание М. Е. Салтыкова-Щедрина о творчестве И. С. Тургенева: «Что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благо- словляешь и любишь автора? Именно это впечатление оставляют после эти прозрачные, будто соткан- ные из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом».
2. На примере одного из прочитанных произведений И. С. Тургенева создайте своё стихотворение в прозе.
3. Раскройте понятие «стихотворение в прозе».
4. В классе выразительно прочитайте наизусть одно из стихотворений И. С. Тургенева.
5. Какое из стихотворений в прозе И. С. Тургенева вам хотелось бы выразительно прочитать на камеру, что- бы потом выложить его на видеоканале YouTube? Обо- снуйте свой выбор.
6. Подумайте, что больше всего привлекает рассказчика в Асе: внешняя миловидность, необычность поведения или богатство духовного мира, «крылатость». Выскажи- те своё отношение к этому образу.
7. Определите правильный, по вашему мнению, ответ. Развязка в произведении «Ася» — это:

А отъезд Гагиных	Б свидание у фрау Луизы
В последний разговор рассказчика с Гагиным	
8. Докажите, что жанр произведения «Ася» — повесть.
9. Существует устойчивое выражение: «тургеневская де- вушка». Как вы его понимаете? Какой предстаёт перед вами «тургеневская девушка» из произведения «Ася»?
10. Как вы думаете, существуют ли в современном обще- стве «тургеневские девушки»? А вам хотелось бы об- щаться с такими девушками? Объясните почему.
11. В парах или микрогруппе создайте буктрейлер по про- читанному произведению И. С. Тургенева.

Михаил Евграфович
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
(1826—1889)

*Мысль и страдание застыли навеки
в глазах человека, чьим оружием был смех.
Николай Крамской, русский архитектор*

ЛЕТОПИСЕЦ МИНУТЫ

Современники называли Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина «прокурором русской общественной жизни». Это определение очень точно характеризует его.

Родился будущий писатель **27 января 1826 года** в селе Спас-Угол Тверской губернии России в семье богатых помещиков. Его отец принадлежал к старинному дворянскому роду.

«Я вырос на лоне крепостного права, вскормлен молоком крепостной кормилицы, воспитан крепостными мамками и, наконец, обучен грамоте крепостным грамотеем. Все ужасы этой вековой кабалы я видел в их наготе», — вспоминал Щедрин. Крепостническое «гнездо» Салтыковых стало для него прообразом всей России.

Властвовала в усадьбе мать писателя, все заботы которой были направлены на преумножение достояния. Никаких удовольствий и развлечений в доме не было. Предоставленный сам себе, маленький Миша рано увлёкся чтением и рос довольно развитым мальчиком. Когда ему исполнилось 10 лет, его отдали на учёбу в Московский дворянский институт. В начале XIX столетия это было одно из самых прогрессивных учебных заведений, в нём получали образование многие будущие литераторы. В преданиях института хранились воспоминания о бывших блестящих воспитанниках — В. А. Жуковском, А. С. Грибоедове и М. Ю. Лермонтове.

В 1838 году как один из лучших учеников Салтыков-Щедрин был переведён на учёбу в привилегированный

Царскосельский лицей. Однако в то время это было уже не то прогрессивное учебное заведение, в котором учился А. С. Пушкин. «Рассадником министров» назовёт впоследствии лицей Михаил Евграфович. Лицейские науки не смогли увлечь его, но Салтыков ещё больше пристрастился к серьёзному чтению и, по его словам, «почувствовал решительное влечение к литературе, что и выразилось усиленною стихотворною деятельностью». Особенно привлекала его лермонтовская поэзия. Её влияние определило раннее творчество будущего писателя: и стихи, и прозу. В эти же годы он переводит произведения Джорджа Байрона, Виктора Гюго, Генриха Гейне. Такой выбор поэтов свидетельствует не только о широкой литературной эрудиции лицеиста, но и о серьёзности его намерений. Однако строгий к себе Салтыков критически пересматривает своё поэтическое творчество и после окончания лицея стихов больше не пишет.

1848-й стал для Салтыкова-Щедрина годом первой литературной удачи. С успехом выходит его повесть *«Залутанное дело»*. Однако революционные события во Франции того времени вызвали «профилактические» репрессии российского самодержавия, и публикация произведения Щедрина стала поводом для применения их к молодому автору. По указу императора Николая I в апреле того же 1848 года начинающий писатель был сослан в Вятку, где поначалу служил переписчиком бумаг, а потом старшим чиновником по особым поручениям при губернаторе. По роду службы ему приходилось вникать в самые разные вопросы провинциальной жизни.

В ноябре 1855 года, получив разрешение вернуться из ссылки, М. Е. Салтыков переехал в Петербург. Здесь с августа 1856 года в журнале «Русский вестник» начали печататься его *«Губернские очерки»*, принёсшие ему широкую известность. О Щедрина заговорили как о наследнике Н. В. Гоголя, смело вскрывающем пороки общества. Вышедшие отдельной книгой «Губернские очерки» не вызвали недовольства в официальных кругах. Это было время, когда готовились предстоящие реформы и умеренное обличение даже поощрялось, а более глубокий смысл произведений Щедрина большинству ещё был не понятен. Сам Салтыков считал, что царские реформы принесут пользу народу, и он

пожелал личным участием помочь стране. Почти десять лет (с 1858 по 1868 годы с небольшим перерывом) он провёл на государственной службе. Щедрин был вице-губернатором в Рязани и Твери, председателем Казённой палаты в Пензе, Туле и Рязани. В год отмены крепостного права Щедрин чётко выразил свою позицию: «Я не дам в обиду мужика! Будет с него, господа... Очень, слишком даже будет». Началась непримиримая борьба со злоупотреблениями чиновников и помещиков, а в ответ в Петербург полетели жалобы и доносы. Разочаровавшись в проведённой реформе, убедившись в безнадёжности своих стараний облегчить жизнь народа, он оставляет службу и все усилия направляет на литературную деятельность.

Владимир Мыслицкий.
Из иллюстраций
к произведениям
М. Е. Салтыкова-
Щедрина (2008)

В это время М. Е. Салтыков-Щедрин работает в редакции прогрессивных журналов «Современник» и «Отечественные записки», создавая лучшие свои произведения: *цикл рассказов «Помпадур и помпадурши», романы «История одного города», «Господа Головлёвы», «Пошехонская старина» и «Сказки для детей изрядного возраста»*. Современники находили в текстах Щедрина молниеносный отклик на волновавшие их события и вопросы. Не случайно сам писатель, исследуя общественные и человеческие пороки своего времени, не без иронии называл себя «летописцем минуты», пишущим на «злобу дня».

- ?
1. Расскажите, что вам известно о М. Е. Салтыкове-Щедрине.
 2. Объясните, почему современники называли М. Е. Салтыкова-Щедрина «прокурором русской общественной жизни».
 3. Подумайте, почему сам писатель называл себя «летописцем минуты».

ПРЕМУДРЫЙ ПЕСКАРЬ¹

Из цикла «Сказки для детей изрядного возраста»

Жил-был пескарь. И отец и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку аридовы веки² в реке прожили и ни в уху, ни к щуке в хайло³ не попали. И сыну то же заказали. «Смотри, сынок, — говорил старый пескарь, умирая, — коли хочешь жизнью жуировать, так гляди в оба!» А у молодого пескаря ума палата была. Начал он этим умом раскидывать и видит: куда ни обернётся — везде ему мат. Кругом, в воде, все большие рыбы плавают, а он всех меньше; всякая рыба его заглотать может, а он никого заглотать не может. Да и не понимает: зачем глотать? Рак может его клешней пополам перерезать, водяная блоха — в хребет впиться и до смерти замучить. Даже свой брат пескарь — и тот, как увидит, что он комара изловил, целым стадом так и бросятся отнимать. Отнимут и начнут друг с дружкой драться, только комара задаром растреплют.

А человек? — что это за ехидное создание такое! каких каверз он ни выдумал, чтоб его, пескаря, напрасною смертью погублять! И невода, и сети, и верши, и норота⁴, и, наконец... уду! Кажется, что может быть глупее уды? — Нитка, на нитке крючок, на крючке — червяк или муха надеты... Да и надеты-то как?.. в самом, можно сказать, неестественном положении! А между тем именно на уду всего больше пескарь и ловится!

Отец-старик не раз его насчёт уды предостерегал. «Пуще всего берегись уды! — говорил он, — потому что хоть и глупейший это снаряд, да ведь с нами, пескарями, что глупее, то вернее. Бросят нам муху, словно нас же приголубить хотят; ты в неё вцепишься — ан в мухе-то смерть!» Рассказывал также старик, как однажды он чуть-чуть в уху не угодил. Ловили их в ту пору целою артелью⁵, во всю ширину реки невод растянули, да так версты с две по дну волоком и волокли. Страсть, сколько рыбы тогда попало! И щуки, и окуни, и головли, и плотва, и гольцы, — даже лещей-лежебоков из тины со дна поднимали! А пескарям так и счёт потеряли. И каких страхов он, старый пескарь, натерпелся, покуда его по реке волокли, — это ни в сказке сказать, ни пером описать. Чувствует, что его везут, а куда — не знает. Видит, что у него с одного боку — щука,

¹ Песка́рь (пискарь) — разновидность мелких рыб. Имеет удлинённое тело с тёмными пятнами по бокам. В углах рта — два усика.

² Ари́довы веки (устар.) — жить, прожить очень долго.

³ Хайло́ — горло, глотка.

⁴ Ве́рши, но́рота — разновидности ловушек для ловли рыб.

⁵ А́ртель — добровольное объединение людей для совместной работы.

с другого — окунь; думает: вот-вот, сейчас, или та, или другой его съедят, а они — не трогают... «В ту пору не до еды, брат, было!» У всех одно на уме: смерть пришла! а как и почему она пришла — никто не понимает. Наконец стали крылья у невода сводить, выволокли его на берег и начали рыбу из мотни в траву валить. Тут-то он и узнал, что такое уха.

Трепещется на песке что-то красное; серые облака от него вверх бегут; а жарко таково, что он сразу разомлел. И без того без воды тошно, а тут ещё поддают... Слышит — «костёр», говорят. А на «костре» на этом чёрное что-то положено, и в нём вода, точно в озере, во время бури, ходуном ходит. Это — «котёл», говорят. А под конец стали говорить: вали в «котёл» рыбу — будет «уха»! И начали туда нашего брата валить. Шваркнет рыбак рыбину — та сначала окунётся, потом, как полоумная, выскочит, потом опять окунётся — и присмирееет. «Ухи», значит, отведала. Валили-валили сначала без разбора, а потом один старичок глянул на него и говорит: «Какой от него, от малыша, прок для ухи! пущай в реке порастёт!» Взял его под жабры, да и пустил в вольную воду. А он, не будь глуп, во все лопатки — домой! Прибежал, а пескариха его из норы ни жива ни мертва выглядывает...

И что же! сколько ни толковал старик в ту пору, что такое уха и в чём она заключается, однако и поднесь в реке редко кто здравые понятия об ухе имеет!

Но он, пескарёв-сын, отлично запомнил поучения пескарёв-отца, да и на ус себе намотал. Был он пескарёв просвещённый, умеренно-либеральный¹, и очень твёрдо понимал, что жизнь прожить — не то, что мутовку облизать. «Надо так прожить, чтоб никто не заметил, — сказал он себе, — а не то как раз пропадёшь!» — и стал устраиваться. Первым делом нору для себя такую придумал, чтоб ему забраться в неё было можно, а никому другому — не влезть! Долбил он носом эту нору целый год, и сколько страху в это время принял, ночуя то в иле, то под водяным лопухом, то в осоке. Наконец, однако, выдолбил на славу. Чисто, аккуратно — именно только одному поместиться впору. Вторым делом, насчёт житейя своего решил так: ночью, когда люди, звери, птицы и рыбы спят — он будет моцион делать, а днём — станет в норе сидеть и дрожать. Но так как пить-есть всё-таки нужно, а жалованья он не получает и прислуги не держит, то будет он выбегать из норы около полден, когда вся рыба уж сыта, и, Бог даст, может быть, козьявку-другую и промыслит. А ежели не промыслит, так и голодный в норе заляжет, и будет опять дрожать. Ибо лучше не есть, не пить, нежели с сытым желудком жизни лишиться.

¹ *Либеральный* — выражающий либерализм (излишняя терпимость, снисходительность).

Так он и поступал. Ночью моцион делал, в лунном свете купался, а днём забирался в нору и дрожал. Только в полдни выбежит кой-чего похватать — да что в полдень промыслишь! В это время и комар под лист от жары прячется, и букашка под кору хоронится. Поглощает воды — и шабаш!

Лежит он день-деньской в норе, ночей не досыпает, куска не доедает, и всё-то думает: «Кажется, что я жив? ах, что-то завтра будет?»

Задремлет, грешным делом, а во сне ему снится, что у него выигрышный билет и он на него двести тысяч выиграл. Не помня себя от восторга, перевернётся на другой бок — глядь, ан у него целых полрыла из норы высунулось... Что, если б в это время щурёнок поблизости был! ведь он бы его из норы-то вытащил!

Однажды проснулся он и видит: прямо против его норы стоит рак. Стоит неподвижно, словно околдованный, вытаращив на него костяные глаза. Только усы по течению воды пошевеливаются. Вот когда он страху набрался! И целых полдня, покуда совсем не стемнело, этот рак его поджидал, а он тем временем всё дрожал, всё дрожал.

В другой раз, только что успел он перед зорькой в нору воротиться, только что сладко зевнул, в предвкушении сна, — глядит, откуда ни возьмись, у самой норы щука стоит и зубами хлопает. И тоже целый день его стерегла, словно видом его одним сыта была. А он и щуку надул: не вышел из норы, да и шабаш.

И не раз, и не два это с ним случалось, а почесть что каждый день. И каждый день он, дрожа, победы и одоления одерживал, каждый день восклицал: «Слава тебе, Господи! жив!» Но этого мало: он не женился и детей не имел, хотя у отца его была большая семья. Он рассуждал так: «Отцу шутя можно было прожить! В то время и щуки были добрее, и окуни на нас, мелюзгу, не зарились. А хотя однажды он и попал было в уху, так и тут нашёлся старичок, который его вызволил! А нынче, как рыба-то в реках повывелась, и пескари в честь попали. Так уж тут не до семьи, а как бы только самому прожить!»

И прожил премудрый пескарь таким родом с лишком сто лет. Всё дрожал, всё дрожал. Ни друзей у него, ни родных; ни он к кому, ни к нему кто. В карты не играет, вина не пьёт, табаку не курит, за красными девушками не гоняется — только дрожит да одну думу думает: «Слава Богу! кажется, жив!»

Даже щуки, под конец, и те стали его хвалить: «Вот, кабы все так жили — то-то бы в реке тихо было!» Да только они это нарочно говорили; думали, что он на похвалу-то отрекомендуется — вот, мол, я! тут его и хлоп! Но он и на эту штуку не поддался, а ещё раз своею мудростью козни врагов победил.

Сколько прошло годов после ста лет — неизвестно, только стал премудрый пескарь помирать. Лежит в норе и думает: «Слава Богу, я свою смерть помираю, так же, как умерли мать и отец». И вспомнились ему тут щучьи слова: «Вот, кабы все так жили, как этот премудрый пескарь живёт...» А ну-тка, в самом деле, что бы тогда было?

Стал он раскидывать умом, которого у него была палата, и вдруг ему словно кто шепнул: «Ведь этак, пожалуй, весь пескарый род давно перевёлся бы!»

Потому что, для продолжения пескарьего рода, прежде всего нужна семья, а у него её нет. Но этого мало: для того, чтоб пескарья семья укреплялась и процветала, чтоб члены её были здоровы и бодры, нужно, чтоб они воспитывались в родной стихии, а не в норе, где он почти ослеп от вечных сумерек. Необходимо, чтоб пескарки достаточное питание получали, чтоб не чуждались общестственности, друг с другом хлеб-соль бы водили и друг от друга добродетелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь может совершенствовать пескарью породу и не дозволит ей измельчать и выродиться в снетка¹. Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пескарки могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пескарки. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

Всё это представилось до того отчётливо и ясно, что вдруг ему страстная охота пришла: «Вылезу-ка я из норы да гоголем по всей реке проплыву!» Но едва он подумал об этом, как опять испугался. И начал, дрожа, помирать. Жил — дрожал, и умирал — дрожал. Вся жизнь мгновенно перед ним пронеслась. Какие были у него радости? кого он утешил? кому добрый совет подал? кому доброе слово сказал? Кого приютил, обогрел, защитил? кто слышал об нём? кто об его существовании вспомнит?

И на все эти вопросы ему пришлось отвечать: «Никому, никто».

Он жил и дрожал — только и всего. Даже вот теперь: смерть у него на носу, а он всё дрожит, сам не знает, из-за чего. В норе у него темно, тесно, повернуться негде, ни солнечный луч туда не заглянет, ни теплом не пахнёт. И он лежит в этой сырой мгле, незрячий, измождённый, никому не нужный, лежит и ждёт: когда же наконец голодная смерть окончательно освободит его от бесполезного существования?

¹ Снеток — маленькая рыбка.

Слышно ему, как мимо его норы шмыгают другие рыбы — может быть, как и он, пескари, — и ни одна не поинтересуется им. Ни одной на мысль не придёт: «Дай-ка, спрошу я у премудрого пескаря, каким он манером умудрился с лишком сто лет прожить, и ни щука его не заглотала, ни рак клешнёй не перешиб, ни рыболов на уду не поймал?» Плывут себе мимо, а может быть, и не знают, что вот в этой норе премудрый пескарь свой жизненный процесс завершает!

И что всего обиднее: не слышать даже, чтоб кто-нибудь премудрым его называл. Просто говорят: «Слыхали вы про остолопа, который не ест, не пьёт, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а всё только распостылюю свою жизнь бережёт?» А многие даже просто дураком и срамцом его называют и удивляются, как таких идолов вода терпит.

Раскидывал он таким образом своим умом и дремал. То есть не то что дремал, а забываться уж стал. Раздались в его ушах предсмертные шёпоты, разлилась по всему телу истома. И привиделся ему тут прежний соблазнительный сон. Выиграл будто бы он двести тысяч, вырос на целых пол-аршина и сам щук глотает.

А покуда ему это снилось, рыло его, помаленьку да полегоньку, целиком из норы и высунулось. И вдруг он исчез. Что тут случилось — щука ли его заглотала, рак ли клешнёй перешиб, или сам он свою смертью умер и всплыл на поверхность, — свидетелей этому делу не было. Скорее всего — сам умер, потому что какая сласть щуке глотать хворого, умирающего пескаря, да к тому же ещё и «премудрого»?

Евгений Рачев.
Из иллюстраций
к сказке «Премудрый
пескарь» (1963)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Понравилась ли вам сказка? Свой ответ обоснуйте.
2. Расскажите, какой завет оставил пескарь-отец своему сыну. Подберите известные пословицы и поговорки, которые перекликаются с этим заветом.
3. Какой важный нравственный урок содержит эта сказка? Свой ответ подтвердите цитатами из текста.
4. Выпишите из произведения иронические выражения, характеризующие пескаря. Проследите, как по ходу сказки изменяется оценка ума пескаря.

5. На конкретных примерах проанализируйте роль фантастических элементов в сказке.
6. Вспомните, что такое аллегория. Используя текст, докажите, что прочитанная сказка — аллегорическое произведение.
7. Раскройте смысл названия сказки.
8. Обоснуйте, в чём отличие сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина от народной.
9. Как вы считаете, современна ли прочитанная сказка? Свой ответ обоснуйте.

Читателю XXI столетия на заметку

Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь» была написана в тяжёлый для России период после убийства в 1881 году царя-реформатора Александра II. Подозрительность и трусость стали определять нравственную атмосферу того времени. Доносительство стало называться «борьбой с изменой», «строгим наблюдением друг за другом». Именно в это мрачное время писатель-сатирик своими произведениями старался напомнить современникам о совести и достоинстве, об истинной мудрости и предназначении человека.

Из тайников искусства слова

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ ОБ «ЭЗОПОВОМ ЯЗЫКЕ»

Как вы уже знаете, выражение **«эзопов язык»** (по имени древнегреческого баснописца Эзопа) обозначает целую систему приёмов, с помощью которых писатель выражает свою мысль не прямо, а иносказательно. Так называют **вынужденное иносказание в условиях отсутствия свободы слова или цензурного гнёта, художественную речь, насыщенную недомолвками и ироническими намёками.**

В русскую литературу понятие «эзопов язык» ввёл М. Е. Салтыков-Щедрин, который создал свой словарь зашифрованных слов, например, **«порядок вещей»** — произвол властей, **«сердцевед»** — шпион, **«фюить»** — ссылка в Сибирь и др.

Однако у Щедрина «эзопов язык» — это не только отдельное слово или словосочетание, имеющее иносказательный смысл. Сама условная сказочная форма уже несёт эзопов характер, позволяет высказывать далеко не сказочные истины, открывать читателям реалии действительности.

1. Объясните выражение «эзопов язык».
2. На примере прочитанной сказки раскройте особенности «эзопова языка» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

МЕДВЕДЬ НА ВОЕВОДСТВЕ (В сокращении)

Злодейства крупные и серьёзные нередко именуются блестящими и, в качестве таковых, заносятся на скрижали¹ Истории. Злодейства же малые и шуточные именуются срамными, и не только Историю в заблуждение не вводят, но и от современников не получают похвалы.

III. Топтыгин 3-й

Третий Топтыгин был умнее своих тезоименитых предшественников. «Дело-то выходит бросовое! — сказал он себе, прочитав резолюцию Льва, — мало напакостишь — поднимут на смех; много напакостишь — на рогатину поднимут... Полно, ехать ли уж?»

Спрашивал он рапортом у Осла: «Ежели-де ни большие, ни малые злодеяния совершать не разрешается, то нельзя ли хоть средние злодеяния совершать?» — но Осёл ответил уклончиво: «Все-де нужные по сему предмету указания вы найдёте в Лесном уставе». Заглянул он в Лесной устав, но там обо всём говорилось: и о пушной² подати, и о грибной, и об ягодной, даже об шишках еловых, а о злодеяниях — молчок! И затем, на все его дальнейшие докуки³ и настояния Осёл отвечал с одинаковою загадочностью: «Действуйте по пристойности!»

— Вот до какого мы времени дожили! — роптал Топтыгин 3-й, — чин на тебя большой накладывают, а какими злодействами его подтвердить — не указывают!

И опять мелькнуло у него в голове: «Полно, ехать ли?» — и если б не вспомнилось, какая уйма подъёмных и прогонных денег для него в казначействе припасена, право, кажется, не поехал бы!

Прибыл он в трущобы на своих на двоих — очень скромно. Ни официальных приёмов не назначил, ни докладных дней, а прямо юркнул в берлогу, засунул лапу в хайло и залёг. Лежит и думает: «Даже с зайца шкуру содрать нельзя — и то, пожалуй, за злодейство сочтут! И кто сочтёт? добро бы Лев или Осёл — это бы

¹ *Скрижаль* — доска или таблица с написанным на ней текстом (преимущественно священным, культовым).

² *Пушнина* — выделанные шкурки пушных зверей (млекопитающих с ценным мехом), используемые для производства меховых изделий.

³ *Докука* (устар.) — надоедливая просьба, а также надоедливое, скучное дело.

куда ни шло! — а то мужики какие-то. Да Историю ещё какую-то нашли — вот уж подлинно ис-то-ри-я!!» Хохочет Топтыгин в берлоге, про Историю вспоминая, а на сердце у него жутко: чует он, что сам Лев Истории боится... Как тут будешь лесную сволочь подтягивать — и ума приложить не может. Спрашивают с него много, а разбойничать не велят! В какую бы сторону он ни устремился, только что разбежится — стой, погоди! Не в своё место заехал! Везде «права» завелись. Даже у белки, и у той нынче права! Дробину тебе в нос — вот какие твои права! У них — права, а у него, вишь, обязанности! Да и обязанностей-то настоящих нет — просто пустое место! Они — друг друга поедом едят, а он — задрать никого не смеет! На что похоже! А всё Осёл! Он, именно он мудрит, он эту канитель разводит! «Кто осла дивия быстра соделал? узы ему кто разрешил?» — вот об чём нужно бы ему всечасно помнить, а он об «правах» мычит! «Действуйте по пристойности!» — ах!

Долго он таким образом лапу сосал и даже настоящим образом в управление вверенной ему трущобой не вступал. Пробовал он однажды об себе «по пристойности» заявить, влез на самую высокую сосну и оттуда не своим голосом рявкнул, но и от этого пользы не вышло. Лесная сволочь, давно не видя злодейств, до того обнаглела, что, услышавши его рёв, только молвила: «Чу, Мишка ревёт! Гляди, что лапу во сне прокусил!» С тем и отъехал Топтыгин 3-й опять в берлогу...

Но повторяю: он был медведь умный и не затем в берлогу залёг, чтобы в бесплодных сетованиях изнывать, а затем, чтоб до чего-нибудь настоящего додуматься.

И додумался.

Дело в том, что, покуда он лежал, в лесу всё само собой установленным порядком шло. Порядок этот, конечно, нельзя было назвать вполне «благополучным», но ведь задача воеводства совсем не в том состоит, чтобы достигать какого-то мечтательного благополучия, а в том, чтобы исстари заведённый порядок (хотя бы и неблагоприятный) от повреждений оберегать и ограждать. И не в том, чтобы какие-то большие, средние или малые злодейства устраивать, а довольствоваться злодействами «натуральными». Ежели исстари повелось, что волки с зайцев шкуру дерут, а коршуны и совы ворон ощипывают, то, хотя в таком «порядке» ничего благополучного нет, но так как это всё-таки «порядок» — стало быть, и следует признать его за таковой. А ежели при этом ни зайцы, ни вороны не только не ропщут, но продолжают плодиться и населять землю, то это значит, что «порядок» не выходит из определённых ему искони границ. Неужели и этих «натуральных» злодейств недостаточно?

В данном случае всё именно так происходило. Ни разу лес не изменил той физиономии, которая ему приличествовала. И днём и ночью он гремел миллионами голосов, из которых одни представляли агонизирующий вопль, другие — победный клик. И наружные формы, и звуки, и светотени, и состав населения — всё представлялось неизменным, как бы застывшим. Словом сказать, это был порядок, до такой степени установившийся и прочный, что при виде его даже самому лютому, рьяному воеводе не могла прийти в голову мысль о каких-либо увенчательных злодействах, да ещё «под личною вашего степенства ответственностью».

Таким образом, перед умственным взором Топтыгина 3-го вдруг выросла целая теория неблагополучного благополучия. Выросла со всеми подробностями и даже с готовой проверкой на практике. И вспомнилось ему, как однажды, в дружеской беседе, Осёл говорил:

— Об каких это вы всё злодействах допрашиваете? Главное в нашем ремесле — это: *laissez passer, laissez faire!*¹ Или, по-русски выражаясь: «Дурак на дураке сидит и дураком погоняет!» Вот вам. Если вы, мой друг, станете этого правила держаться, то и злодейство само собой сделается, и всё у вас будет обстоять благополучно!

Так оно именно по его и выходит. Надо только сидеть и радоваться, что дурак дурака дураком погоняет, а всё остальное приложится.

— Я даже не понимаю, зачем воевод посылают! ведь и без них... — слиберальничал было майор, но, вспомнив о присвоенном ему содержании, замял нескромную мысль: ничего, ничего, молчание...

С этими словами он перевернулся на другой бок и решился выходить из берлоги только для получения присвоенного содержания. И затем всё пошло в лесу как по маслу. Майор спал, а мужики приносили поросят, кур, мёду и даже сивухи, и складывали свои дани у входа в берлогу. В указанные часы майор просыпался, выходил из берлоги и жрал.

Таким образом пролежал Топтыгин 3-й в берлоге многие годы. И так как неблагополучные, но вожделенные лесные порядки ни разу в это время нарушены не были и так как никаких при этом злодейств, кроме «натуральных», не производилось, то и Лев не оставил его милостью. Сначала произвёл в подполковники, потом в полковники и наконец...

Но тут явились в трущобу мужики-лукаши, и вышел Топтыгин 3-й из берлоги в поле. И постигла его участь всех пушных зверей.

¹ Позволять, не мешать! (франц.)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями от прочитанной сказки.
2. Кратко изложите содержание произведения.
3. Раскройте тему и идею сказки.
4. Проследите, с помощью каких «эзоповых выражений» в сказке «Медведь на воеводстве» М. Е. Салтыков-Щедрин показывает произвол и насилие властей.
5. Определите роль зачина сказки для раскрытия её смысла.
6. Проанализируйте приёмы сатирического изображения в сказке «Медведь на воеводстве».
7. Проследите по тексту, как фантастические элементы и аллегория помогают раскрыть характеры персонажей сказки.
8. Раскройте обобщающий смысл сказки.

Подытожим изученное

1. Раскройте, какие события окружающей действительности более всего повлияли на жизнь и творчество писателя.
2. На примере прочитанных произведений раскройте своеобразие языка щедринской сказки.
3. Отметьте правильный ответ.
Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина отличает:
А реалистичность **Б** иносказание **В** лиричность
4. Объясните смысл понятия «эзопов язык». Приведите примеры из прочитанных сказок.
5. Согласны ли вы с высказыванием поэта, сатирика А. М. Жемчужникова, что у М. Е. Салтыкова-Щедрина «*есть замечательное художественное соединение почти смехотворного комизма с глубоким трагизмом...*»? Аргументируйте свой ответ на примере прочитанных сказок.
6. С какой новой лексикой вы познакомились, читая сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина?
7. Можете ли вы согласиться с замечанием украинского литературоведа Ивана Дзюбы, высказанным ещё в 2004 году: «*Великие сатирики рождаются в эпохи перемен. [...] Что же касается Салтыкова-Щедрина, то он просто-таки со зловредной дотошностью “предвидел” технологии и Гитлера, и Сталина, и многое другое в XX столетии. Да и нам с вами не даёт спуска: ведь мы тоже, как и он, живём в “переходный период”*»? Аргументируйте свою позицию.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

(1828—1910)

Толстой действительно огромный художник, какие рождаются веками, и творчество его кристально чисто, светло и прекрасно.

Владимир Короленко,
русский и украинский писатель

«ТОЛСТОЙ — ЭТО ЦЕЛЫЙ МИР»

„... *В*от, наконец, преемник Гоголя — несколько на него не похожий, как оно и следовало», — писал Иван Сергеевич Тургенев о Льве Николаевиче Толстом.

Более чем полвека посвятил Толстой писательскому труду: литература, искусство были для него делом нужным и важным; он глубоко верил в преобразующую силу искусства.

Лев Николаевич Толстой родился **9 сентября** (28 августа по старому стилю) **1828 года** в имении Ясная Поляна, что находится недалеко от российского города Тула. Он принадлежал к знаменитым дворянским фамилиям Толстых (со стороны отца) и Волконских (со стороны матери), подаривших России ряд известных государственных и военных деятелей. У родителей будущего писателя, Марии Николаевны и Николая Ильича, было четыре сына и дочь. «Раннее детство, — вспоминал писатель, — тот период, в котором всё освещено таким милым утренним светом, в котором все хороши, всех любишь, потому что сам хорош и тебя любят». Однако дети в семье Толстых рано осиротели: Мария Николаевна умерла в 1830 году, Николай Ильич — в 1837 году. Лишившись матери 18-ти месяцев от роду, Толстой впоследствии бережно собирал и хранил в памяти всё, что удалось ему узнать о ней от родных. В «Воспоминаниях» он писал: «...*всё, что я знаю о ней, всё прекрасно*». Мария Николаевна обладала незаурядным творческим даром: была превосходной рассказчицей, сочиняла увлекательные волшебные истории и сказки, отлично музицировала, писала стихи и переводила.

Нравственный и интеллектуальный облик родителей, их семейное счастье — вот то, что определяло особую атмосферу Ясной Поляны, где были заложены истоки чистоты нравственного чувства.

Воспитанием детей занялась дальняя родственница Толстых — Татьяна Александровна Ергольская. С исключительной любовью и преданностью заботилась она о детях, а они называли её ласково тётенькой. Дружескую привязанность к Татьяне Александровне Лев Николаевич сохранил на долгие годы, о ней он говорил, что она была «третье (после отца и матери) и самое важное лицо в смысле влияния на мою жизнь». Татьяна Александровна стремилась развить в детях те задатки высокой нравственности и гуманности, которые изначально внушены им были родителями.

Большим событием в жизни мальчика стал переезд семьи в 1837 году из Ясной Поляны в Москву. Студенческие годы же Толстого прошли в Казани. Тогда ректором университета, в котором он учился, был выдающийся математик Николай Иванович Лобачевский. Он знал талантливого юношу и отличал его среди других студентов. По словам Толстого, Лобачевский говорил ему: «Было бы очень печально, если бы Ваши выдающиеся способности не нашли применения». — «В чём он мог видеть тогда мои способности, уж не знаю», — добавлял Толстой.

Активно участвуя в светской жизни, постепенно Толстой осознал, что его путь — не легковесные светские успехи, не удачная карьера, а что-то большее, полезное для всех людей. Толстой оставляет университет и Казань. Он отправляется в Ясную Поляну. Дальнейший путь духовных исканий Толстого был нелёгок, порой им овладевало отчаяние и недовольство собой и окружающей действительностью. Это недовольство, желание круто переменить жизнь привели его к внезапному решению уехать на Кавказ. Толстой сначала участвовал в военных действиях как доброволец, а со временем успешно сдал экзамен и был зачислен прапорщиком на военную службу.

На Кавказе Толстой сделал свой самый главный выбор в жизни — он стал писателем. Именно там написаны первая часть задуманного романа «*Детство*»; позже были созданы «*Отрочество*» и «*Юность*».

Когда в 1853 году началась война России с объединёнными военными силами Англии, Франции и Турции, Толстой подал прошение о переводе его в действующую армию. Он прибыл в Севастополь и был назначен в 3-ю лёгкую батарею 11-й артиллерийской бригады на 4-й бастион, прикрывавший доступ к центру города, — один из самых опасных и ответственных участков Севастопольской обороны. Под сильным впечатлением от увиденного и пережитого он пишет свои *«Севастопольские рассказы»*, где выступает против войны как бесчеловечного явления, чуждого разуму.

В 1903 году по просьбе своего биографа П. Бирюкова Толстой стал писать заметки автобиографического характера. Историю своей жизни он начал простыми и трогательными словами: «Родился я и провёл первое детство в деревне Ясной Поляне...». «Через Ясную Поляну пролёг нравственный меридиан мира» — так говорили современники Толстого, преклоняясь перед его всемирным авторитетом. В 1859 году он открыл в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, вслед за тем при активном участии Толстого было открыто ещё 26 школ. Толстой сам обучал ребят грамоте. В 1870-х годах он создал «Азбуку» и первые книги для чтения.

Именно в Ясной Поляне 20 августа 1903 года Л. Толстой написал рассказ «После бала», который мы и предлагаем вам прочитать.

1. Какие сведения из жизни писателя произвели на вас наибольшее впечатление? Объясните почему.
2. Подготовьте развёрнутое сообщение о Л. Н. Толстом.

У литературной карты мира

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и моё отношение к ней», — говорил Л. Н. Толстой. Ныне Ясная Поляна — заповедное место. Здесь создан мемориальный Музей-усадьба Л. Толстого.

В заповеднике Ясная Поляна под старым деревом лежит камень. На нём высечено: «Здесь стоял дом, в котором родился Лев Николаевич Толстой». Недалеко — деревянная скамейка, сооружённая по его просьбе. Здесь Толстой любил

отдыхать после долгих пеших прогулок по усадьбе и окрестностям, размышлять в тишине и спокойствии. В одном из писем Лев Николаевич признаётся: «...это моё любимое место. И по утрам это — моя прогулка. Иногда я сажусь здесь и пишу».

Читателю XXI столетия на заметку

В основу рассказа «После бала» положен реальный случай. Однажды брат Льва Толстого Сергей стал свидетелем того, как на весёлом балу в Казани необыкновенно привлекательная юная красавица Варвара Андреевна Корейш танцевала мазурку со своим отцом-стариком. Окружающие были поражены этой трогательной сценой. А после бала, на рассвете, брат Льва Николаевича увидел, как на плацу, за городом, тот же старик — полковник А. Корейш, который так умилял всех своим поведением ещё вчера вечером, распорядился жесточайшей экзекуцией. Осуждённых прогоняли сквозь строй, а старик-полковник кричал солдатам: «Бейте крепче! Негодяям нет пощады...». Толстого глубоко поразила такая резкая смена поведения пожилого человека.

18 июня 1903 года в своём дневнике Толстой точно записал содержание рассказа брата. Первоначально произведение предполагалось назвать «Дочь и отец».

ПОСЛЕ БАЛА

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменялась от одной ночи, или скорее утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у неё уже дочери замужем. Это была Б..., да, Варенька Б..., — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки ещё не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш ещё дагерротипный портрет¹. Не то что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера. Принимала такая

¹ *Дагерротипия* — самый первый способ получать фотографические снимки.

же добродушная, как и он, жена его в бархатном плюсовом платье¹, в брильянтовой фероньерке² на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил её, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на неё и любовались ею, любовались и мужчины, и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «Encore»³. И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела.

— Ну, как же не чувствовали, я думаю, очень чувствовали, когда обнимали её за талию, не только своё, но и её тело, — сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

— Да, вот это вы, нынешняя молодёжь. Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблён, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь

¹ *Плюсовый* (устар.) — красновато-коричневый.

² *Фероньерка* — женское украшение в виде обруча, ленты или цепочки, надеваемое на голову и спускающееся на лоб.

³ *Encore* — ещё (франц.).

видите ноги, щиколотки и ещё что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены, для меня же, как говорил Alphonse Karr, хороший был писатель, — на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то что раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не поймёте...

— Не слушайте его. Дальше что? — сказал один из нас.

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадрили моя? — сказал я ей, отводя её к месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешёвенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала пёрышко от веера и дала мне.

Я взял пёрышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал пёрышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё.

— Смотрите, папа просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру её отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, *ma chère*¹, отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Пётр Владиславич, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми *à la Nicolas I*² подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато

¹ *Ma chère* — дорогая (франц.).

² *À la Nicolas I* — в стиле Николая I.

украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи, отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг зала. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, — хорошие опойковые¹ сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четверугольными носками и без каблук. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником.

Иван Пчелко.

Иллюстрация к рассказу
«После бала» (1956)

«Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четверугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделять. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко заплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

— Ну, всё равно, пройдитеесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

¹ *Опойковые сапоги* — изготовленные из шкур молодых щенят.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было пёрышко от её веера и целая её перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал её мать и потом её. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел её перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает моё качество, и слышу её милый голос, когда говорит: «Гордость? да?» — и радостно подаёт мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу её в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и её в одном нежном, умилённом чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вёл самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошёл в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира,

потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт. Я прошёл наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы, и ломовые с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлёпавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — всё было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, чёрное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, нёсшим что-то и шедшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглянув в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шёл высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был её отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул ею по спине татарина. Татарин дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шёл подле, и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О, Господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

Иван Пчелко. Сквозь строй (иллюстрация к рассказу «После бала»)

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутен¹! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как буд-

Михаил Верхованцев.
После бала (2005)

то я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то была барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошёл к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

¹ Шпицрутен (нем.) — длинный, гибкий и толстый прут для телесных наказаний, хлыст.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какие чувства и мысли вызвало у вас прочитанное?
2. От чьего имени ведётся повествование в рассказе Л. Толстого?
3. Найдите в тексте и зачитайте описание поведения полковника на балу. Какое впечатление производит на вас персонаж в этой сцене? Объясните почему.
4. Какие чувства переполняют вас во время чтения сцены экзекуции? Почему?
5. Сопоставьте художественные средства, с помощью которых описаны картины бала и наказания солдата. Проследите, как меняются краски, использованные писателем для создания этих сцен.
6. Обоснуйте роль контрастного сопоставления сцены бала и сцены экзекуции в раскрытии идеи произведения.
7. Как вы объясните, что полковник, любящий, внимательный отец, проявляет такую жестокость по отношению к солдатам?
8. Выскажите своё отношение к полковнику. Определите авторское отношение к этому образу. Обоснуйте свою позицию.
9. Найдите в тексте и зачитайте, как главный герой отреагировал на сцену экзекуции. Как вы думаете, почему Иван Васильевич испытал именно стыд? Обоснуйте свой ответ.
10. На конкретных примерах докажите, что произведение «После бала» — это рассказ в рассказе.
11. Вспомните, что такое композиция художественного произведения. На какие особенности построения рассказа «После бала» вы обратили внимание?
12. Раскройте роль антитезы в построении рассказа Л. Н. Толстого «После бала».
13. А как вы ответите на вопрос, который поднимает писатель: «...отчего переменяется и направляется вся жизнь человека»? Обоснуйте свой ответ.
14. Прокомментируйте слова рассказчика: «Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае».

15. Согласны ли вы с утверждением Л. Н. Толстого: «Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских, и иногда проявляет одни, иногда другие, и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь всё, между тем, одним и самим собою. У некоторых людей эти перемены бывают особенно резки»? Обоснуйте свой ответ.
16. Раскройте смысл названия рассказа. Сопоставьте его с первоначальным заголовком «Дочь и отец».
17. Какие уроки даёт современным читателям рассказа «После бала» Лев Николаевич Толстой?

 ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ
в разделе «Гармония разнообразий,
или Палитра жанров
в русской литературе XIX века»

1. Объясните, как вы понимаете высказывание литературоведа Б. Мейлаха: «...ведь каждый открывает “своего Пушкина” — это открытия для себя, и они продолжают всю жизнь».
2. Раскройте смысл названия повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».
3. Проанализируйте композиционные особенности повести «Капитанская дочка».
4. Письменно дайте аргументированный ответ на вопрос: «Пугачёв в повести «Капитанская дочка» — народный герой или кровожадный самозванец?».
5. Напишите предисловие к сборнику лирики М. Ю. Лермонтова, состоящему из представленных в разделе стихотворений.
6. Продолжите предложение: «Лирический герой — это...».
7. Словесно изобразите лирического героя прочитанных стихотворений М. Ю. Лермонтова.
8. На примере пьесы «Ревизор» Н. В. Гоголя раскройте понятие о комедии.
9. Подтвердите или опровергните слова российского литературоведа М. Храпченко: «...Почти каждая эпоха создаёт своих хлестаковых... Наше время не является исключением. В другом виде, в другом одеянии герои Гоголя — люди, похожие на них, близкие им, — существуют».

10. Обоснуйте, почему для того, чтобы показать пороки общества, Н. В. Гоголь обратился к такому литературному жанру, как комедия. Почему для своей цели он избрал именно смех? Аргументируйте свой ответ.
11. Л. Н. Толстой писал о творчестве И. С. Тургенева: *«Может быть, таковых, как он писал, и не было, но, когда он написал их, они появились. Это — верно; я сам наблюдал потом тургеневских женщин в жизни»*. На примере повести «Ася» раскройте образ «тургеневской девушки».
12. Напишите пост в социальную сеть на тему: *«Нужен ли И. С. Тургенев современному читателю?»*.
13. На примере одной из прочитанных сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина раскройте характерные признаки сатирического произведения.
14. Используя свои знания о творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, напишите собственную сатирическую сказку на какой-нибудь сюжет из школьной жизни.
15. Можете ли вы согласиться с высказыванием французского писателя Анатolia Франса: *«Толстой — это великий урок... Он учит, что надо быть правдивым и надо быть сильным»*? Объясните свой ответ.
16. Обоснуйте, как приём контраста помогает раскрыть идею рассказа Л. Н. Толстого «После бала».
17. Напишите сочинение-рассуждение на тему: *«Утро, изменившее жизнь»* (по рассказу Л. Н. Толстого «После бала»).
18. На основе одного из прочитанных произведений из этого раздела в группах по своему выбору выполните творческое задание:
 - нарисуйте эскизы костюмов персонажей;
 - составьте коллекцию музыкальных произведений к литературному тексту;
 - напишите киносценарий;
 - разработайте страницу литературного персонажа в одной из социальных сетей;
 - подготовьте открытку ручной работы (кардмейкинг).
19. В классе проведите дискуссию на тему: *«Изучение произведений XIX века — дань традиции или действительная необходимость?»*.
20. Прокомментируйте основные элементы шмуцтитyла к этому разделу (название, эпиграф, ключевые тезисы, оформление). В чём вы согласны с авторами и художником-оформителем учебника, а что бы сделали по-другому? Обоснуйте свой ответ.

Бесконечность вопросов и неисчерпаемость ответов в литературе XX века

Все ответы находятся в тебе. Ты знаешь больше, чем написано в книгах. Но чтобы вспомнить это — нужно читать книги...

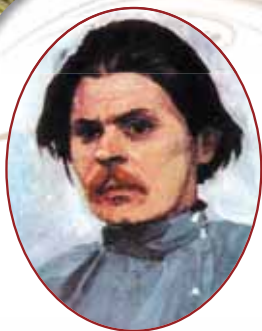
Лев Толстой

Хай живе неоднаковість, слава відмінностям!
Павло Загребельний,
украинский писатель

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✘ **узнать**, какие вопросы раскрываются в литературе XX столетия, и попытаться найти на них ответы;
- ✘ **познакомиться** с творчеством Максима Горького, А. де Сент-Экзюпери, братьев Стругацких;
- ✘ **понять**, что такое *сказка-притча* и раскрыть *подтекст* прочитанного;
- ✘ **расширить свои знания** о пейзаже, портрете и романе;
- ✘ **разобраться**, почему образ Маленького принца стал образом-символом;
- ✘ **задуматься**, «трудно ли быть Богом».

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

(1868—1936)

Я в мир пришёл, чтобы не соглашаться...
Максим Горький

В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА

В несохранившейся юношеской поэме Максима Горького «Песнь старого дуба» была такая строка: «Я в мир пришёл, чтобы не соглашаться...». Бунтарские слова Горького как нельзя более точно передают дух его произведений, основанный на несогласии, неприятии пошлости и серости окружающего мира. Таковы и герои Горького — сильные духом, красивые и гордые люди, возвышающиеся над прозой жизни и несущие «солнце в крови».

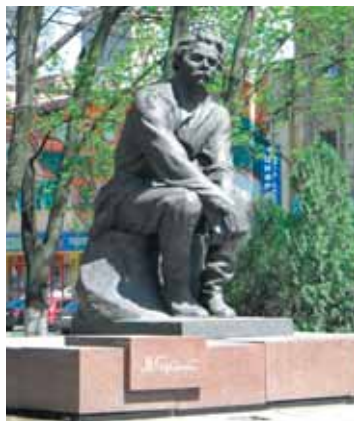
Максим Горький (настоящее имя Алексей Максимович Пешков) родился **16 марта 1868 года** в Нижнем Новгороде. Родители Горького рано ушли из жизни. Выживая трёхлетнего Алексея от холеры, умер отец, а спустя несколько лет скончалась от чахотки и мать. Осиротев, будущий писатель воспитывался в доме Василия Каширина, деда по материнской линии. «Густой, пёстрой, невыразимо странной жизнью» назовёт свои детские и отроческие годы Максим Горький. Этот период ярко описан в автобиографической трилогии Максима Горького «*Детство*», «*В людях*», «*Мои университеты*». Дед, по воспоминаниям Горького, был «религиозен, до жестокости деспотичен и болезненно скуп», но внука своего любил, обучал грамоте, а позже отдал в Нижегородское училище. Большое влияние на будущего писателя оказала бабушка Акулина Ивановна, «изумительно добрая и самоотверженная старуха», приобщившая мальчика к народным песням и сказкам, но самое главное — заменившая мать.

Полноценное образование Горькому получить так и не удалось. Крах семейного дела Кашириных вынудил 8-летнего Алексея «идти в люди»: он работал «мальчиком» в обувном

магазине, подмастерьем в чертёжной и иконописной мастерских, статистом в театре, помощником повара на теплоходе «Добрый». На теплоходе и произошло событие, во многом предопределившее будущее Алексея Пешкова, — встреча с поваром по прозвищу Смурый. Будучи малограмотным, кок собирал книги, большей частью в кожаных переплётах. Благодаря этой, по словам Горького, «самой странной библиотеке в мире», он пристрастился к чтению и читал всё, «что попадало под руку»: Гоголя, Некрасова, Скотта, Дюма, Флобера, Бальзака, Диккенса, журналы «Современник» и «Искра». Уже в конце жизни Горький скажет: «Книга для меня — чудо». Современники писателя непременно отмечали его фантастическую начитанность и особое отношение к литературному творчеству. Так хаотичное чтение, изумительная природная память и жажда знаний во многом определили взгляды Горького на человека и общество.

В 1884 году юноша приезжает в Казань, в надежде поступить в университет, но скоро понимает неосуществимость своего плана (за обучение необходимо было платить). Позже Горький напишет: «Я не ждал помощи извне и не надеялся на счастливый случай... Я очень рано понял, что человека создаёт его сопротивление окружающей среде».

В конце 80-х — начале 90-х годов XIX века Горький много путешествует по России. «Хожdenие моё по Руси, — вспоминал писатель, — было вызвано не стремлением ко бродяжничеству, а желанием видеть — где я живу, что за народ вокруг меня?». Он прошёл через Поволжье, Донские степи, Украину, оттуда — через Крым и Северный Кавказ — в Тифлис (Тбилиси), где задержался на год. Странствуя, будущий писатель батрачил, кашеварил, рыбачил, добывал соль и пытался постичь душевный склад, мировоззрение встречавшихся ему людей. В это же время Горький начал писать. В тифлисской газете

Памятник Горькому
в Днепре (бывшем
Днепропетровске) (1977).
Скульптор
Николай Красотин

«Кавказ» вышел его первый рассказ *«Макар Чудра»* (1892), подписанный псевдонимом *М. Горький*.

В 1895 г. писатель опубликовал более двухсот фельетонов, а также несколько рассказов, среди которых *«Старуха Изергиль»*, *«Челкаш»*, *«Песня о Соколе»*.

Революцию 1917 года Максим Горький принял неоднозначно, открыто выступая с критикой нового режима.

В первые послереволюционные годы писатель активно занимался издательской и просветительской деятельностью. Так, он участвовал в организации Первого Рабоче-крестьянского университета и Большого драматического театра в Петрограде, организовал издательство «Всемирная литература», печатавшее классику мировой литературы.

Вскоре Горький уехал за границу лечить возобновившийся туберкулёз, который уже много лет досаждал писателю и сильно подорвал его здоровье. По возвращении в советскую Россию Максим Горький окупился в литературную и общественную работу.

Весной 1936 г. Максим Горький простудился и, проболев три недели, скончался.

Прошли многие годы, прежде чем современный читатель открыл для себя настоящего Максима Горького — «писателя сложного и противоречивого, человека с мятежной душой и острым умом, незаурядного мыслителя и общественного деятеля, поднявшегося из народных низов до высот мировой культуры»¹.

1. Какие факты из биографии Максима Горького привлекли ваше внимание?
2. Раскройте мотивы странствий Максима Горького.
3. Расскажите об издательско-просветительской деятельности писателя.
4. В английском языке есть крылатое выражение *«self-made man»* — «человек, сделавший себя сам». Можно ли считать Максима Горького таким человеком? Аргументируйте свой ответ.

¹ Спиридонова Л. И. Горьковедение на современном этапе [электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.old.imli.ru/history/vystup_spirid.php

МАКАР ЧУДРА

С моря дул влажный, холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные, жёлтые листья и бросали их в костёр, раздувая пламя; окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева — безграничную степь, справа — бесконечное море и прямо против меня — фигуру Макара Чудры, старого цыгана, — он сторожил коней своего табора, раскинутого шагах в пятидесяти от нас.

Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув чекмень¹, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют её, он полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивал из своей громадной трубки, выпускал изо рта и носа густые клубы дыма и, неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову в мёртво молчавшую темноту степи, разговаривал со мной, не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра.

— Так ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбрал себе, сокол. Так и надо: ходи и смотри, насмотрелся, ляг и умирай — вот и всё!

— Жизнь? Иные люди? — продолжал он, скептически выслушав моё возражение на его «Так и надо». — Эге! А тебе что до того? Разве ты сам — не жизнь? Другие люди живут без тебя и проживут без тебя. Разве ты думаешь, что ты кому-то нужен? Ты не хлеб, не палка, и не нужно тебя никому.

— Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научиться сделать людей счастливыми? Нет, не можешь. Ты поседей сначала, да и говори, что надо учить. Чему учить? Всякий знает, что ему нужно. Которые умнее, те берут что есть, которые поглупее — те ничего не получают, и всякий сам учится...

— Смешные они, те твои люди. Сбились в кучу и давят друг друга, а места на земле вон сколько, — он широко повёл рукой на степь. — И все работают. Зачем? Кому? Никто не знает. Видишь, как человек пашет, и думаешь: вот он по капле с потом силы свои источит на землю, а потом ляжет в неё и сгниёт в ней. Ничего по нём не останется, ничего он не видит с своего поля и умирает, как родился, — дураком.

— Что ж, — он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, не успев даже могилы самому себе выковырять? Ведома ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны ве-

¹ Чекмёнь — суконная верхняя мужская одежда.

селит ему сердце? Он раб — как только родился, всю жизнь раб, и всё тут! Что он с собой может сделать? Только удавиться, коли поумнеет немного.

— А я, вот смотри, в пятьдесят восемь лет столько видел, что коли написать всё это на бумаге, так в тысячу таких торб, как у тебя, не положишь. А ну-ка, скажи, в каких краях я не был? И не скажешь. Ты и не знаешь таких краёв, где я бывал. Так нужно жить: иди, иди — и всё тут. Долго не стой на одном месте — чего в нём? Вон как день и ночь бегают, гоняясь друг за другом, вокруг земли, так и ты бегай от дум про жизнь, чтоб не разлюбить её. А задумаешься — разлюбишь жизнь, это всегда так бывает. И со мной это было. Эге! Было, сокол.

— В тюрьме я сидел, в Галичине. «Зачем я живу на свете?» — помыслил я со скуки, — скучно в тюрьме, сокол, э, как скучно! — и взяла меня тоска за сердце, как посмотрел я из окна на поле, взяла и сжала его клещами. Кто скажет, зачем он живёт? Никто не скажет, сокол! И спрашивать себя про это не надо. Живи, и всё тут! И похаживай да посматривай кругом себя, вот и тоска не возьмёт никогда. Я тогда чуть не удавился поясом, вот как!

— Хе! Говорил я с одним человеком. Строгий человек, из ваших, русских. Нужно, говорит он, жить не так, как ты сам хочешь, а так, как сказано в Божьем слове. Богу покоряйся, и он даст тебе всё, что попросишь у него. А сам он весь в дырках, рванный. Я и сказал ему, чтобы он себе новую одежду попросил у Бога. Рассердился он и прогнал меня, ругаясь. А до того говорил, что надо прощать людей и любить их. Вот бы и простил мне, коли моя речь обидела его милость. Тоже — учитель! Учат они меньше есть, а сами едят по десять раз в сутки.

Он плюнул в костёр и замолчал, снова набивая трубку. Ветер выл жалобно и тихо, во тьме ржали кони, из табора плыла нежная и страстная песня-думка. Это пела красавица Нонка, дочь Макара. Я знал её голос густого, грудного тембра, всегда как-то странно, недовольно и требовательно звучащий — пела ли она песню, говорила ли «здравствуй». На её смуглом, матовом лице замерла надменность царицы, а в подёрнутых какой-то тенью тёмно-карих глазах сверкало сознание неотразимости её красоты и презрение ко всему, что не она сама.

Макар подал мне трубку.

— Кури! Хорошо поёт девка? То-то! Хотел бы, чтоб такая тебя полюбила? Нет? Хорошо! Так и надо — не верь девкам и держись от них

Пётр Пинкисевич.
Макар Чудра (1979)

дальше. Девке целоваться лучше и приятней, чем мне трубку курить, а поцеловал её — и умерла воля в твоём сердце. Привяжет она тебя к себе чем-то, чего не видно, а порвать — нельзя, и отдашь ты ей всю душу. Верно! Берегись девок! Лгут всегда! Люблю, говорит, больше всего на свете, а ну-ка, уколи её булавкой, она разорвёт тебе сердце. Знаю я! Эге, сколько я знаю! Ну, сокол, хочешь, скажу одну быль? А ты её запомни и, как запомнишь, — век свой будешь свободной птицей.

«Был на свете Зобар, молодой цыган, Лойко Зобар. Вся Венгрия, и Чехия, и Славония, и всё, что кругом моря, знало его, — удалый был малый! Не было по тем краям деревни, в которой бы пяток-другой жителей не давал Богу клятвы убить Лойко, а он себе жил, и уж коли ему понравился конь, так хоть полк солдат поставь сторожить того коня — всё равно Зобар на нём гарцевать станет! Эге! разве он кого боялся? Да приди к нему сатана со всей своей свитой, так он бы, коли б не пустил в него ножа, то наверно бы крепко поругался, а что чертям подарил бы по пинку в рыла — это уж как раз!

И все таборы его знали или слышали о нём. Он любил только коней и ничего больше, и то недолго — поедит, да и продаст, а деньги, кто хочет, тот и возьми. У него не было заветного — нужно тебе его сердце, он сам бы вырвал его из груди, да тебе и отдал, только бы тебе от того хорошо было. Вот он какой был, сокол!

Наш табор кочевал в то время по Буковине, — это годов десять назад тому. Раз — ночью весенней — сидим мы: я, Данило-солдат, что с Кошутом¹ воевал вместе, и Нур старый, и все другие, и Радда, Данилова дочка.

Ты Нонку мою знаешь? Царица девка! Ну, а Радду с ней равнять нельзя — много чести Нонке! О ней, этой Радде, словами и не скажешь ничего. Может быть, её красоту можно бы на скрипке сыграть, да и то тому, кто эту скрипку, как свою душу, знает.

Много посушила она сердец молодецких, ого, много! На Мора-ве² один магнат, старый, чубатый, увидал её и остолбенел. Сидит на коне и смотрит, дрожа, как в огневице. Красив он был, как чёрт в праздник, жупан шит золотом, на боку сабля, как молния, сверкает, чуть конь ногой топнет, вся эта сабля в камнях драгоценных, и голубой бархат на шапке, точно неба кусок, — важный был господарь старый! Смотрел, смотрел, да и говорит Радде: «Гей! Поцелуй, кошель денег дам». А та отвернулась в сторону, да и только!

¹ *Лáйош Кóшут* (1820–1849) — венгерский политический деятель, организатор борьбы венгерского народа против австрийского господства во время революции 1848–1849 годов в Венгрии.

² *Морáва* (*Морáвия*) — исторический регион в Чехии.

«Прости, коли обидел, взгляни хоть поласковой», — сразу сбавил спеси старый магнат и бросил к её ногам кошель — большой кошель, брат! А она его будто невзначай пнула ногой в грязь, да и всё тут.

— Эх, девка! — охнул он, да и плетью по коню — только пыль взвилась тучей.

А на другой день снова явился. «Кто её отец?» — громом гремит по табору. Данило вышел. «Продай дочь, что хочешь возьми!» А Данило и скажи ему: «Это только паны продают всё, от своих свиной до своей совести, а я с Кошуттом воевал и ничем не торгую!» Взревел было тот, да и за саблю, но кто-то из нас сунул зажжённый трут в ухо коню, он и унёс молодца. А мы снялись, да и пошли. День идём и два, смотрим — догнал! «Гей вы, говорит, перед Богом и вами совесть моя чиста, отдайте девку в жёны мне: всё поделю с вами, богат я сильно!» Горит весь и, как ковыль под ветром, качается в седле. Мы задумались.

— А ну-ка, дочь, говори! — сказал себе в усы Данило.

— Кабы орлица к ворону в гнездо по своей воле вошла, чем бы она стала? — спросила нас Радда. Засмеялся Данило, и все мы с ним.

— Славно, дочка! Слышал, господарь? Не идёт дело! Голубок ищи — те податливей. — И пошли мы вперёд.

А тот господарь схватил шапку, бросил её оземь и поскакал так, что земля задрожала. Вот она какова была Радда, сокол!

— Да! Так вот раз ночью сидим мы и слышим — музыка плывёт по степи. Хорошая музыка! Кровь загоралась в жилах от неё, и звала она куда-то. Всем нам, мы чуяли, от той музыки захотелось чего-то такого, после чего бы и жить уж не нужно было, или, коли жить, так — царями над всей землёй, сокол!

Вот из темноты вырезался конь, а на нём человек сидит и играет, подъезжая к нам. Остановился у костра, перестал играть, улыбаясь, смотрит на нас.

— Эге, Зобар, да это ты! — крикнул ему Данило радостно. Так вот он, Лойко Зобар!

Усы легли на плечи и смешались с кудрями, очи, как ясные звёзды, горят, а улыбка — целое солнце, ей-богу! Точно его ковали из одного куска железа вместе с конём. Стоит весь, как в крови, в огне костра и сверкает зубами, смеясь! Будь я проклят, коли я его не любил уже, как себя, раньше, чем он мне слово сказал или просто заметил, что и я тоже живу на белом свете!

Вот, сокол, какие люди бывают! Взглянет он тебе в очи и полонит твою душу, и ничуть тебе это не стыдно, а ещё и гордо для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли мало. Много хорошего было бы

на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то! А слушай-ка дальше.

Радда и говорит: «Хорошо ты, Лойко, играешь! Кто это делал тебе скрипку такую звонкую и чуткую?» А тот смеётся: «Я сам делал! И сделал её не из дерева, а из груди молодой девушки, которую любил крепко, а струны из её сердца мною свиты. Врёт ещё немного скрипка, ну, да я умею смычок в руках держать!»

Известно, наш брат старается сразу затуманить девке очи, чтоб они не зажгли его сердца, а сами подёрнулись бы по тебе грустью, вот и Лойко тож. Но — не на ту попал. Радда отвернулась в сторону и, зевнув, сказала: «А ещё говорили, что Зобар умён и ловок, — вот лгут люди!» — и пошла прочь.

— Эге, красавица, у тебя остры зубы! — сверкнул очами Лойко, слезая с коня. — Здравствуйте, братья! Вот и я к вам!

— Просим гостя! — сказал Данило в ответ ему. Поцеловались, поговорили и легли спать... Крепко спали. А наутро, глядим, у Зобара голова повязана тряпкой. Что это? А это конь зашиб его копытом сонного.

Э, э, э! Поняли мы, кто тот конь, и улыбнулись в усы, и Данило улыбнулся. Что ж, разве Лойко не стоил Радды? Ну, уж нет! Девка как ни хороша, да у ней душа узка и мелка, и хоть ты пуд золота повесь ей на шею, всё равно, лучше того, какова она есть, не быть ей. А, ну ладно!

Живём мы да живём на том месте, дела у нас о ту пору хорошие были, и Зобар с нами. Это был товарищ! И мудр, как старик, и сведущ во всём, и грамоту русскую и мадьярскую понимал. Бывало, пойдёт говорить — век бы не спал, слушал его! А играет — убей меня гром, коли на свете ещё кто-нибудь так играл! Проведёт, бывало, по струнам смычком — и вздрогнет у тебя сердце, проведёт ещё раз — и замрёт оно, слушая, а он играет и улыбается. И плакать и смеяться хотелось в одно время, слушая его. Вот тебе сейчас кто-то стонет горько, просит помощи и режет тебе грудь, как ножом. А вот степь говорит небу сказки, печальные сказки. Плачет девушка, провожая добра молодца! Добрый молодец кличет девицу в степь. И вдруг — гей! Громом гремит вольная, живая песня, и само солнце, того и гляди, затанцует по небу под ту песню! Вот как, сокол!

Каждая жила в твоём теле понимала ту песню, и весь ты становился рабом её. И коли бы тогда крикнул Лойко: «В ножи, товарищи!» — то и пошли бы мы все в ножи, с кем указал бы он. Всё он мог сделать с человеком, и все любили его, крепко любили, только Радда одна не смотрит на парня; и ладно, коли бы только это, а то ещё и подсмеивается над ним. Крепко она задела за сердце Зобара, то-то крепко! Зубами скрипит, дёргая себя за ус, Лойко, очи

темнее бездны смотрят, а порой в них такое сверкает, что за душу страшно становится. Уйдёт ночью далеко в степь Лойко, и плачет до утра его скрипка, плачет, хоронит Зобарову волю. А мы лежим да слушаем и думаем: как быть? И знаем, что, коли два камня друг на друга катятся, становиться между ними нельзя — изувечат. Так и шло дело.

Вот сидели мы, все в сборе, и говорили о делах. Скучно стало. Данило и просит Лойко: «Спой, Зобар, песенку, повесели душу!» Тот повёл оком на Радду, что неподалёку от него лежала кверху лицом, глядя в небо, и ударил по струнам. Так и заговорила скрипка, точно это и вправду девичье сердце было! И запел Лойко:

Гей-гей! В груди горит огонь,
А степь так широка!
Как ветер, быстр мой борзый конь,
Тверда моя рука!

Повернула голову Радда и, привстав, усмехнулась в очи певуну. Вспыхнул, как заря, он.

Гей-гоп, гей! Ну, товарищ мой!	Гей-гей! Летим и встретим день.
Поскачем, что ль, вперёд?!	Взвивайся в вышину!
Одета степь суровой мглой,	Да только гривой не задень
А там рассвет нас ждёт!	Красавицу луну!

Вот пел! Никто уж так не поёт теперь! А Радда и говорит, точно воду цедит:

— Ты бы не залетал так высоко, Лойко, неравно упадёшь, да — в лужу носом, усы запачкаешь, смотри. — Зверем посмотрел на неё Лойко, а ничего не сказал — стерпел парень и поёт себе:

Гей-гоп! Вдруг день придёт	Эй, гей! Ведь мы с тобой тогда
здесь,	В огне стыда сгорим!

А мы с тобою спим.

— Это песня! — сказал Данило. — Никогда не слышал такой песни; пусть из меня сатана себе трубку сделает, коли вру я!

Старый Нур и усами поводил, и плечами пожимал, и всем нам по душе была удалая Зобарова песня! Только Радде не понравилась.

— Вот так однажды комар гудел, орлиный клёкот передразнивая, — сказала она, точно снегом в нас кинула.

— Может быть, ты, Радда, кнута хочешь? — потянулся Данило к ней, а Зобар бросил наземь шапку, да и говорит, весь чёрный, как земля:

— Стой, Данило! Горячему коню — стальные удила! Отдай мне дочку в жены!

— Вот сказал речь! — усмехнулся Данило. — Да возьми, коли можешь!

— Добро! — молвил Лойко и говорит Радде: — Ну, девушка, послушай меня немного, да не кичись! Много я вашей сестры видел, эге, много! А ни одна не тронула моего сердца так, как ты. Эх, Радда, полонила ты мою душу! Ну что ж? Чему быть, так то и будет, и... нет такого коня, на котором от самого себя ускакать можно было!.. Беру тебя в жёны перед Богом, своей честью, твоим отцом и всеми этими людьми. Но смотри, воле моей не перечь — я свободный человек и буду жить так, как я хочу! — И подошёл к ней, стиснув зубы, сверкая глазами. Смотрим мы, протянул он ей руку, — вот, думаем, и надела узду на степного коня Радда! Вдруг видим, взмахнул он руками и оземь затылком — грох!..

Что за диво? Точно пуля ударила в сердце малого. А это Радда захлестнула ему ременное кнутовище за ноги, да и дёрнула к себе, — вот отчего упал Лойко.

И снова уж лежит девка не шевелясь да усмехается молча. Мы смотрим, что будет, а Лойко сидит на земле и сжал руками голову, точно боится, что она у него лопнет. А потом встал тихо, да и пошёл в степь, ни на кого не глядя. Нур шепнул мне: «Смотри за ним!» И пополз я за Зобаром по степи в темноте ночной. Так-то, сокол!»

Макар выколотил пепел из трубки и снова стал набивать её. Я закутался плотнее в шинель и, лёжа, смотрел в его старое лицо, чёрное от загара и ветра. Он, сурово и строго качая головой, что-то шептал про себя; седые усы шевелились, и ветер трепал ему волосы на голове. Он был похож на старый дуб, обожжённый молнией, но всё ещё мощный, крепкий и гордый силой своей. Море шепталось по-прежнему с берегом, и ветер всё так же носил его шёпот по степи. Нонка уже не пела, а собравшиеся на небе тучи сделали осеннюю ночь ещё темней.

«Шёл Лойко нога за ногу, повеся голову и опустив руки, как плети, и, придя в балку к ручью, сел на камень и охнул. Так охнул, что у меня сердце кровью облилось от жалости, но всё ж не подошёл к нему. Словом горю не поможешь — верно?! То-то! Час он сидит, другой сидит и третий не шелохнётся — сидит.

И я лежу неподалёку. Ночь светлая, месяц серебром всю степь залил, и далеко всё видно.

Вдруг вижу: от табора спешно Радда идёт.

Весело мне стало! «Эх, важно! — думаю, — удалая девка Радда!» Вот она подошла к нему, он и не слышит. Положила ему руку на плечо; вздрогнул Лойко, разжал руки и поднял голову. И как вско-

чит, да за нож! Ух, порежет девку, вижу я, и уж хотел, крикнув до табора, побежать к ним, вдруг слышу:

— Брось! Голову разобью! — Смотрю: у Радды в руке пистоль, и она в лоб Зобару целит. Вот сатана девка! А ну, думаю, они теперь равны по силе, что будет дальше?

— Слушай! — Радда заткнула за пояс пистоль и говорит Зобару: — Я не убить тебя пришла, а мириться, бросай нож! — Тот бросил и хмуро смотрит ей в очи. Дивно это было, брат! Стоят два человека и зверями смотрят друг на друга, а оба такие хорошие, удалые люди. Смотрит на них ясный месяц да я — и всё тут.

— Ну, слушай меня, Лойко: я тебя люблю! — говорит Радда. Тот только плечами повёл, точно связанный по рукам и ногам.

— Видала я молодцов, а ты удалей и краше их душой и лицом. Каждый из них усы себе бы сбрил — моргни я ему глазом, все они пали бы мне в ноги, захоти я того. Но что толку? Они и так не больно-то удалы, а я бы их всех обабила. Мало осталось на свете удалых цыган, мало, Лойко. Никогда я никого не любила, Лойко, а тебя люблю. А ещё я люблю волю! Волю-то, Лойко, я люблю больше, чем тебя. А без тебя мне не жить, как не жить и тебе без меня. Так вот я хочу, чтоб ты был моим и душой и телом, слышишь? — Тот усмехнулся.

— Слышу! Весело сердцу слушать твою речь! Ну-ка, скажи ещё!

— А ещё вот что, Лойко: всё равно, как ты ни вертись, я тебя одолею, моим будешь. Так не теряй же даром времени — впереди тебя ждут мои поцелуи да ласки... крепко целовать я тебя буду, Лойко! Под поцелуй мой забудешь ты свою удалую жизнь... и живые песни твои, что так радуют молодцов-цыган, не зазвучат по степям больше — петь ты будешь любовные, нежные песни мне, Радде... Так не теряй даром времени, — сказала я это, значит, ты завтра покоришься мне как старшему товарищу юнаку. Поклонишься мне в ноги перед всем табором и поцелуешь правую руку мою — и тогда я буду твоей женой.

Вот чего захотела чёртова девка! Этого и слыхом не слыхано было; только в старину у черногорцев так было, говорили старики, а у цыган — никогда! Ну-ка, сокол, выдумай что ни то посмешнее? Год поломаешь голову, не выдумаешь!

Прянул в сторону Лойко и крикнул на всю степь, как раненный в грудь. Дрогнула Радда, но не выдала себя.

— Ну, так прощай до завтра, а завтра ты сделаешь, что я велела тебе. Слышишь, Лойко?

— Слышу! Сделаю, — застонал Зобар и протянул к ней руки. Она и не оглянулась на него, а он зашатался, как сломанное ветром дерево, и пал на землю, рыдая и смеясь.

Вот как замаяла молодца проклятая Радда. Насилу я привёл его в себя.

Эхе! Какому дьяволу нужно, чтобы люди горе горевали? Кто это любит слушать, как стонет, разрываясь от горя, человеческое сердце? Вот и думай тут!..

Воротился я в табор и рассказал о всём старикам. Подумали и решили подождать да посмотреть — что будет из этого. А было вот что. Когда собрались все мы вечером вокруг костра, пришёл и Лойко. Был он смутен и похудел за ночь страшно, глаза ввалились; он опустил их и, не подымая, сказал нам:

— Вот какое дело, товарищи: смотрел в своё сердце этой ночью и не нашёл места в нём старой вольной жизни моей. Радда там живёт только — и всё тут! Вот она, красавица Радда, улыбается, как царица! Она любит свою волю больше меня, а я её люблю больше своей воли, и решил я Радде поклониться в ноги, так она велела, чтоб все видели, как её красота покорила удалого Лойко Зобара, который до неё играл с девушками, как кречет с утками. А потом она станет моей женой и будет ласкать и целовать меня, так что уже мне и песен петь вам не захочется, и воли моей я не пожалею! Так ли, Радда? — Он поднял глаза и сумно посмотрел на неё. Она молча и строго кивнула головой и рукой указала себе на ноги. А мы смотрели и ничего не понимали. Даже уйти куда-то хотелось, лишь бы не видеть, как Лойко Зобар упадёт в ноги девке — пусть эта девка и Радда. Стыдно было чего-то, и жалко, и грустно.

— Ну! — крикнула Радда Зобару.

— Эге, не торопись, успеешь, надоест ещё... — засмеялся он. Точно сталь зазвенела, — засмеялся.

— Так вот и всё дело, товарищи! Что остаётся? А остаётся попробовать, такое ли у Радды моей крепкое сердце, каким она мне его показывала. Попробую же, — простите меня, братцы!

Мы и догадаться ещё не успели, что хочет делать Зобар, а уж Радда лежала на земле, и в груди у неё по рукоять торчал кривой нож Зобара. Оцепенели мы.

А Радда вырвала нож, бросила его в сторону и, зажав рану прядью своих чёрных волос, улыбаясь, сказала громко и внятно:

— Прощай, Лойко! я знала, что ты так сделаешь!.. — да и умерла...

Понял ли девку, сокол?! Вот какая, будь я проклят на веки вечные, дьявольская девка была!

— Эх! да и поклонюсь же я тебе в ноги, королева гордая! — на всю степь гаркнул Лойко да, бросившись наземь, прильнул устами к ногам мёртвой Радды и замер. Мы сняли шапки и стояли молча.

Что ты скажешь в таком деле, сокол? То-то! Нур сказал было: «Надо связать его!..» Не поднялись бы руки вязать Лойко Зобара, ни у кого не поднялись бы, и Нур знал это. Махнул он рукой, да и отошёл в сторону. А Данило поднял нож, брошенный в сторону Раддой, и долго смотрел на него, шевеля седыми усами, на том ноже ещё не застыла кровь Радды, и был он такой кривой и острый. А потом подошёл Данило к Зобару и сунул ему нож в спину как раз против сердца. Тоже отцом был Радде старый солдат Данило!

— Вот так! — повернувшись к Даниле, ясно сказал Лойко и ушёл догонять Радду.

А мы смотрели. Лежала Радда, прижав к груди руку с прядью волос, и открытые глаза её были в голубом небе, а у ног её раскинулся удалой Лойко Зобар. На лицо его пали кудри, и не видно было его лица.

Стояли мы и думали. Дрожали усы у старого Данилы, и насупились густые брови его. Он глядел в небо и молчал, а Нур, седой, как лунь, лёг вниз лицом на землю и заплакал так, что ходуном заходили его стариковские плечи.

Было тут над чем плакать, сокол!

...Идёшь ты, ну и иди своим путём, не сворачивая в сторону. Прямо и иди. Может, и не загинешь даром. Вот и всё, сокол!»

Макар замолчал и, спрятав в кисет трубку, запахнул на груди чекмень. Накрапывал дождь, ветер стал сильнее, море рокотало глухо и сердито. Один за другим к угасающему костру подходили кони и, осмотрев нас большими умными глазами, неподвижно останавливались, окружая нас плотным кольцом.

— Гоп, гоп, эгой! — крикнул им ласково Макар и, похлопав ладонью шею своего любимого вороного коня, сказал, обращаясь ко мне: — Спать пора! — Потом завернулся с головой в чекмень и, могуче вытянувшись на земле, умолк.

Мне не хотелось спать. Я смотрел во тьму степи, и в воздухе перед моими глазами плавала царственно красивая и гордая фигура Радды. Она прижала руку с прядью чёрных волос к ране на груди, и сквозь её смуглые, тонкие пальцы сочилась капля по капле кровь, падая на землю огненно-красными звёздочками.

А за нею по пятам плыл удалой молодец Лойко Зобар; его лицо завесили пряди густых чёрных кудрей, и из-под них капали частые, холодные и крупные слёзы...

Усиливался дождь, и море распевало мрачный и торжественный гимн гордой паре красавцев цыган — Лойко Зобару и Радде, дочери старого солдата Данилы.

А они оба кружились во тьме ночи плавно и безмолвно, и никак не мог красавец Лойко поравняться с гордой Раддой.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое впечатление произвёл на вас рассказ?
2. Объясните, кто такой Макар Чудра.
3. Перескажите близко к тексту легенду о Лойко Зобаре и Радде. Как вы думаете, почему Лойко и Радда не смогли быть вместе?
4. Охарактеризуйте Лойко и Радду. Что их объединяет?
5. Как вы понимаете смысл ромской¹ легенды? Можно ли утверждать, что она иллюстрирует жизненные принципы Макара Чудры?
6. Найдите и выразительно прочитайте в рассказе пейзажные зарисовки и портретные характеристики. Объясните их значение.
7. С помощью каких художественных средств созданы образы цыган?
8. Проанализируйте композицию рассказа.

Диалог искусств

Но мотивам рассказа Максима Горького «Макар Чудра» молдавский кинорежиссёр **Эмиль Лотяну** снял картину «Табор уходит в небо» (1976). Режиссёрский талант Лотяну, проникновенная музыка Евгения Доги, гениальная игра актёров сделали этот фильм классикой мирового кино. Классикой стал и мультфильм «Легенда о пламенном сердце» (1967), созданный по рассказу Горького «Старуха Изергиль». Его автор — украинский режиссёр-мультипликатор **Ирина Гурвич**.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ (Отрывки)

I

Я слышал эти рассказы под Аккерманом², в Бессарабии, на морском берегу.

Однажды вечером, кончив дневной сбор винограда, партия молдаван, с которой я работал, ушла на берег моря, а я и старуха

¹ Ромá (цыгане) — этническая группа, которая имеет ярко выраженные индивидуальные культурные особенности и свой диалект.

² Аккерман — город на берегу Днестровского лимана. Современное название города — Белгород-Днестровский (Одесская область, Украина).

Изергиль остались под густой тенью виноградных лоз и, лёжа на земле, молчали, глядя, как тают в голубой мгле ночи силуэты тех людей, что пошли к морю.

Они шли, пели и смеялись; мужчины — бронзовые, с пышными, чёрными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и широких шароварах; женщины и девушки — весёлые, гибкие, с тёмно-синими глазами, тоже бронзовые. Их волосы, шёлковые и чёрные, были распущены, ветер, тёплый и лёгкий, играя ими, звякал монетами, вплетёнными в них. Ветер тёк широкой, ровной волной, но иногда он точно прыгал через что-то невидимое и, рождая сильный порыв, развеивал волосы женщин в фантастические гривы, вздымавшиеся вокруг их голов. Это делало женщин странными и сказочными. Они уходили всё дальше от нас, а ночь и фантазия одевали их всё прекраснее.

Кто-то играл на скрипке... девушка пела мягким контральто, слышался смех... [...]

Луна взошла. Её диск был велик, кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая на своём веку так много поглотила человеческого мяса и выпила крови, отчего, наверное, стала такой жирной и щедрой. На нас упали кружевные тени от листвы, я и старуха покрылись ими, как сетью. По степи, влево от нас, поплыли тени облаков, пропитанные голубым сиянием луны, они стали прозрачней и светлей.

— Смотри, вон идёт Ларра!

Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже се-стёр, — она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они.

— Никого нет там! — сказал я.

— Ты слеп больше меня, старухи. Смотри — вон, тёмный, бежит степью!

Я посмотрел ещё и снова не видел ничего, кроме тени.

— Это тень! Почему ты зовёшь её Ларра?

— Потому что это — он. Он уже стал теперь как тень, — пора! Он живёт тысячи лет, солнце высушило его тело, кровь и кости, и ветер распылил их. Вот что может сделать Бог с человеком за гордость!..

— Расскажи мне, как это было! — попросил я старуху, чувствуя впереди одну из славных сказок, сложенных в степях.

И она рассказала мне эту сказку.

«Многие тысячи лет прошли с той поры, когда случилось это. Далеко за морем, на восход солнца, есть страна большой реки, в той стране каждый древесный лист и стебель травы даёт столько тени, сколько нужно человеку, чтоб укрыться в ней от солнца, жестоко жаркого там.

Вот какая щедрая земля в той стране!

Там жило могучее племя людей, они пасли стада и на охоту за зверями тратили свою силу и мужество, пировали после охоты, пели песни и играли с девушками.

Однажды, во время пира, одну из них, черноволосую и нежную, как ночь, унёс орёл, спустившись с неба. Стрелы, пущенные в него мужчинами, упали, жалкие, обратно на землю. Тогда пошли искать девушку, но — не нашли её. И забыли о ней, как забывают обо всём на земле».

Старуха вздохнула и замолчала. Её скрипучий голос звучал так, как будто это роптали все забытые века, воплотившись в её груди тенями воспоминаний. Море тихо вторило началу одной из древних легенд, которые, может быть, создались на его берегах.

«Но через двадцать лет она сама пришла, измученная, иссохшая, а с нею был юноша, красивый и сильный, как сама она двадцать лет назад. И, когда её спросили, где была она, она рассказала, что орёл унёс её в горы и жил с нею там, как с женой. Вот его сын, а отца нет уже, когда он стал слабеть, то поднялся в последний раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы, насмерть разбился о них...

Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц. И разговаривали с ним, а он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как с равными себе. Это оскорбило их, и они, назвав его неоперённой стрелой с неотточенным наконечником, сказали ему, что их чтут, им повинуются тысячи таких, как он, и тысячи вдвое старше его. А он, смело глядя на них, отвечал, что таких, как он, нет больше; и если все чтут их — он не хочет делать этого. О!.. тогда уж совсем рассердились они. Рассердились и сказали:

— Ему нет места среди нас! Пусть идёт куда хочет.

Он засмеялся и пошёл, куда захотелось ему, — к одной красивой девушке, которая пристально смотрела на него; пошёл к ней и, подойдя, обнял её. А она была дочь одного из старшин, осудивших его. И, хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его, да и пошла прочь, а он ударил её и, когда она упала, встал ногой на её грудь, так, что из её уст кровь брызнула к небу, девушка, вздохнув, извилась змейёй и умерла.

Всех, кто видел это, оковал страх, — впервые при них так убивали женщину. И долго все молчали, глядя на неё, лежавшую с открытыми глазами и окровавленным ртом, и на него, который стоял один против всех, рядом с ней, и был горд, — не опустил своей головы, как бы вызывая на неё кару. Потом, когда одумались, то схватили его, связали и так оставили, находя, что убить сейчас же — слишком просто и не удовлетворит их».

Ночь росла и крепла, наполняясь странными, тихими звуками. В степи печально посвистывали суслики, в листве винограда дрожал стеклянный стрекот кузнечиков, листва вздыхала и шепталась, полный диск луны, раньше кроваво-красный, бледнел, удаляясь от земли, бледнел и всё обильнее лил на степь голубоватую мглу...

«И вот они собрались, чтобы придумать казнь, достойную преступления... Хотели разорвать его лошаадьми — и это казалось мало им; думали пустить в него всем по стреле, но отвергли и это; предлагали сжечь его, но дым костра не позволил бы видеть его мучений; предлагали много — и не находили ничего настолько хорошего, чтобы понравилось всем. А его мать стояла перед ними на коленях и молчала, не находя ни слёз, ни слов, чтобы умолять о пощаде. Долго говорили они, и вот один мудрец сказал, подумав долго:

— Спросим его, почему он сделал это?

Спросили его об этом. Он сказал:

— Развяжите меня! Я не буду говорить связанный!

А когда развязали его, он спросил:

— Что вам нужно? — спросил так, точно они были рабы...

— Ты слышал... — сказал мудрец.

— Зачем я буду объяснять вам мои поступки?

— Чтоб быть понятым нами. Ты, гордый, слушай! Всё равно ты умрёшь ведь... Дай же нам понять то, что ты сделал. Мы остаёмся жить, и нам полезно знать больше, чем мы знаем...

— Хорошо, я скажу, хотя я, может быть, сам неверно понимаю то, что случилось. Я убил её потому, мне кажется, — что меня оттолкнула она... А мне было нужно её.

— Но она не твоя! — сказали ему.

— Разве вы пользуетесь только своим? Я вижу, что каждый человек имеет только речь, руки и ноги... а владеет он животными, женщинами, землёй... и многим ещё...

Ему сказали на это, что за всё, что человек берёт, он платит собою: своим умом и силой, иногда — жизнью. А он отвечал, что он хочет сохранить себя целым.

Долго говорили с ним и наконец увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего. Всем даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество он обрекал себя. У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жёны, и он не хотел ничего этого.

Когда люди увидали это, они снова принялись судить о том, как наказать его. Но теперь недолго они говорили, — тот, мудрый, не мешавший им судить, заговорил сам:

— Стойте! Наказание есть. Это страшное наказание; вы не выдумаете такого в тысячу лет! Наказание ему — в нём самом! Пустите его, пусть он будет свободен. Вот его наказание!

И тут произошло великое. Грянул гром с небес, — хотя на них не было туч. Это силы небесные подтверждали речь мудрого. Все поклонились и разошлись. А этот юноша, который теперь получил имя Ларра, что значит: отверженный, выкинутый вон, — юноша громко смеялся вслед людям, которые бросили его, смеялся, оставаясь один, свободный, как отец его. Но отец его — не был человеком... А этот — был человек. И вот он стал жить, вольный, как птица. Он приходил в племя и похищал скот, девушек — всё, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела, закрытого невидимым покровом высшей кары. Он был ловок, хищен, силен, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу. Только издали видели его. И долго он, одинокий, так вился около людей, долго — не один десяток годов. Но вот однажды он подошёл близко к людям и, когда они бросились на него, не тронулся с места и ничем не показал, что будет защищаться. Тогда один из людей догадался и крикнул громко:

— Не троньте его! Он хочет умереть!

И все остановились, не желая облегчить участь того, кто делал им зло, не желая убивать его. Остановились и смеялись над ним. А он дрожал, слыша этот смех, и всё искал чего-то на своей груди, хватаясь за неё руками. И вдруг он бросился на людей, подняв камень. Но они, уклоняясь от его ударов, не нанесли ему ни одного, и когда он, утомлённый, с тоскливым криком упал на землю, то отошли в сторону и наблюдали за ним. Вот он встал и, подняв потерянный кем-то в борьбе с ним нож, ударил им себя в грудь. Но сломался нож — точно в камень ударили им. И снова он упал на землю и долго бился головой об неё. Но земля отстранялась от него, углубляясь от ударов его головы.

— Он не может умереть! — с радостью сказали люди.

И ушли, оставив его. Он лежал кверху лицом и видел — высоко в небе чёрными точками плавали могучие орлы. В его глазах было столько тоски, что можно было бы отравить ею всех людей мира. Так, с той поры остался он один, свободный, ожидая смерти. И вот он ходит, ходит повсюду... Видишь, он стал уже как тень и таким будет вечно! Он не понимает ни речи людей, ни их поступков — ничего. И всё ищет, ходит, ходит... Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражён человек за гордость!»

Старуха вздохнула, замолчала, и её голова, опустившись на грудь, несколько раз странно качнулась. Я посмотрел на неё. Старуху одолевал сон, показалось мне. И стало почему-то страшно жалко её. Конец рассказа она вела таким возвышенным, угрожающим тоном, а всё-таки в этом тоне звучала боязливая, рабская нота. [...]

[...]

С моря поднималась туча — чёрная, тяжёлая, суровых очертаний, похожая на горный хребет. Она ползла в степь. С её вершины срывались клочья облаков, неслись вперёд её и гасили звезды одну за другой. Море шумело. Недалеко от нас, в лозах винограда, целовались, шептали и вздыхали. Глубоко в степи выла собака... Воздух раздражал нервы странным запахом, щекотавшим ноздри. От облаков падали на землю густые стаи теней и ползли по ней, ползли, исчезали, являлись снова... На месте луны осталось только мутное опаловое пятно, иногда его совсем закрывал сизый клочок облака. И в степной дали, теперь уже чёрной и страшной, как бы притаившейся, скрывшей в себе что-то, вспыхивали маленькие голубые огоньки. То там, то тут они на миг являлись и гасли, точно несколько людей, рассыпавшихся по степи далеко друг от друга, искали в ней что-то, зажигая спички, которые ветер тотчас же гасил. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшие на что-то сказочное.

— Видишь ты искры? — спросила меня Изергиль.

— Вон те, голубые? — указывая ей на степь, сказал я.

— Голубые? Да, это они... Значит, летают всё-таки! Ну-ну... Я уж вот не вижу их больше. Не могу я теперь многого видеть.

— Откуда эти искры? — спросил я старуху.

Я слышал кое-что раньше о происхождении этих искр, но мне хотелось послушать, как расскажет о том же старая Изергиль.

— Эти искры от горящего сердца Данко. Было на свете сердце, которое однажды вспыхнуло огнём... И вот от него эти искры. Я расскажу тебе про это... Тоже старая сказка... Старое, всё старое! Видишь ты, сколько в старине всего?... А теперь вот нет ничего такого — ни дел, ни людей, ни сказок таких, как в старину... Почему?... Ну-ка, скажи! Не скажешь... Что ты знаешь? Что все вы знаете, молодые? Эхе-хе!.. Смотрели бы в старину зорко — там все отгадки найдутся... А вот вы не смотрите и не умеете жить оттого... Я не вижу разве жизнь? Ох, всё вижу, хоть и плохи мои глаза! И вижу я, что не живут люди, а всё примеряются, примеряются и кладут на это всю жизнь. И когда обворуют сами себя, истратив время, то начнут плакаться на судьбу. Что же тут — судьба? Каждый сам себе судьба! Всяких людей я нынче вижу, а вот сильных нет! Где ж они?... И красавцев становится всё меньше.

Старуха задумалась о том, куда девались из жизни сильные и красивые люди, и, думая, осматривала тёмную степь, как бы ища в ней ответа.

Я ждал её рассказа и молчал, боясь, что, если спрошу её о чем-либо, она опять отвлечётся в сторону.

И вот она начала рассказ.

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой — была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперёд, там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём в сером сумраке и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали. Но ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас рождал женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос её, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди...

«Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить камня с пути думаю. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вста-

вайте, пойдём в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — всё на свете имеет конец! Идёмте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они.

Тогда он повёл...»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где всё густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Всё гуще становился лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гневе обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: «Веди!» — и я повёл! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

— Ты умрёшь! Ты умрёшь! — ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в ключья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желанья спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...
— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

— Идём! — крикнул Данко и бросился вперёд на своё место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промывтого дождём. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...»

— Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжёг для людей своё сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на неё и думал: «Сколько ещё сказок и воспоминаний осталось в её памяти?» И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

Дунул ветер и обнажил из-под лохмотьев сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей всё крепче. Я прикрыл её старое тело и сам лёг на землю около неё. В степи было тихо и темно. По небу всё ползли тучи, медленно, скучно... Море шумело глухо и печально.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какая из легенд вам понравилась больше? Почему? Кратко перескажите легенду о Данко.
2. Прочитайте описание южной ночи. Назовите изобразительно-выразительные средства, использованные автором. Определите функцию пейзажа.
3. Исследователи отмечают, что образ Данко восходит к мифологическому Прометею. Докажите или опровергните эту мысль.
4. Дайте сравнительную характеристику образам Ларры и Данко по плану:
 - 1) портрет;
 - 2) отношение к людям;
 - 3) судьба героев;
 - 4) причины одиночества.
5. Прокомментируйте роль эпизода с «осторожным» человеком.
6. Какой нравственный закон иллюстрируют легенды о Ларре и Данко?

Читателю XXI столетия на заметку

Во время своего путешествия по Украине несколько месяцев Горький провёл на Полтавщине. Там он подружился с местными крестьянами и школьными учителями, организовал «мужицкий театр» и хор. Максим Горький охотно изучал украинский язык, интересовался украинской культурой и литературой. «Я люблю чарующие мелодии украинской народной песни, волнующую красоту украинской музыки, прекрасный украинский язык... Украинский народ пронёс через столетия рабства и неволи драгоценные богатства своего гения.

Посмотрите, какой ласковый и певучий мир раскрывается в его бессмертных песнях...», — отмечал писатель.

Тёплые дружеские отношения связывали Максима Горького и прославленного украинского прозаика Михаила Коцюбинского. Как вам известно, Коцюбинский некоторое время жил на Капри, где и познакомился с Горьким. Так, зиму 1911–1912 годов он провёл на вилле Горького и написал там новеллы «Лист», «Подарунок на именини», «Коні не винні». Позже Максим Горький, вспоминая о своей первой встрече с украинским писателем, отмечал, что Михаил Коцюбинский принадлежал к числу тех людей, которых давно ждёшь и для которых у тебя есть особенные мысли. Дружба двух великих художников возникла не только на основе личных симпатий, Горького и Коцюбинского объединяли общие идеалы, близость эстетических взглядов: любовь к Человеку, неприятие серости и убогости мещанского мира.

Подытожим изученное

1. Современный литературовед Л. Спиридонова, исследуя ранние романтические произведения Максима Горького, отмечала, что *«во всех рассказах звучит мотив неприятия действительности, сопротивления с судьбой, дерзкого вызова стихиям. В центре этих произведений — фигура сильного, гордого, смелого человека, не покоряющегося никому, негибаемого»*. На примере одного из прочитанных рассказов Горького подтвердите или опровергните мысль учёного.
2. Американского писателя Джека Лондона называют «двойником» Максима Горького. Что общего в жизни и творчестве этих писателей?
3. Охарактеризуйте образ повествователя в ранней горьковской прозе. Исследователи утверждают, что этот образ автобиографичен. Разделяете ли вы такое мнение?
4. Как вы думаете, почему в своих рассказах М. Горький использовал жанр легенды? Обоснуйте свой ответ.
5. Назовите особенности ранних рассказов М. Горького.
6. Подготовьте сообщение на тему «М. Горький и М. Коцюбинский».
7. Напишите сочинение на одну из тем: «В жизни всегда есть место подвигу»; «В чём видят счастье и смысл жизни герои Максима Горького?»; «Что меня привлекает в ранних рассказах Максима Горького?».

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ
(1900—1944)

Детство — это огромный край, откуда приходит каждый! Откуда я родом? Я родом из моего детства, словно из какой-то страны...

Антуан де Сент-Экзюпери

ВЗРОСЛЫЙ, КОТОРЫЙ СМОТРЕЛ НА МИР
ШИРОКО РАСКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ РЕБЁНКА...

На его долю выпало немало серьёзных испытаний. Ему не раз грозила смерть (рискованные полёты над Южной Америкой, катастрофа в районе Сахары, когда умирающего от голода и жажды писателя спасли кочевники-арабы, многочисленные журналистские поездки в «горячие» точки...), но он никогда не жалел себя, не останавливался на достигнутом. «Я люблю, когда могу дать больше, чем сам получаю... Я люблю в человеке то, что могу приподнять его лицо, погружённое в воды реки. Люблю извлечь из него улыбку. Только душа, стремящаяся из заточения, волнуется», — говорил французский писатель и профессиональный лётчик Антуан де Сент-Экзюпери.

В детстве Антуан был мечтателем, сочинял стихи, рисовал, учился играть на скрипке, увлекался техникой, машинами. В семье его называли «Король Солнце» из-за белокурых волос, венчавших голову. Товарищи же прозвали Антуана «Звездочёт», потому что нос его был вздёрнут к небу.

Всю жизнь он сохранял связь со своим детством, всегда оставался восторженным, любознательным и неизменно становился частицей внутренней жизни всех тех, кто его знал или читал его книги.

Граф Антуан-Мари-Роже де Сент-Экзюпери родился **29 июня 1900 года** во Франции в городе Лионе, в замке Ла Молль. Его родители происходили из старинных аристократических семейств, а дальними предками были рыцари-

крестоносцы эпохи Средневековья. Фамилия «Сент-Экзюпери» происходит от имени католического святого. Уже с детства будущий писатель ощущал себя настоящим «маленьким принцем», который любил маму и папу, братьев и сестёр. Маленький Антуан жаждал познать тайны жизни, «достать луну». На всю жизнь он остался очарованным «страной детства», в которой обыденная жизнь отступает на второй план. «Мир воспоминаний детства... всегда будет мне казаться бесконечно более реальным, чем любой другой», — говорил писатель.

Однако столь родовитое происхождение никак не соответствовало фактическому социальному положению семьи Сент-Экзюпери: отец будущего писателя служил инспектором страховой компании. И когда он умер, его жена осталась с пятью детьми, в том числе четырёхлетним Антуаном, без средств к существованию. На помощь пришли бабушки, только благодаря им дети получили образование, не испытывая нужды.

Повзрослев, Антуан проявил себя во многих сферах: отважный лётчик, талантливый изобретатель в авиационной технике, философ, писатель, журналист, военный.

В 1939 году вышла его книга *«Земля людей»*, принёсшая писателю мировую известность. С начала Второй мировой войны Экзюпери — военный лётчик. Именно так называлась и книга, увидевшая свет в 1942 году в США в английском переводе, так как во Франции она была запрещена фашистской цензурой. В *«Военном лётчике»* прозвучали знаменитые слова писателя: *«Детство — это огромный край, откуда приходит каждый! Откуда я родом? Я родом из моего детства, словно из какой-то страны...»*

В 1942 году Экзюпери написал *«Маленького принца»*, который через год был опубликован в Америке в английском переводе. Сам же писатель в это время сражался с врагами в Алжире, в составе американской военной эскадрильи...

Памятник Антуану де Сент-Экзюпери в Тарфеа (Марокко), где был создан образ Маленького принца

Судьба распорядилась так, что в последний день июля 1944 года Антуан де Сент-Экзюпери растворился в лазурном небе над французской Ривьерой — ни свидетелей воздушного боя, ни обломков самолёта, ни записей в отчётах немецких частей воздушных сил. Он ушёл так же, как его Маленький принц, — улетел к звёздам...

1. Какие факты биографии писателя произвели на вас наибольшее впечатление? Аргументируйте почему.
2. Обоснуйте смысл названия статьи об Экзюпери.

Читателю XXI столетия на заметку

«Маленького принца» Экзюпери посвятил **Леону Верту** (1878–1955) — своему большому другу. В 1939–1940 годах как военный журналист Верт был на фронте. Весь период немецкой оккупации Франции он скрывался в подполье, так как ему, еврею, грозила смерть от рук нацистов. Таким образом, посвящение Экзюпери звучит как вызов тёмным силам.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ (В сокращении)

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый — мой самый лучший друг. И ещё: он понимает всё на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живёт во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же всё это меня не оправдывает, я посвящу эту книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

Леону Верту, когда он был маленьким

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея — удав — глотала хищного зверя.

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал. Я показал моё творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно всё объяснять. Это мой рисунок № 2.

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на лётчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьёшься с пути.

На своём веку я много встречал разных серьёзных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звёздах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

Иллюстрации к «Маленькому принцу»
Антуана де Сент-Экзюпери, Ники Гольц, Ким Мин Жи

Так я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолёта. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, — и тот был бы не так одинок. Вообразите же моё удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

— Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

— А?..

— Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьёзно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моём рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художник из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребёнок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьёзно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Всё это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я всё-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать. Он ответил:

— Всё равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать — удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасен, а слон слишком большой. У меня дома всё очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек уже совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому. Но он и от этого рисунка отказался:

— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение — ведь мне надо было поскорей разобрать мотор — и нацарапал ящик.

И сказал малышу:

— Вот тебе ящик. А в нём сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

— Вот это хорошо! Как ты думаешь, много этому барашку надо травы?

— А что?

— Ведь у меня дома всего очень мало...

— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

— Не такой уж он маленький... — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но, когда я спрашивал о чём-нибудь, он словно и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом обронённых слов мне всё открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолёт (самолёт я рисовать не стану, мне всё равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолёт. Мой самолёт. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

*Ольга Стефанович.
Маленький принц
(2009)*

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьёзно. Потом он прибавил:

— Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» — подумал я и спросил напрямик:

— Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолёт:

— Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чём-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось моё любопытство от этого полупризнания о «других планетах». И я попытался узнать побольше:

— Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

— Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

— Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе верёвку, чтобы днём его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если ты его не привяжешь, он забредёт неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдёт?

— Мало ли куда? Всё прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьёзно:

— Это не страшно, ведь у меня там очень мало места.

И прибавил не без грусти:

— Если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдёшь... [...]

Х

Ближе всего к планете Маленького принца были астероиды 325, 326, 327, 328, 329 и 330. Вот он и решил для начала посетить их: надо же найти себе занятие, да и поучиться чему-нибудь.

На первом астероиде жил король. Облачённый в пурпур и горностаи, он восседал на троне — очень простом и всё же величественном.

— А, вот и подданный! — воскликнул король, увидав Маленького принца.

«Как же он меня узнал? — подумал Маленький принц. — Ведь он видит меня в первый раз!»

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощённо: для них все люди — подданные.

— Подойди, я хочу тебя рассмотреть, — сказал король, ужасно гордый тем, что он может быть для кого-то королём.

Маленький принц оглянулся — нельзя ли где-нибудь сесть, но великолепная горностаевая мантия покрывала всю планету. Пришлось стоять, а он так устал... и вдруг он зевнул.

— Этикет не разрешает зевать в присутствии монарха, — сказал король. — Я запрещаю тебе зевать.

— Я нечаянно, — ответил Маленький принц, очень смущённый. — Я долго был в пути и совсем не спал...

— Ну, тогда я повелеваю тебе зевать, — сказал король. — Многие годы я не видел, чтобы кто-нибудь зевал. Мне это даже любопытно. Итак, зевай! Таков мой приказ.

— Но я робею... я больше не могу... — вымолвил Маленький принц и весь покраснел.

— Гм, гм... Тогда... Тогда я повелеваю тебе то зевать, то...

Король запутался и, кажется, даже немного рассердился.

Ведь для короля самое важное — чтобы ему повиновались беспрекословно. Непокорства он бы не потерпел. Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания.

«Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, — говаривал он, — и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя».

— Можно мне сесть? — робко спросил Маленький принц.

— Повелеваю: сядь! — отвечал король и величественно подобрал одну полу своей горностаевой мантии.

Но Маленький принц недоумевал. Планетка такая крохотная. Чем же правит этот король?

— Ваше величество, — начал он, — могу ли я вас спросить...

— Повелеваю: спрашивай! — поспешно сказал король.

— Ваше величество... чем вы правите?

— Всем, — просто ответил король.

— Всем?

Король повёл рукою, скромно указывая на свою планету, а также и на другие планеты, и на звёзды.

— И всем этим вы правите? — переспросил Маленький принц.

— Да, — отвечал король.

Ибо он был поистине полновластный монарх и не знал никаких пределов и ограничений.

— И звёзды вам повинуются? — спросил Маленький принц.

— Ну конечно, — отвечал король. — Звёзды повинуются мгновенно. Я не терплю непослушания.

Маленький принц был восхищён. Вот бы ему такое могущество! Он бы тогда любовался закатом солнца не сорок четыре раза в день, а семьдесят два, а то и сто, и двести раз, и при этом ему даже не приходилось бы передвигать стул с места на место! Тут он снова загрустил, вспоминая свою покинутую планету, и, набравшись храбрости, попросил короля:

— Мне хотелось бы поглядеть на заход солнца... Пожалуйста, сделайте милость, повелите солнцу закатиться...

— Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват — он или я?

— Вы, ваше величество, — ни минуты не колеблясь, ответил Маленький принц.

— Совершенно верно, — подтвердил король. — С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть прежде всего должна быть разумной. Если ты повелишь своему народу броситься в море, он устроит революцию. Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны.

— А как же заход солнца? — напомнил Маленький принц: раз о чём-нибудь спросив, он уже не отступался, пока не получал ответа.

— Будет тебе и заход солнца. Я потребую, чтобы солнце зашло. Но сперва дождусь благоприятных условий, ибо в этом и состоит мудрость правителя.

— А когда условия будут благоприятные? — осведомился Маленький принц.

— Гм, гм, — ответил король, листая толстый календарь. — Это будет... Гм, гм... Сегодня это будет в семь часов сорок минут вечера. И тогда ты увидишь, как точно исполнится моё повеление.

Маленький принц зевнул. Жаль, что тут не поглядишь на заход солнца, когда хочется! И, по правде говоря, ему стало скучновато.

— Мне пора, — сказал он королю. — Больше мне здесь нечего делать.

— Остайся! — сказал король: он был очень горд тем, что у него нашёлся подданный, и не хотел с ним расставаться. — Остайся, я назначу тебя министром.

— Министром чего?

— Ну... юстиции.

— Но ведь здесь некого судить!

— Как знать, — возразил король. — Я ещё не осмотрел всего моего королевства. Я очень стар, для кареты у меня нет места, а ходить пешком так утомительно...

Маленький принц наклонился и ещё раз заглянул на другую сторону планеты.

— Но я уже смотрел! — воскликнул он. — Там тоже никого нет.

— Тогда суди сам себя, — сказал король. — Это самое трудное. Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

— Сам себя я могу судить где угодно, — сказал Маленький принц. — Для этого мне незачем оставаться у вас.

— Гм, гм... — сказал король. — Мне кажется, где-то на моей планете живёт старая крыса. Я слышу, как она скребётся по ночам. Ты мог бы судить эту старую крысу. Время от времени приговаривай её к смертной казни. От тебя будет зависеть её жизнь. Но потом каждый раз надо будет её помиловать. Надо беречь старую крысу, она ведь у нас одна.

— Не люблю я выносить смертные приговоры, — сказал Маленький принц. — И вообще мне пора.

— Нет, не пора, — возразил король.

Маленький принц уже совсем собрался в дорогу, но ему не хотелось огорчать старого монарха.

— Если вашему величеству угодно, чтобы ваши повеления беспрекословно исполнялись, — сказал он, — вы могли бы отдать благоразумное приказание. Например, повелите мне пуститься в путь, не мешкая ни минуты... Мне кажется, условия для этого самые что ни на есть благоприятные.

Король не отвечал, и Маленький принц немного помедлил в нерешимости, потом вздохнул и отправился в путь.

— Назначаю тебя послом! — поспешно крикнул вдогонку ему король.

И вид у него при этом был такой, точно он не потерпел бы никаких возражений.

«Станный народ эти взрослые», — сказал себе Маленький принц, продолжая путь.

XI

На второй планете жил честолюбец.

— О, вот и почитатель явился! — воскликнул он, ещё издали увидев Маленького принца.

Ведь тщеславным людям кажется, что все ими восхищаются.

— Добрый день, — сказал Маленький принц. — Какая у вас забавная шляпа.

— Это чтобы раскланиваться, — объяснил честолюбец. — Чтобы раскланиваться, когда меня приветствуют. К несчастью, сюда никто не заглядывает.

— Вот как? — промолвил Маленький принц: он ничего не понял.

— Похлопай-ка в ладоши, — сказал ему честолюбец.

Маленький принц захлопал в ладоши. Честолюбец снял шляпу и скромно раскланялся.

«Здесь веселее, чем у старого короля», — подумал Маленький принц. И опять стал хлопать в ладоши. А честолюбец опять стал раскланиваться, снимая шляпу.

Так минут пять подряд повторялось одно и то же, и Маленькому принцу это наскучило.

— А что надо сделать, чтобы шляпа упала? — спросил он.

Но честолюбец не слышал. Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.

— Ты и в самом деле мой восторженный почитатель? — спросил он Маленького принца.

— А как это — почитать?

— Почитать — значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней.

— Да ведь на твоей планете больше и нет никого!

— Ну, доставь мне удовольствие, всё равно восхищайся мною!

— Я восхищаюсь, — сказал Маленький принц, слегка пожал плечами, — но что тебе от этого за радость?

И он сбежал от честолюбца.

«Право же, взрослые — очень странные люди», — простодушно подумал он, пускаясь в путь. [...]

XIII

Четвёртая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял.

— Добрый день, — сказал ему Маленький принц. — Ваша папироса погасла.

— Три да два — пять. Пять да семь — двенадцать. Двенадцать да три — пятнадцать. Добрый день. Пятнадцать да семь —

Антуан
де Сент-Экзюпери.
Честолюбец

двадцать два. Двадцать два да шесть — двадцать восемь. Некогда спичкой чиркнуть. Двадцать шесть да пять — тридцать один. Уф! Итого, стало быть, пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать один.

— Пятьсот миллионов чего?

— А? Ты ещё здесь? Пятьсот миллионов... Уж не знаю, чего... У меня столько работы! Я человек серьёзный, мне не до болтовни! Два да пять — семь...

— Пятьсот миллионов чего? — повторил Маленький принц: спросив о чём-нибудь, он не успокаивался, пока не получал ответа.

Деловой человек поднял голову.

— Уже пятьдесят четыре года я живу на этой планете, и за всё время мне мешали только три раза. В первый раз, двадцать два года тому назад, ко мне откуда-то залетел майский жук. Он поднял ужасный шум, и я тогда сделал четыре ошибки в сложении. Во второй раз, одиннадцать лет тому назад, у меня был приступ ревматизма. От сидячего образа жизни. Мне разгуливать некогда. Я человек серьёзный. Третий раз... вот он! Итак, стало быть, пятьсот миллионов...

— Миллионов чего?

Деловой человек понял, что надо ответить, а то не будет ему покоя.

— Пятьсот миллионов этих маленьких штучек, которые иногда видны в воздухе.

— Это что же, мухи?

— Да нет же, такие маленькие, блестящие.

— Пчёлы?

— Да нет же. Такие маленькие, золотые, всякий лентяй как посмотрит на них, так и размечтается. А я человек серьёзный. Мне мечтать некогда.

— А, звёзды?

— Вот-вот. Звёзды.

— Пятьсот миллионов звёзд? Что же ты с ними делаешь?

— Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна. Я человек серьёзный, я люблю точность.

— Так что же ты делаешь со всеми этими звёздами?

— Что делаю?

— Да.

— Ничего не делаю. Я ими владею.

— Владеешь звёздами?

*Антуан де Сент-Экзюпери.
Деловой человек*

— Да.

— Но я уже видел короля, который...

— Короли ничем не владеют. Они только правят. Это совсем другое дело.

— А для чего тебе владеть звёздами?

— Чтоб быть богатым.

— А для чего быть богатым?

— Чтобы покупать ещё новые звёзды, если их кто-нибудь откроет.

«Он рассуждает почти как пьяница», — подумал Маленький принц.

И стал спрашивать дальше:

— А как можно владеть звёздами?

— Звёзды чьи? — ворчливо спросил делец.

— Не знаю. Ничьи.

— Значит, мои, потому что я первый до этого додумался.

— И этого довольно?

— Ну конечно. Если ты найдёшь алмаз, у которого нет хозяина, — значит, он твой. Если ты найдёшь остров, у которого нет хозяина, он твой. Если тебе первому придёт в голову какая-нибудь идея, ты берёшь на неё патент: она твоя. Я владею звёздами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть.

— Вот это верно, — сказал Маленький принц. — И что же ты с ними делаешь?

— Распоряжаюсь ими, — ответил делец. — Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьёзный.

Однако Маленькому принцу этого было мало.

— Если у меня есть шёлковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, — сказал он. — Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звёзды!

— Нет, но я могу положить их в банк.

— Как это?

— А так: пишу на бумажке, сколько у меня звёзд. Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.

— И всё?

— Этого довольно.

«Забавно! — подумал Маленький принц. — И даже поэтично. Но не так уж это серьёзно».

Что серьёзно, а что не серьёзно, — это Маленький принц понимал по-своему, совсем не так, как взрослые.

— У меня есть цветок, — сказал он, — и я каждое утро его поливаю. У меня есть три вулкана, я каждую неделю их прочищаю. Все три прочищаю, и потухший тоже. Мало ли что может случиться. И

моим вулканам, и моему цветку полезно, что я ими владею. А звёздам от тебя нет никакой пользы...

Деловой человек открыл было рот, но так и не нашёлся что ответить, и Маленький принц отправился дальше.

«Нет, взрослые и правда поразительный народ», — простодушно говорил он себе, продолжая путь.

XIV

Пятая планета была очень занятая. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось что фонарь да фонарщик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал:

«Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе всё-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь — как будто рождается ещё одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь — как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

И, поравнявшись с этой планеткой, он почтительно поклонился фонарщику.

— Добрый день, — сказал он. — Почему ты сейчас погасил фонарь?

— Такой уговор, — ответил фонарщик. — Добрый день.

— А что это за уговор?

— Гасить фонарь. Добрый вечер.

И он снова засветил фонарь.

— Зачем же ты опять его зажёл?

— Такой уговор, — повторил фонарщик.

— Не понимаю, — признался Маленький принц.

— И понимать нечего, — сказал фонарщик, — уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утёр пот со лба и сказал:

— Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался день, чтобы отдохнуть, и ночь, чтобы выспаться...

*Антуан де Сент-Экзюпери.
Фонарщик*

— А потом уговор переменялся?

— Уговор не менялся, — сказал фонарщик. — В том-то и беда! Моя планета год от году вращается всё быстрее, а уговор остаётся прежний.

— И как же теперь? — спросил Маленький принц.

— Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

— Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!

— Ничего тут нет забавного, — возразил фонарщик. — Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

— Целый месяц?!

— Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь.

Маленький принц смотрел на фонарщика, и ему всё больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. Маленький принц вспомнил, как он когда-то переставлял стул с места на место, чтобы лишний раз поглядеть на закат солнца. И ему захотелось помочь другу.

— Послушай, — сказал он фонарщику, — я знаю средство: ты можешь отдыхать, когда только захочешь...

— Мне всё время хочется отдыхать, — сказал фонарщик.

Ведь можно быть верным слову и всё-таки ленивым.

— Твоя планетка такая крохотная, — продолжал Маленький принц, — ты можешь обойти её в три шага. И просто нужно идти с такой скоростью, чтобы всё время оставаться на солнце. Когда захочется отдохнуть, ты просто всё иди, иди... И день будет тянуться столько времени, сколько ты пожелаешь.

— Ну, от этого мне мало толку, — сказал фонарщик. — Больше всего на свете я люблю спать.

— Тогда плохо твоё дело, — посочувствовал Маленький принц.

— Плохо моё дело, — подтвердил фонарщик. — Добрый день.

И погасил фонарь.

«Вот человек, — сказал себе Маленький принц, продолжая путь, — вот человек, которого все стали бы презирать — и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе».

Маленький принц вздохнул.

«Вот бы с кем подружиться, — подумал он ещё. — Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих...»

Он не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке ещё по одной причине: за двадцать четыре часа на ней можно любоваться закатом тысячу четыреста сорок раз! [...]

XVI

Итак, седьмая планета, которую он посетил, была Земля.

Земля — планета не простая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, конечно, и негритянских), семь тысяч географов, девяносто тысяч дельцов, семь с половиной миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев, итого около двух миллиардов взрослых.

Чтобы дать вам понятие о том, как велика Земля, скажу лишь, что, пока не изобрели электричество, на всех шести континентах приходилось держать целую армию фонарщиков — четыреста шестьдесят две тысячи пятьсот одиннадцать человек.

Если поглядеть со стороны, это было великолепное зрелище. Движения этой армии подчинялись точнейшему ритму, совсем как в балете. Первыми выступали фонарщики Новой Зеландии и Австралии. Засветив свои огни, они отправлялись спать. За ними наступал черёд фонарщиков Китая. Исполнив свой танец, они тоже скрывались за кулисами. Потом приходил черёд фонарщиков в России и в Индии. Потом — в Африке и Европе. Затем в Южной Америке, затем в Северной Америке. И никогда они не ошибались, никто не выходил на сцену не вовремя. Да, это было блистательно.

Только тому фонарщику, что должен был зажигать единственный фонарь на северном полюсе, да его собрату на южном полюсе, — только этим двоим жилось легко и беззаботно: им приходилось заниматься своим делом всего два раза в год. [...]

XX

Долго шёл Маленький принц через пески, скалы и снега и, наконец, набрёл на дорогу. А все дороги ведут к людям.

— Добрый день, — сказал он.

Перед ним был сад, полный роз.

— Добрый день, — отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

— Кто вы? — спросил он, поражённый.

— Мы — розы, — отвечали розы.

— Вот как... — промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей Вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

«Как бы она рассердилась, если бы увидела их! — подумал Маленький принц. — Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, ведь иначе она и вправду бы умерла, лишь бы унижить и меня тоже...»

А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух и, может быть, навсегда... какой же я после этого принц...»

Он лёг в траву и заплакал.

XXI

Вот тут-то и появился Лис.

— Здравствуй, — сказал он.

— Здравствуй, — вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

— Я здесь, — услышался голос. — Под яблоней...

— Кто ты? — спросил Маленький принц. — Какой ты красивый!

— Я — Лис, — сказал Лис.

— Поиграй со мной, — попросил Маленький принц. — Мне так грустно...

— Не могу я с тобой играть, — сказал Лис. — Я не приручён.

— Ах, извини, — сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

— А как это — приручить?

— Ты не здешний, — заметил Лис. — Что ты здесь ищешь?

— Людей ищу, — сказал Маленький принц. — А как это — приручить?

— У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И ещё они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

— Нет, — сказал Маленький принц. — Я ищу друзей. А как это — приручить?

— Это давно забытое понятие, — объяснил Лис. — Оно означает: создать узы.

— Узы?

— Вот именно, — сказал Лис. — Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

*Владислав Ерко.
Из иллюстраций
к «Маленькому принцу»
(2013)*

— Я начинаю понимать, — сказал Маленький принц. — Была одна роза... наверно, она меня приручила...

— Очень возможно, — согласился Лис. — На Земле чего только не бывает.

— Это было не на Земле, — сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

— На другой планете?

— Да.

— А на той планете есть охотники?

— Нет.

— Как интересно! А куры есть?

— Нет.

— Нет в мире совершенства! — вздохнул Лис.

Но потом он вновь заговорил о том же:

— Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живётся мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовёт меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом — смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чём мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

— Пожалуйста... приручи меня!

— Я бы рад, — отвечал Маленький принц, — но у меня так мало времени. Мне ещё надо найти друзей и узнать разные вещи.

— Узнать можно только те вещи, которые приручишь, — сказал Лис. — У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

— А что для этого надо делать? — спросил Маленький принц.

*Евгений Глотов.
Маленький принц (2009)*

— Надо запастись терпением, — ответил Лис. — Сперва сядь вон там, поодаль, на траву — вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днём садись немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришёл на то же место.

— Лучше приходи всегда в один и тот же час, — попросил Лис. — Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трёх часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить своё сердце... Нужно соблюдать обряды.

— А что такое обряды? — спросил Маленький принц.

— Это тоже нечто давно забытое, — объяснил Лис. — Нечто такое, отчего один какой-то день становится не похож на все другие дни, один час — на все другие часы. Вот, например, у моих охотников есть такой обряд: по четвергам они танцуют с деревенскими девушками. И какой же это чудесный день — четверг! Я отправляюсь на прогулку и дохожу до самого виноградника. А если бы охотники танцевали когда придётся, все дни были бы одинаковы и я никогда не знал бы отдыха.

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

— Я буду плакать о тебе, — вздохнул Лис.

— Ты сам виноват, — сказал Маленький принц. — Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

— Да, конечно, — сказал Лис.

— Но ты будешь плакать!

— Да, конечно.

— Значит, тебе от этого плохо.

— Нет, — возразил Лис, — мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

— Поди взгляни ещё раз на розы. Ты поймёшь, что твоя роза — единственная в мире. А когда вернёшься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошёл взглянуть на розы.

— Вы ничуть не похожи на мою розу, — сказал он им. — Вы ещё ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он — единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

— Вы красивые, но пустые, — продолжал Маленький принц. — Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, по-

глядя на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это её, а не вас я поливал каждый день. Её, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Её загоразивал ширмой, оберегая от ветра. Для неё убивал гусениц, только двух или трёх оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она — моя.

И Маленький принц возвратился к Лису.

— Прощай... — сказал он.

— Прощай, — сказал Лис. — Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

— Самого главного глазами не увидишь, — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей всю душу.

— Потому что я отдавал ей всю душу... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

— Я в ответе за мою розу... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить. [...]

XXIV

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию, и, слушая про торговца пилюлями, я выпил последний глоток воды.

— Да, — сказал я Маленькому принцу, — всё, что ты рассказываешь, очень интересно, но я ещё не починил свой самолёт, у меня не осталось ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику.

— Лис, с которым я подружился...

— Милый мой, мне сейчас не до Лиса!

— Почему?

— Да потому, что придётся умереть от жажды...

Он не понял, какая тут связь. Он возразил:

— Хорошо, когда есть друг, пусть даже надо умереть. Вот я очень рад, что дружил с Лисом...

«Он не понимает, как велика опасность. Он никогда не испытывал ни голода, ни жажды. Ему довольно солнечного луча...»

Я не сказал этого вслух, только подумал. Но Маленький принц посмотрел на меня — и промолвил:

— Мне тоже хочется пить... пойдём поищем колодец...

Я устало развёл руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне? Но всё-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча; наконец стемнело, и в небе стали загораться звёзды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне. Мне всё вспоминались слова Маленького принца, и я спросил:

— Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда?

Но он не ответил. Он сказал просто:

— Вода бывает нужна и сердцу...

Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его расспрашивать.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

— Звёзды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

— Да, конечно, — сказал я только, глядя на волнистый песок, освещённый луною.

— И пустыня красивая... — прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И всё же в тишине что-то светится...

— Знаешь, отчего хороша пустыня? — сказал он. — Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражён, вдруг я понял, что означает таинственный свет, исходящий от песков. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме — рассказывали, будто в нём запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своём он скрывал тайну...

— Да, — сказал я. — Будь то дом, звёзды или пустыня — самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

— Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, — отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошёл дальше. Я был взволнован. Мне казалось — я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже, что ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: всё это лишь оболочка. Самое главное — то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе ещё: трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который сияет в нём, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, что он ещё более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может погасить их...

Так я шёл — и на рассвете дошёл до колодца.

XXV

— Люди забираются в скорые поезда, но они уже сами не понимают, чего ищут, — сказал Маленький принц. — Поэтому они не знают покоя и бросаются то в одну сторону, то в другую...

Потом прибавил:

— И всё напрасно...

Колодец, к которому мы пришли, был не такой, как все колодцы в Сахаре. Обычно здесь колодец — просто яма в песке. А это был самый настоящий деревенский колодец. Но поблизости не было никакой деревни, и я подумал, что это сон.

— Как странно, — сказал я Маленькому принцу, — тут всё приготовлено: и ворот, и ведро, и верёвка...

Он засмеялся, тронул верёвку, стал раскручивать ворот. И ворот заскрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

— Слышишь? — сказал Маленький принц. — Мы разбудили колодец, и он запел...

Я боялся, что он устанет.

— Я сам зачерпну воды, — сказал я, — тебе это не под силу.

Медленно вытащил я полное ведро и надёжно поставил его на каменный край колодца. В ушах у меня ещё отдавалось пенье скрипучего ворота, вода в ведре ещё дрожала, и в ней дрожали солнечные зайчики.

— Мне хочется глотнуть этой воды, — промолвил Маленький принц. — Дай мне напиться...

И я понял, что он искал!

Я поднёс ведро к его губам. Он пил, закрыв глаза. Это было как самый прекрасный пир. Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звёздами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была, как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские подарки: сияньем свеч на ёлке, пеньем органа в час полночной мессы, ласковыми улыбками.

— На твоей планете, — сказал Маленький принц, — люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

— Не находят, — согласился я.

— А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

— Да, конечно, — согласился я.

И Маленький принц сказал:

— Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Я выпил воды. Дышалось легко. На рассвете песок становится золотой, как мёд. И от этого тоже я был счастлив. С чего бы мне грустить?..

— Ты должен сдержать слово, — мягко сказал Маленький принц, снова садясь рядом со мною.

— Какое слово?

— Помнишь, ты обещал... намордник для моего барашка... Я ведь в ответе за тот цветок.

Я достал из кармана свои рисунки. Маленький принц поглядел на них и засмеялся:

— Баобабы у тебя похожи на капусту...

А я-то так гордился своими баобабами!

— А у лисицы твоей уши... точно рога! И какие длинные!

И он опять засмеялся.

— Ты несправедлив, дружок. Я ведь никогда и не умел рисовать — разве только удавов снаружи и изнутри.

— Ну ничего, — успокоил он меня. — Дети и так поймут.

И я нарисовал намордник для барашка. Я отдал рисунок Маленькому принцу, и сердце у меня сжалось.

— Ты что-то задумал и не говоришь мне...

Но он не ответил.

— Знаешь, — сказал он, — завтра исполнится год, как я попал к вам на Землю...

И умолк. Потом прибавил:

— Я упал совсем близко отсюда...

И покраснел.

И опять, Бог весть почему, тяжело стало у меня на душе.

Всё-таки я спросил:

— Значит, неделю назад, в то утро, когда мы познакомились, ты не случайно бродил тут совсем один, за тысячу миль от человеческого жилья? Ты возвращался к тому месту, где тогда упал?

Маленький принц покраснел ещё сильнее.

А я прибавил нерешительно:

— Может быть, это потому, что исполняется год?..

И снова он покраснел. Он не ответил ни на один мой вопрос, но ведь когда краснеешь, это значит «да», не так ли?

— Мне страшно... — со вздохом начал я.

Но он сказал:

— Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе. Когда даёшь себя приручить, потом случается и плакать.

XXVI

Неподалёку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда

и ещё издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги. И услышал его голос:

— Разве ты не помнишь? — говорил он. — Это было совсем не здесь.

Наверно, кто-то ему отвечал, потому что он возразил:

— Ну да, это было ровно год назад, день в день, но только в другом месте...

Я зашагал быстрее. Но нигде у стены я больше никого не видел и не слышал. А между тем Маленький принц снова ответил кому-то:

— Ну, конечно. Ты найдёшь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.

До стены оставалось двадцать метров, а я всё ещё ничего не видел.

После недолгого молчания Маленький принц спросил:

— А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце моё сжалось, но я всё ещё не понимал.

— Теперь уходи, — сказал Маленький принц. — Я хочу спрыгнуть вниз.

Тогда я опустил глаза, да так и подскочил! У подножья стены, подняв голову к Маленькому принцу, свернулась жёлтая змейка, из тех, чей укус убивает в полминуты. Нащупывая в кармане револьвер, я бегом бросился к ней, но при звуке шагов змейка тихо заструилась по песку, словно умирающий ручеёк, и с еле слышным металлическим звоном неторопливо скрылась меж камней.

Я подбежал к стене как раз вовремя, чтобы подхватить моего Маленького принца. Он был белее снега.

— Что это тебе вздумалось, малыш! — воскликнул я. — Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный золотой шарф. Смочил ему виски и заставил выпить воды. Но я не смел больше ни о чём спрашивать. Он серьёзно посмотрел на меня и обвинил мою шею руками. Я услышал, как бьётся его сердце, словно у подстреленной птицы. Он сказал:

— Я рад, что ты нашёл, в чём там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой...

— Откуда ты знаешь?!

Я как раз собирался сказать ему, что, вопреки всем ожиданиям, мне удалось исправить самолёт!

Он не ответил, он только сказал:

— И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

— Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Всё было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно малого

ребёнка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, проваливается в бездну, и я не в силах его удержать...

Он задумчиво смотрел куда-то вдаль.

— У меня останется твой барашек. И ящик для барашка. И намордник...

И он печально улыбнулся.

Я долго ждал. Он словно бы приходил в себя.

— Ты напугался, малыш...

Ну ещё бы не напугаться! Но он тихонько засмеялся:

— Сегодня вечером мне будет куда страшнее...

И снова меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеётся? Этот смех для меня — точно родник в пустыне.

— Малыш, я хочу ещё послушать, как ты смеёшься...

Но он сказал:

— Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

— Послушай, малыш, ведь всё это — и змея, и свиданье со звездой — просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

— Самое главное — то, чего не увидишь глазами... — сказал он.

— Да, конечно...

— Это как с цветком. Если любишь цветок, что растёт где-то на далёкой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звёзды расцветают.

— Да, конечно...

— Это как с водой. Когда ты дал мне напиться, та вода была как музыка, а всё из-за ворота и верёвки... Помнишь? Она была очень хорошая.

— Да, конечно...

— Ночью ты посмотришь на звёзды. Моя звезда очень маленькая, я не могу её тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто — одна из звёзд. И ты полюбишь смотреть на звёзды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

— Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеёшься!

— Вот это и есть мой подарок... это будет, как с водой...

— Как так?

— У каждого человека свои звёзды. Одним — тем, кто странствует, — они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для учёных они — как задача, которую надо решить. Для моего дельца они — золото. Но для всех этих людей звёзды — немые. А у тебя будут совсем особенные звёзды...

— Как так?

— Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звёзды смеются. У тебя будут звёзды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

— И когда ты утетишься (в конце концов всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнёшь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеёшься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звёзды!» И они подумают, что ты сошёл с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю.

И он опять засмеялся.

— Как будто вместо звёзд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

Он опять засмеялся. Потом снова стал серьёзен:

— Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

— Я тебя не оставлю.

— Тебе покажется, что мне больно... покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

— Я тебя не оставлю.

Но он был чем-то озабочен.

— Видишь ли... это ещё из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит... Змеи ведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.

— Я тебя не оставлю.

Он вдруг успокоился:

— Правда, на двоих у неё не хватит яда...

В эту ночь я не заметил, как он ушёл. Он ускользнул неслышно. Когда я наконец нагнал его, он шёл быстрым, решительным шагом.

— А, это ты... — сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

— Напрасно ты идёшь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

— Видишь ли... это очень далеко. Моё тело слишком тяжёлое. Мне его не унести.

Я молчал.

— Но это всё равно, что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но всё-таки сделал ещё одно усилие:

— Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звёзды. И все звёзды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиток...

Я молчал.

— Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня — пятьсот миллионов родников...

И тут он тоже замолчал, потому что заплакал...

— Вот мы и пришли. Дай мне сделать ещё шаг одному.

И он сел на песок, потому что ему стало страшно.

Потом он сказал:

— Знаешь... моя роза... я за неё в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У неё только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

— Ну... вот и всё...

Помедлил ещё минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Точно жёлтая молния мелькнула у его ног. Мгновение он остался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал — медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

Надя Рушева.
Рисунок из цикла
«Маленький принц»
(1964)

XXVII

И вот прошло уже шесть лет... Я ещё ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было, но я говорил им:

— Это я просто устал...

И всё же понемногу я утешился. То есть... Не совсем. Но я знаю, он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не нашёл на песке его тела. Не такое уж оно было тяжёлое. А по ночам я люблю слушать звёзды. Словно пятьсот миллионов бубенцов...

Но вот что поразительно. Когда я рисовал намордник для барашка, я забыл про ремешок! Маленький принц не сможет надеть его на барашка. И я спрашиваю себя: что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу?

Иногда я говорю себе: «Нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стеклянным колпаком, и он очень следит за барашком...» Тогда я счастлив. И все звёзды тихонько смеются.

А иногда я говорю себе: «Бываешь же порой рассеянным... тогда всё может случиться! Вдруг он как-нибудь вечером забыл про

стеклянный колпак или барашек ночью втихомолку выбрался на волю...» И тогда все бубенцы плачут...

Всё это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем, совсем не всё равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в безвестном уголке Вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел не знакомую нам розу.

Взгляните на небо. И спросите себя: «Жива ли та роза или её уже нет? Вдруг барашек её съел?» И вы увидите: всё станет по-другому...

И никогда ни один взрослый не поймёт, как это важно!

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал ещё раз, чтобы вы получше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез. Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадёте в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдёт маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда — очень прошу вас! — не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...

Леону Верту.

Перевод с французского *Норы Галь*

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Понравилось ли вам прочитанное? Какие мысли и чувства вызывает у вас произведение А. де Сент-Экзюпери?
2. К кому обращено посвящение повести-сказки? Как вы понимаете посвящение Леону Верту?
3. Расскажите, какие обстоятельства повлияли на утверждение рассказчика, что «взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень томительно без конца им всё объяснять и растолковывать». Согласны ли вы с такой мыслью?
4. Обоснуйте, с какой целью писатель в сказке использует стилизованные под детские рисунки (нарочитая упрощённость линий, угловатость штрихов, определённая диспропорция фигур) иллюстрации.
5. Как вы думаете, почему взрослые не понимали эти рисунки?
6. Когда мы впервые знакомимся с Маленьким принцем? Каким он предстаёт в нашем воображении? Найдите в тексте и зачитайте описание героя.
7. Расскажите, что вы узнали о планете Маленького принца. Как мальчик относится к своей планете? Как это характеризует героя?
8. Прокомментируйте слова Маленького принца: *«Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звёзд, этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: “Где-то там живёт мой цветок...”*. Но если барашек его съест, это всё равно, как если бы все звёзды разом погасли!».
9. Перескажите, что произошло с мальчиком на планетах, которые он посетил.
10. Выразительно прочитайте диалог Маленького принца и Лиса.
11. Прокомментируйте высказывание Лиса о дружбе: *«Чтобы иметь друзей, нужно дарить им свою душу, отдавать самое дорогое — время»*. А вы согласны с таким утверждением?
12. Объясните, как вы понимаете такие фразы Лиса: *«...зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь»*; *«Мы в ответе за тех, кого приручили»*.
13. Какие уроки дал Лис Маленькому принцу? А чему вас научил Лис?
14. Вспомните, что такое аллегория. Какие образы сказки вы можете назвать аллегорическими? Объясните почему.

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О ПРИТЧЕ. ПОДТЕКСТ

Вы, конечно же, поняли, что «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери — это сказка. Но в этой сказке в иносказательной (аллегорической) форме содержится прямое поучение (назидание) для читателей. Поэтому это сказка-притча.

Притча — небольшое повествовательное произведение назидательного характера, представленное в иносказательной (аллегорической) форме.

Притча как бы приглашает читателя примерить на себя ситуации, описанные в ней, или задуматься о собственной жизни. В своих основных чертах притча схожа с басней, но отличается от неё широтой обобщения, значимостью заключённой в притче идеи. В притче смысл всегда более глубокий, она иллюстрирует какую-либо идею, касаясь проблем морали, общечеловеческих законов. Притча часто используется с целью прямого наставления.

Читая сказку-притчу «Маленький принц», вы, очевидно, обратили внимание, что автор многое не называет прямо, а лишь намекает, рассчитывая, что читатель сам домыслит недостающее. Такой художественный приём называется *подтекстом*.

Подтекст — невысказанное прямо в тексте, но своеобразно вытекающее из отдельных реплик, деталей и пр. отношение автора к действующим лицам, их взаимоотношениям, сюжетным ситуациям.

Подтекст готовит читателя к дальнейшему развитию действия, к острым, поворотным моментам сюжета. Это скрытый смысл высказывания.

1. Объясните, что называется притчей.
2. Обоснуйте, почему «Маленький принц» — это сказка-притча.
3. Продолжите предложение: «Подтекст — это...».

У литературной карты мира

Маленький принц Антуана де Сент-Экзюпери такой популярный литературный персонаж, что памятники ему можно встретить по всему миру: в Конкордии (Аргентина), Тулузе (Франция), Норпорте (штат Алабама, США), Стокгольме (Швеция), Будапеште (Венгрия), Санкт-Петербурге и Абакане (Россия). В Украине памятники Маленькому принцу установлены в Киеве, на Пейзажной аллее, и в Днепре, в парке имени Лазаря Глобы. Конечно же, памятник любимому персонажу установлен и в родном городе Экзюпери — Лионе. Так, рядом с улицей, на которой родился Антуан де Сент-Экзюпери и которая сейчас носит его имя, 25 июня 2000 года стараниями скульптора **Кристиан Гийобе** появился медный памятник писателю и его герою. Они изображены наверху мраморной белой колонны высотой более 5 м, а внизу начертаны цитаты из «Маленького Принца».

Памятник Антуану де Сент-Экзюпери в Лионе

Диалог искусств

Сказка «Маленький принц» считается самой читаемой и переводимой книгой на французском языке. Неудивительно, что своё воплощение она нашла во многих произведениях других видов искусств. Художественные и мультипликационные фильмы, многочисленные театральные постановки, аниме-сериал, мюзикл и даже балет, различные иллюстрации, созданные по мотивам «Маленького принца», пытаются раскрыть символические образы этого произведения. Конечно же, музыка тоже не обходит тему Маленького принца. Например, у известной рок-группы «Машина Времени» есть даже концертный альбом с таким названием, в котором песни перемежаются текстами сказки Экзюпери.

Подытожим изученное

1. Письменно прокомментируйте высказывание биографа А. де Сент-Экзюпери Марселя Мижо о том, что Экзюпери «своими моральными качествами, своим интеллектом, своей деятельностью — одним словом, своей судьбой... поднимается над обычным человеческим уровнем и принадлежит в определённой мере к тем людям, которые должны быть примером для других и особенно для молодёжи».
2. Составьте цитатную характеристику Маленького принца.
3. Чему мы научились у Маленького принца?
4. Найдите в тексте и зачитайте фрагменты, имеющие притчевый характер. Прокомментируйте свой выбор.
5. Раскройте понятие «подтекст». Найдите в тексте и зачитайте фрагменты текста, содержащие подтекст. Определите роль этих фрагментов для раскрытия авторской идеи произведения.
6. Используя конкретные примеры из текста, докажите, что образ Маленького принца — это образ-символ.
7. Как вы считаете, можно ли назвать образ Маленького принца «вечным образом»? Обоснуйте свой ответ.
8. Какие из представленных в учебнике иллюстраций к произведению вам понравились больше всего и почему?
9. В группах подготовьте творческое задание по прочитанному произведению: буктрейлер/фотоколлаж/мотиватор/комикс/скрапбукинг¹ (по вашему выбору).
10. Напишите сочинение-рассуждение на одну из тем:
 - «Уроки Маленького принца»;
 - «Быть человеком — это и значит чувствовать, что ты за всё в ответе»;
 - «Светильники надо беречь: порыв ветра может их погасить»;
 - «У каждого человека свои звёзды».

¹ Что такое *скрапбúкинг* и как его подготовить, вы сможете узнать, обратившись к памятке, размещённой на форзаце учебника.

Аркадий Натанович СТРУГАЦКИЙ

(1925—1991) и

Борис Натанович СТРУГАЦКИЙ

(1933—2012)

...Каждый человек — маг в душе, но он становится магом тогда, когда начинает меньше думать о себе и больше о других...

Братья Стругацкие

МИР БРАТЬЕВ АБС

Среди любителей фантастики широко распространено сокращение «АБС», означающее имена **Аркадия Натановича и Бориса Натановича Стругацких**. Интересно, что встречается оно не только в разговорной речи, но и в электронных и печатных изданиях.

АБС — это тандем двух братьев, вошедших своими произведениями в классику мировой фантастики. «Братья по разуму» — так часто называли их почитатели таланта. Их книги о будущем, о мире и о человеке для многих стали верными путеводителями. Многие читатели во времена СССР именно в книгах Стругацких, зачастую просто самостоятельно перепечатанных или переписанных от руки, находили ответы на вечные вопросы жизни.

Путь в литературу у каждого из них был свой, ведь братья получили разное образование. Аркадий Натанович окончил Военный институт иностранных языков, став переводчиком-японистом. Он переводил для печати Кубо Абэ и других японских писателей, а «для себя» — произведения англичан Джона Бойнтона Пристли и Редьярда Киплинга. А Борис Натанович был по специальности астрономом, изучал небесные тела и образованные ими системы, работал в Пулковской обсерватории г. Ленинграда (сейчас — Санкт-Петербург). Но ещё с детства их объединяла огромная любовь к книгам. Во многом своей начитанностью они были обязаны семье: мама-учительница и отец-искусствовед, ещё в раннем воз-

расте сумели открыть своим детям всю магию чтения художественных книг.

Поэтому неудивительно, что с конца 50-х годов главным делом их жизни стала литература. За несколько лет они достигли невероятной популярности. Уже первые их произведения — повесть *«Извне»* и роман *«Страна багровых туч»* — быстро завоевали признание у читателей.

Изначально братья разделяли характерные для 60-х годов XX столетия оптимизм и веру в социальный прогресс. Но постепенно они стали задаваться вопросами: «На чём основан этот оптимизм? Во что именно мы верим? Какое оно — “светлое будущее”, к которому мы стремимся?». К сожалению, на многие из этих вопросов в то время в СССР был запрет, поэтому неудивительно, что со второй половины 1960-х годов их произведения признали опасными и перестали печатать. Так, например, произошло с романом *«Улитка на склоне»* и сатирической повестью *«Сказка о Тройке»*. Однако именно острые вопросы, которые поднимали писатели в своих произведениях, и вызывали огромный читательский интерес к творчеству АБС. Они учили думать и сохранять человеческое достоинство, несмотря на действующий политический режим. Их книги буквально исчезали из библиотек, по рукам ходили многочисленные фото- и ксерокопии как запрещённых, так и уже неоднократно изданных повестей.

В 1964 году вышла одна из самых известных книг писателей — *«Трудно быть богом»*. Повесть имела невероятный успех. Известен также факт, что она побывала и на космической орбите. Это лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Георгий Гречко взял её с собой в свой первый космический полёт.

На рубеже 1970–1980-х годов к братьям Стругацким пришло и официальное признание. Их тексты стали печатать, по ним начали создавать художественные фильмы. В эти годы появляются такие произведения, как *«Обитаемый Остров»*, *«Пикник на обочине»*, *«Парень из преисподней»*, *«Гадкие лебеди»*, *«Град обречённый»* и др.

Интересно, что, как и многие писатели-фантасты, они предвидели некоторые события и явления будущего. Так, задолго до запуска космических аппаратов предсказали существование колец у всех планет-гигантов, а не только у Сатурна, как

считалось раньше. В повести «*Понедельник начинается в субботу*» Стругацкие описали Большой Всепланетный Информаторий — прототип современной универсальной интернет-энциклопедии Википедии. В романе «*Хищные вещи века*» они предугадали появление современной игры — пейнтбола, которую в произведении назвали «ляпником», а также рассказали об устройстве *Bluetooth* (в тексте — «серьга-приёмник»).

Мир братьев Стругацких оставил нам задачи, которые ещё только ждут своих решений. Нам ещё необходимо осмыслить много горьких истин и мудрых мыслей АБС. Вот лишь некоторые из них: «Бог — в человеке, или его нет нигде»; «Человек создан для того, чтобы мыслить»; «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят чёрные»; «Тысячелетия глядят на нас с надеждой, что мы не озвереем, не станем сволочью, рабами паханов и фюреров»; «Нет на свете ничего такого, чего нельзя было бы исправить»; «Думать — это не развлечение, а обязанность...».

Следует подчеркнуть, что у АБС слова не расходились с делом. Воспитывая своими произведениями думающего человека, они и сами, конечно, были критически мыслящими людьми с активной гражданской позицией. Так, например, Борис Натанович, переживший своего брата на 11 лет, до последних дней жизни выступал против реанимирования имени и деяний Сталина в России, призывал освободить тех, кто был осуждён по политическим мотивам.

Как настоящие маги, братья Стругацкие много думали о других, и поэтому вошли в этот мир не только как авторы фантастических произведений, но и как писатели, которым удалось сформировать определённую систему взглядов, воспитать тысячи творческих читателей, способных критически мыслить и отстаивать свои взгляды.

А это не так уж и мало, согласитесь...

1. Подготовьте сообщение о жизни и творчестве братьев Стругацких.
2. Расспросите своих родителей и знакомых о том, что им известно о писателях-фантастах Стругацких.
3. Прокомментируйте название и эпиграф к этой статье.
4. Выберите одно из изречений АБС и аргументированно подтвердите или опровергните его.

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ (Отрывки)

То были дни, когда я познал, что значит:
страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться.
Пьер Абеляр¹

Должен вас предупредить вот о чём.
Выполняя задание, вы будете при оружии
для поднятия авторитета. Но пускать его в
ход вам не разрешается ни при каких об-
стоятельствах. Ни при каких обстоятель-
ствах. Вы меня поняли?

Эрнест Хемингуэй²

Действие происходит в будущем на одной из обитаемых планет, в государстве Арканар, цивилизация которого находится на уровне развития, соответствующем земному Средневековью. За этой цивилизацией наблюдают посланцы с Земли — сотрудники Института экспериментальной истории. Их действия определяются стратегией «*бескровного воздействия*», согласно которой земные агенты, прекрасно развитые физически и безупречно владеющие оружием, не могут напрямую вмешиваться в ход истории Арканара и, тем более, применять силу. Среди них — разведчик Антон, живущий под именем благородного дона Руматы Эсторского. В Арканарском королевстве происходят страшные вещи: серые штурмовики ловят и убивают любого, кто так или иначе выделяется из серой массы. Руководит этим дон Рэба.

[...] У поворота дороги от кустов отделилась тёмная фигура. Жеребец шарахнулся, задирая голову. Румата подхватил поводья, привычно подёрнул на правой руке кружева и по-

Трудно быть богом

Александр Спивак.

Обложка к роману
«Трудно быть богом» (1988)

¹ Пьер Абеляр (1079–1142) — французский философ, поэт, музыкант.

² Эрнест Хемингуэй (1899–1961) — американский писатель, журналист.

ложил ладонь на рукоятку меча, всматриваясь. Человек у дороги снял шляпу.

— Добрый вечер, благородный дон, — тихо сказал он. — Прошу извинения.

— В чём дело? — осведомился Румата, прислушиваясь...

— Разрешите мне бежать рядом с вами? — сказал он, кланяясь.

— Изволь, — сказал Румата, шевельнув поводьями. — Можешь взяться за стремя.

Горожанин пошёл рядом. Он держал шляпу в руке, и на его темени светлела изрядная лысина. Приказчик, подумал Румата. Ходит по баронам и прасолам, скупает лён или пеньку. Смелый приказчик, однако... А может быть, и не приказчик. Может быть, книгочей. Беглец. Изгой. Сейчас их много на ночных дорогах, больше чем приказчиков... А может быть, шпион.

— Кто ты такой и откуда? — спросил Румата.

— Меня зовут Киун, — печально сказал горожанин. — Я иду из Арканара.

— Бежишь из Арканара, — сказал Румата, наклонившись.

— Бегу, — печально согласился горожанин.

Чудак какой-то, подумал Румата. Или всё-таки шпион? Надо проверить... А почему, собственно, надо? Кому надо? Кто я такой, чтобы его проверять? Да не желаю я его проверять! Почему бы мне просто не поверить? Вот идёт горожанин, явный книгочей, бежит, спасая жизнь... Ему одиноко, ему страшно, он слаб, он ищет защиты... Встретился ему аристократ. Аристократы по глупости и из спеси в политике не разбираются, а мечи у них длинные, и серых они не любят. Почему бы горожанину Киуну не найти бескорыстную защиту у глупого и спесивого аристократа? И всё. Не буду я его проверять. Незачем мне его проверять. Поговорим, скоротаем время, расстанемся друзьями. [...]

Впереди сквозь кустарник мелькнули огоньки корчмы Скелета Бако. Киун споткнулся и замолчал.

— Что случилось? — спросил Румата.

— Там серый патруль, — пробормотал Киун.

— Ну и что? — сказал Румата. — Послушай лучше ещё одно рассуждение, почтенный Киун. Мы любим и ценим этих простых, грубых ребят, нашу серую боевую скотину. Они нам нужны. Отные простолюдин должен держать язык за зубами, если не хочет вывешивать его на виселице! — Он захохотал, потому что сказано было отменно — в лучших традициях серых казарм.

Киун съёжился и втянул голову в плечи.

— Язык простолюдина должен знать своё место. Бог дал простолюдину язык вовсе не для разглагольствований, а для лизания сапог своего господина, каковой господин положен простолюдину от века...

У коновязи перед корчмой топтались осёдланные кони серого патруля. Из открытого окна доносилась азартная хрипкая брань. Стучали игральные кости. В дверях, загораживая проход чудовищным брюхом, стоял сам Скелет Бако в драной кожаной куртке, с засученными рукавами. В мохнатой лапе он держал тесак — видимо, только что рубил собачину для похлёбки, вспотел и вышел отдышаться. На ступеньках сидел, пригорюнясь, серый штурмовик, поставив боевой топор между коленей. Рукоять топора стянула ему физиономию набок. Было видно, что ему томно с перепоя. За метив всадника, он подобрал слюни и сипло взревел:

— С-стой! Как там тебя... Ты, бла-ародный!..

Румата, выпятив подбородок, проехал мимо, даже не покосившись.

— ...А если язык простолюдина лижет не тот сапог, — громко говорил он, — то язык этот надлежит удалить напрочь, ибо сказано: «Язык твой — враг мой»...

Киун, прячась за круп лошади, широко шагал рядом. Краем глаза Румата видел, как блестит от пота его лысина.

— Стой, говорят! — заорал штурмовик.

Было слышно, как он, гремя топором, катится по ступеням, поминая разом бога, чёрта и всякую благородную сволочь.

Человек пять, подумал Румата, поддёргивая манжеты. Пьяные мясники. Вздор.

Они миновали корчму и свернули к лесу.

— Я мог бы идти быстрее, если надо, — сказал Киун неестественно твёрдым голосом.

— Вздор! — сказал Румата, осаживая жеребца. — Было бы скучно проехать столько миль и ни разу не подраться. Неужели тебе никогда не хочется подратиться, Киун? Всё разговоры, разговоры...

— Нет, — сказал Киун. — Мне никогда не хочется драться.

— В том-то и беда, — пробормотал Румата, поворачивая жеребца и неторопливо натягивая перчатки.

Из-за поворота выскочили два всадника и, увидев его, разом остановились.

— Эй ты, благородный дон! — закричал один. — А ну, предъяви подорожную!

— Хамьё! — стеклянным голосом произнёс Румата. — Вы же неграмотны, зачем вам подорожная?

Он толкнул жеребца коленом и рысью двинулся навстречу штурмовикам. Трусят, подумал он. Мнутся... Ну хоть пару оплеух! Нет... Ничего не выйдет. Так хочется разрядить ненависть, накопившуюся за сутки, и, кажется, ничего не выйдет. Останемся гуманными, всех простим и будем спокойны, как боги. Пусть они режут и оскверняют, мы будем спокойны, как боги. Богам спешить некуда, у них впереди вечность...

Он подъехал вплотную. Штурмовики неуверенно подняли топоры и попятиться.

— Н-ну? — сказал Румата.

— Так это, значит, что? — растерянно сказал первый штурмовик. — Так это, значит, благородный дон Румата?

Второй штурмовик сейчас же повернул коня и галопом умчался прочь. Первый всё пятился, опустив топор.

— Прощенья просим, благородный дон, — скороговоркой говорил он. — Обознались. Ошибочка произошла. Дело государственное, ошибки всегда возможны. Ребята малость подпили, горят рвением... — Он стал отъезжать боком. — Сами понимаете, время тяжёлое... Ловим беглых грамотеев. Нежелательно бы нам, чтобы жалобы у вас были, благородный дон...

Румата повернулся к нему спиной.

— Благородному дону счастливого пути! — с облегчением сказал вслед штурмовик.

Когда он уехал, Румата негромко позвал:

— Киун!

Никто не отозвался.

— Эй, Киун!

И опять никто не отозвался. Прислушавшись, Румата различил сквозь комариный звон шорох кустов. Киун торопливо пробирался через поле на запад, туда, где в двадцати милях проходила ируканская граница. Вот и всё, подумал Румата. Вот и весь разговор. Всегда одно и то же. Проверка, настороженный обмен двусмысленными притчами... Целыми неделями тратишь душу на пошлую болтовню со всяким отребьем, а, когда встречаешь настоящего человека, поговорить нет времени. Нужно прикрыть, спасти, отправить в безопасное место, и он уходит, так и не поняв, имел ли дело с другом или с капризным выродком. Да и сам ты ничего не узнаешь о нём. Чего он хочет, что может, зачем живёт...

Он вспомнил вечерний Арканар. Добротные каменные дома на главных улицах, приветливый фонарик над входом в таверну, благодушные, сытые лавочники пьют пиво за чистыми столами и рассуждают о том, что мир совсем не плох, цены на хлеб падают, цены на латы растут, заговоры раскрываются вовремя, колдунов и подозрительных книжечеев сажают на кол, король по обыкновению велик и светел, а дон Рэба безгранично умён и всегда начеку. «Выдумают, надо же!.. Мир круглый! По мне хоть квадратный, а умов не мути!..», «От грамоты, от грамоты всё идёт, братья! Не в деньгах, мол, счастье, мужик, мол, тоже человек, дальше — больше, оскорбительные стишки, а там и бунт...», «Всех их на кол, братья!.. Я бы делал что? Я бы прямо спрашивал: грамотный? На кол тебя! Стишки пишешь? На кол! Таблицы знаешь? На кол, слишком много знаешь!», «Вина,

пышку, ещё три кружечки и порцию тушёного кролика!» А по булыжной мостовой — грррум, грррум, грррум — стучат коваными сапогами коренастые, красномордые парни в серых рубахах, с тяжёлыми топорами на правом плече. «Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят? Да ни в жисть! А мой-то, мой-то... На правом фланге! Вчера ещё его порол! Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, благосостояние, незыблемое спокойствие и справедливость. Ура, серые роты! Ура, дон Рэба! Слава королю нашему! Эх, братья, жизнь-то какая пошла чудесная!..»

А по тёмной равнине королевства Арканарского, озаряемой заревами пожаров и искрами лучин, по дорогам и тропкам, изъеденные комарами, со сбитыми в кровь ногами, покрытые потом и пылью, измученные, перепуганные, убитые отчаянием, но твёрдые как сталь в своём единственном убеждении, бегут, идут, бредут, обходя заставы, сотни несчастных, объявленных вне закона за то, что они умеют и хотят лечить и учить свой изнурённый болезнями и погрязший в невежестве народ; за то, что они, подобно богам, создают из глины и камня вторую природу для украшения жизни не знающего красоты народа; за то, что они проникают в тайны природы, надеясь поставить эти тайны на службу своему неумелому, запуганному старинной чертовщиной народу... Беззащитные, добрые, непрактичные, далеко обогнавшие свой век...

[...] Во дворе тихонько ржанул и переступил копытами хамарский жеребец. Послышалось низкое ровное гудение, до слёз знакомое и совершенно здесь невероятное. Румата вслушивался, приоткрыв рот. Гудение оборвалось, язычок пламени над светильником заколебался и вспыхнул ярче. Румата стал подниматься, и в ту же минуту из ночной темноты в комнату шагнул дон Кондор, Генеральный судья и Хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, вице-президент Конференции двенадцати негодантов и кавалер имперского Ордена Десницы Милосердной.

Румата вскочил, едва не опрокинув скамью. Он готов был броситься, обнять, расцеловать его в обе щёки, но ноги, следуя этикету, сами собой согнулись в коленях, шпоры торжественно звякнули, правая рука описала широкий полукруг от сердца и в сторону, а голова нагнулась так, что подбородок утонул в пенно-кружевных брыжах. Дон Кондор сорвал бархатный берет с простым дорожным пером, торопливо, как бы отгоняя комаров, махнул им в сторону Руматы, а затем, швырнув берет на стол, обеими руками растегнул у шеи застёжки плаща. Плащ ещё медленно падал у него за спиной, а он уже сидел на скамье, раздвинув ноги, оперев левую руку в бок, а отставленной правой держась за эфес золочёного меча, вонзённого в гнилые доски пола. Был он маленький, худой, с

большими выпуклыми глазами на узком бледном лице. Его чёрные волосы были схвачены таким же, как у Руматы, массивным золотым обручем с большим зелёным камнем над переносицей.

— Вы один, дон Румата? — спросил он отрывисто.

— Да, благородный дон, — грустно ответил Румата...

— Я прилетел, — сказал он.

— Будем надеяться, — сказал Румата, — что вас не видели.

— Легендой больше, легендой меньше, — раздражённо сказал дон Кондор.

— У меня нет времени на путешествия верхом. Что случилось с Будахом? Куда он делся? Да сядьте же, дон Румата, прошу вас! У меня болит шея.

Румата послушно опустился на скамью.

— Будах исчез, — сказал он. — Я ждал его в Урочище Тяжёлых Мечей. Но явился только одноглазый оборванец, назвал пароль и передал мне мешок с книгами. Я ждал ещё два дня, затем связался с доном Гугом, и дон Гуг сообщил, что проводил Будаха до самой границы и что Будаха сопровождает некий благородный дон, которому можно доверять, потому что он вдребезги проигрался в карты и продался дону Гугу телом и душой. Следовательно, Будах исчез где-то здесь, в Арканаре. Вот и всё, что мне известно.

— Не много же вы знаете, — сказал дон Кондор.

— Не в Будахе дело, — возразил Румата. — Если он жив, я его найду и вытащу. Это я умею. Не об этом я хотел с вами говорить. Я хочу ещё и ещё раз обратить ваше внимание на то, что положение в Арканаре выходит за пределы базисной теории... — На лице дона Кондора появилось кислое выражение. — Нет уж, вы меня выслушайте, — твёрдо сказал Румата. — Я чувствую, что по радио я с вами никогда не объяснюсь. А в Арканаре всё переменялось! Возник какой-то новый, систематически действующий фактор. И выглядит это так, будто дон Рэба сознательно натравливает на учёных всю серость в королевстве. Всё, что хоть ненамного поднимается над средним серым уровнем, оказывается под угрозой. Вы слушайте, дон Кондор, это не эмоции, это факты! Если ты умён, образован, сомневаешься, говоришь непривычное — просто не пьёшь вина, наконец! — ты под угрозой. Любой лавочник вправе затравить тебя хоть насмерть. Сотни и тысячи людей объявлены вне закона. Их ловят штурмовики и развешивают вдоль дорог. Голых, вверх ногами... Вчера на моей улице забили сапогами старика, узнали, что он грамотный. Топтали, говорят, два часа, тупые, с потными звериными мордами... — Румата сдержался и закончил спокойно: — Одним словом, в Арканаре скоро не останется ни одного грамотного. Как в Области Святого Ордена после Барканской резни.

Дон Кондор пристально смотрел на него, поджав губы.

— Ты мне не нравишься, Антон, — сказал он по-русски.

— Мне тоже многое не нравится, Александр Васильевич, — сказал Румата.

— Мне не нравится, что мы связали себя по рукам и ногам самой постановкой проблемы. Мне не нравится, что она называется Проблемой Бескровного Воздействия. Потому что в моих условиях это научно обоснованное бездействие... Я знаю все ваши возражения! И я знаю теорию. Но здесь нет никаких теорий, здесь типично фашистская практика, здесь звери ежеминутно убивают людей! Здесь всё бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Не горячись. Я верю, что положение в Арканаре совершенно исключительное, но я убеждён, что у тебя нет ни одного конструктивного предложения.

— Да, — согласился Румата, — конструктивных предложений у меня нет. Но мне очень трудно держать себя в руках.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Нас здесь двести пятьдесят на всей планете. Все держат себя в руках, и всем это очень трудно. Самые опытные живут здесь уже двадцать два года. Они прилетели сюда всего-навсего как наблюдатели. Им было запрещено вообще что бы ни было предпринимать. Представь себе это на минуту: запрещено вообще. Они бы не имели права даже спасти Будаха. Даже если бы Будаха топтали ногами у них на глазах.

— Не надо говорить со мной, как с ребёнком, — сказал Румата.

— Вы нетерпеливы, как ребёнок, — объявил дон Кондор. — А надо быть очень терпеливым.

Румата горестно усмехнулся.

— А пока мы будем выжидать, — сказал он, — примериваться да нацеливаться, звери ежедневно, ежеминутно будут уничтожать людей.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Во Вселенной тысячи планет, куда мы ещё не пришли и где история идёт своим чередом.

— Но сюда-то мы уже пришли!

— Да, пришли. Но для того, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб, уходи. Возвращайся домой. В конце концов ты действительно не ребёнок и знал, что здесь увидишь.

Румата молчал. Дон Кондор, какой-то обмякший и сразу постаревший, волоча меч за эфес, как палку, прошёлся вдоль стола, печально кивая носом.

— Всё понимаю, — сказал он. — Я же всё это пережил. Было время — это чувство бессилия и собственной подлости казалось мне самым страшным. Некоторые, послабее, сходили от этого с ума, их отправляли на землю и теперь лечат. Пятнадцать лет

понадобилось мне, голубчик, чтобы понять, что же самое страшное. Человеческий облик потерять страшно, Антон. Запачкать душу, ожесточиться. Мы здесь боги, Антон, и должны быть умнее богов из легенд, которых здешний люд творит кое-как по своему образу и подобию. А ведь ходим по краешку трясины. Оступился — и в грязь, всю жизнь не отмоешься. Горан Ируканский в «Истории Пришествия» писал: «Когда бог, спустившись с неба, вышел к народу из Питанских болот, ноги его были в грязи».

[...] Румата вышел из дворца и направился в порт. Он шёл, оглябая лужи и перепрыгивая через рытвины, полные зацветшей водой, бесцеремонно расталкивая зазевавшихся простолюдинов, подмигивая девушкам, на которых внешность его производила, по-видимому, неотразимое впечатление, раскланивался с дамами, которых несли в портшезах, дружески здоровался со знакомыми дворянами и нарочито не замечал серых штурмовиков.

Он сделал небольшой крюк, чтобы зайти в Патриотическую школу. Школа эта была учреждена иждивением дона Рэбы два года назад для подготовки из мелкопоместных и купеческих недорослей военных и административных кадров. Дом был каменный, современной постройки, без колонн и барельефов, с толстыми стенами, с узкими бойницеобразными окнами, с полукруглыми башнями по сторонам главного входа. В случае надобности в доме можно было продержаться.

По узким ступеням Румата поднялся на второй этаж и, звеня шпорами по камню, направился мимо классов к кабинету прокуратора школы. Из классов несло жужжание голосов, хоровые выкрики. «Кто есть король? Светлое величество. Кто есть министры? Верные, не знающие сомнений...», «... И бог, наш создатель, сказал: “Проклянута”. И проклял...», «... А ежели рожок дважды протрубит, рассыпаться по двое как бы цепью, опустив притом пики...», «...Когда же пытаемый впадает в беспамятство, испытание, не улекаясь, прекратить...»

Школа, думал Румата. Гнездо мудрости. Опора культуры...

Он, не стучась, толкнул низкую сводчатую дверь и вошёл в кабинет, тёмный и ледяной, как погреб. Навстречу из-за огромного стола, заваленного бумагой и тростями для наказаний, выскочил длинный угловатый человек, лысый, с провалившимися глазами, затянутый в узкий серый мундир с нашивками министерства охраны короны. Это и был прокуратор Патриотической школы высокоучёный отец Кин — садист-убийца, постригшийся в монахи, автор «Трактата о доносе», обратившего на себя внимание дона Рэбы.

Небрежно кивнув в ответ на витиеватое приветствие, Румата сел в кресло и положил ногу на ногу. Отец Кин остался стоять, согнувшись в позе почтительного внимания.

— Ну, как дела? — спросил Румата благосклонно. — Одних грамотеев режем, других учим?

Отец Кин осклабился.

— Грамотей не есть враг короля, — сказал он. — Враг короля есть грамотей-мечтатель, грамотей усомнившийся, грамотей неверящий! Мы же здесь...

— Ладно, ладно, — сказал Румата. — Верю. Что пописываешь? Читал я твой трактат — полезная книга, но глупая. Как же это ты? Нехорошо. Прокуратор!..

— Не умом поразить тщился, — с достоинством ответил отец Кин. — Единственно, чего добивался, успеть в государственной пользе. Умные нам не надобны. Надобны верные. И мы...

— Ладно, ладно, — сказал Румата. — Верю. Так пишешь что новое или нет?

— Собираюсь подать на рассмотрение министру рассуждение о новом государстве, образцом коего полагаю Область Святого Ордена.

— Это что же ты? — удивился Румата. — Всех нас в монахи хочешь?..

Отец Кин стиснул руки и подался вперёд.

— Разрешите пояснить, благородный дон, — сказал он, облизнув губы. — Суть совсем в ином! Суть в основных установлениях нового государства. Установления просты, и их всего три: слепая вера в непогрешимость законов, беспрекословное оным повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми!

— Гм, — сказал Румата. — А зачем?

— Что «зачем»?

— Глуп ты всё-таки, — сказал Румата. — Ну ладно, верю. Так о чём это я?.. Да! Завтра ты примешь двух новых наставников. Их зовут: отец Тарра, очень почтенный старец, занимается этой... космографией, и брат Нанин, тоже верный человек, силён в истории. Это мои люди, и прими их почтительно. Вот залог. — Он бросил на стол звякнувший мешочек. — Твоя доля здесь — пять золотых... Всё понял?

— Да, благородный дон, — сказал отец Кин.

Румата зевнул и огляделся.

[...] Румата остановился перед таверной и хотел было зайти, но обнаружил, что у него пропал кошелёк. Он стоял перед входом в полной растерянности (он никак не мог привыкнуть к таким вещам, хотя это случилось с ним не впервые) и долго шарил по всем карманам. Всего было три мешочка, по десятку золотых в каждом. Один получил прокуратор, отец Кин, другой получил Вага. Третий исчез. В карманах было пусто, с левой штанины были аккуратно срезаны все золотые бляшки, а с пояса исчез кинжал.

Тут он заметил, что неподалёку остановились двое штурмовиков, глазают на него и скалят зубы. Сотруднику Института было на это наплевать, но благородный дон Румата Эсторский осатанел. На секунду он потерял контроль над собой. Он шагнул к штурмовикам, рука его непроизвольно поднялась, сжимаясь в кулак. Видимо, лицо его изменилось страшно, потому что насмешники шарахнулись и с застывшими, как у паралитиков, улыбками торопливо юркнули в таверну.

Тогда он испугался. Ему стало так страшно, как было только один раз в жизни, когда он — в то время ещё сменный пилот рейсового звездолёта — ощутил первый приступ малярии. Неизвестно, откуда взялась эта болезнь, и уже через два часа его с удивлёнными шутками и прибаутками вылечили, но он навсегда запомнил потрясение, испытанное им, совершенно здоровым, никогда не болевшим человеком, при мысли о том, что в нём что-то разладилось, что он стал ущербным и словно бы потерял единоличную власть над своим телом.

Я же не хотел, подумал он. У меня и в мыслях этого не было. Они же ничего особенного не делали — ну, стояли, ну, скалили зубы... Очень глупо скалили, но у меня, наверное, был ужасно нелепый вид, когда я шарил по карманам. Ведь я их чуть не зарубил, вдруг понял он. Если бы они не убрались, я бы их зарубил. Он вспомнил, как совсем недавно на пари разрубил одним ударом сверху донизу чучело, одетое в двойной соанский панцирь, и по спине у него побежали мурашки... Сейчас бы они валялись вот здесь, как свиные туши, а я бы стоял с мечом в руке и не знал, что делать... Вот так бог! Озверел...

Он почувствовал вдруг, что у него болят все мышцы, как после тяжёлой работы. Ну-ну, тихо, сказал он про себя. Ничего страшного. Всё прошло. Просто вспышка. Мгновенная вспышка, и всё уже прошло. Я же всё-таки человек, и всё животное мне не чуждо... Это просто нервы. Нервы и напряжение последних дней... А главное — это ощущение наползающей тени. Непонятно, чья, непонятно, откуда, но она наползает и наползает совершенно неотвратимо... Эта неотвратимость чувствовалась по всёму. И в том, что штурмовики, которые ещё совсем недавно трусливо жались к казармам, теперь с топорами наголо свободно разгуливают прямо посередине улиц, где раньше разрешалось ходить только благородным донам. И в том, что исчезли из города уличные певцы, рассказчики, плясуны, акробаты. И в том, что горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьёзными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства. И в том, что внезапно и необъяснимо был закрыт порт. И в том, что были разгромлены и сожжены «возмущённым народом» все лавочки,

торгующие раритетами, — единственные места в королевстве, где можно было купить или взять на время книги и рукописи на всех языках Империи и на древних, ныне мёртвых, языках аборигенов Запроливья. И в том, что украшение города, сверкающая башня астрологической обсерватории, торчала теперь в синем небе чёрным гнилым зубом, спалённая «случайным пожаром». И в том, что потребление спиртного за два последних года выросло в четыре раза — в Арканаре-то, издревле славившемся безудержным пьянством! И в том, что привычно забитые, замордованные крестьяне окончательно зарылись под землю в своих Благорастворениях, Райских Кущах и Воздушных Лобзаниях, не решаясь выходить из землянок даже для необходимых полевых работ. И, наконец, в том, что старый стервятник Вага Колесо переселился в город, чуя большую поживу... Где-то в недрах дворца, в роскошных апартаментах, где подагрический король, двадцать лет не видевший солнца из страха перед всем на свете, сын собственного прадеда, слабоумно хихикая, подписывает один за другим жуткие приказы, обрекающие на мучительную смерть самых честных и бескорыстных людей, где-то там вызревал чудовищный гнойник, и прорыва этого гнойника надо было ждать не сегодня-завтра...

[...] Когда Румата пнул дверь своего дома и вошёл в великолепную обветшавшую прихожую, он был мрачен, как туча. Муга, седой, сгорбленный слуга с сорокалетним лакейским стажем, при виде его съёжился и только смотрел, втянув голову в плечи, как свирепый молодой хозяин срывает с себя шляпу, плащ и перчатки, швыряет на лавку перевязи с мечами и поднимается в свои покои. В гостиной Румату ждал мальчик Уно.

— Вели подать обедать, — прорычал Румата. — В кабинет.

Мальчик не двинулся с места.

— Вас там дожидаются, — угрюмо сообщил он.

— Кто ещё?

— Девка какая-то. А может, дона. По обращению вроде девка — ласковая, а одета по-благородному... Красивая.

Кира, подумал Румата с нежностью и облегчением. Ох, как славно! Как чувствовала, маленькая моя... Он постоял, закрыв глаза, собираясь с мыслями.

— Прогнать, что ли? — деловито спросил мальчик.

— Балда ты, — сказал Румата. — Я тебе прогоню!.. Где она?

— Да в кабинете, — сказал мальчик, неумело улыбаясь.

Румата скорым шагом направился в кабинет.

— Вели обед на двоих, — приказал он на ходу. — И смотри: никого не пускать! Хоть король, хоть чёрт, хоть сам дон Рэба...

Она была в кабинете, сидела с ногами в кресле, подпершись кулачком, и рассеянно перелистывала «Трактат о слухах». Когда

он вошёл, она вскинулась, но он не дал ей подняться, подбежал, обнял и сунул нос в пышные душистые её волосы, бормоча: «Как кстати, Кира!.. Как кстати!..»

Ничего в ней особенного не было. Девчонка как девчонка, семнадцать лет, курносенькая, отец — помощник писца в суде, брат — сержант у штурмовиков. И замуж её медлили брать, потому что была рыжая, а рыжих в Арканаре не жаловали. По той же причине была она на удивление тиха и застенчива, и ничего в ней не было от горластых, пышных мещанок, которые очень ценились во всех сословиях. Не была она похожа и на томных придворных красавиц, слишком рано и на всю жизнь познающих, в чём смысл женской доли. Но любить она умела, как любят сейчас на Земле, — спокойно и без оглядки. [...]

— Я не могла дома. Я больше не вернусь домой. Можно, я у тебя служанкой буду? Даром.

Румата просмеялся сквозь комок в горле.

— Отец каждый день доносы переписывает, — продолжала она с тихим отчаянием. — А бумаги, с которых переписывает, все в крови. Ему их в Весёлой Башне дают. И зачем ты только меня читать научил? Каждый вечер, каждый вечер... Перепишет пыточную запись — и пьёт... Так страшно, так страшно!.. «Вот, — говорит, — Кира, наш сосед-каллиграф учил людей писать. Кто, ты думаешь, он есть? Под пыткой показал, что колдун и ируканский шпион. Кому же, — говорит, — теперь верить? Я, — говорит, — сам у него письму учился». А брат придёт из патруля — пьяней пива, руки все в засохшей крови... «Всех, — говорит, — вырежем до двенадцатого потомка...» Отца допрашивает, почему, мол, грамотный... Сегодня с приятелями затащил в дом какого-то человека... Били его, всё кровью забрызгали. Он уж и кричать перестал. Не могу я так, не вернусь, лучше убей меня!..

Румата встал возле неё, глядя по волосам. Она смотрела в одну точку блестящими сухими глазами. Что он мог ей сказать? Поднял на руки, отнёс на диван, сел рядом и стал рассказывать про хрустальные храмы, про весёлые сады на много миль без гнилья, комаров и нечисти, про скатерть-самобранку, про ковры-самолёты, про волшебный город Ленинград, про своих друзей — людей гордых, весёлых и добрых, про дивную страну за морями, за горами, которая называется по-странному — Земля... Она слушала тихо и внимательно и только крепче прижималась к нему, когда под окнами на улице — грррум, грррум, грррум, грррум — протопывали подкованные сапоги.

Было в ней чудесное свойство: она свято и бескорыстно верила в хорошее. Расскажи такую сказку крепостному мужику — хмыкнет с сомнением, утрёт рукавом соплю да и пойдёт, ни слова не говоря,

только оглядываясь на доброго, трезвого, да только — эх, беда-то какая! — тронутого умом благородного дона. Начни такое рассказывать дону Тамэо с доном Сэра — не дослушают: один заснёт, а другой, рыгнув, скажет: «Это, — скажет, — очень всё бла-ародно, а вот как там насчёт баб?..» А дон Рэба выслушал бы до конца внимательно, а выслушав, мигнул бы штурмовичкам, чтобы заломили благородному дону локти к лопаткам да выяснили бы точно, от кого благородный дон сих опасных сказок наслушался да кому уже успел их рассказать...

Когда она заснула, успокоившись, он поцеловал её в спокойное спящее лицо, накрыл зимним плащом с меховой опушкой и на цыпочках вышел, притворив за собой противно скрипнувшую дверь. Пройдя по тёмному дому, спустился в людскую и сказал, глядя поверх склонившихся в поклоне голов:

— Я взял домоправительницу. Имя ей Кира. Жить будет наверху, при мне. Комнату, что за кабинетом, завтра же прибрать тщательно. Домоправительницу слушаться, как меня. — Он обвёл слуг глазами: не скалился ли кто. Никто не скалился, слушали с должной почтительностью. — А если кто болтать за воротами станет, язык вырву!

[...] Мне теперь уже не до теории, подумал Румата. Я знаю только одно: человек есть объективный носитель разума, всё, что мешает человеку развивать разум, — зло, и зло это надлежит устранять в кратчайшие сроки и любым путём. Любым? Любым ли?.. Нет, наверное, не любым. Или любым? Слунтяй! — подумал он про себя. — Надо решаться. Рано или поздно всё равно придётся решаться...

Румата всё смотрел на замёрзший во мраке город. Где-то там, в вонючей каморке, скорчившись на жалком ложе, горел в лихорадке изувеченный отец Тарра, а брат Нанин сидел возле него за колченогим столиком, пьяный, весёлый и злой, и заканчивал свой «Трактат о слухах», с наслаждением маскируя казёнными периодами яростную насмешку над серой жизнью. Где-то там слепо бродил в пустых роскошных апартаментах Гур Сочинитель, с ужасом ощущая, как, несмотря ни на что, из глубин его растерзанной, растоптанной души возникают под напором чего-то неведомого и прорываются в сознание яркие миры, полные замечательных людей и потрясающих чувств. И где-то там неведомо как коротал ночь надломленный, поставленный на колени доктор Будах, затравленный, но живой... Братья мои, подумал Румата. Я ваш, мы плоть от плоти вашей! С огромной силой он вдруг почувствовал, что никакой он не бог, ограждающий в ладонях светлячков разума, а брат, помогающий брату, сын, спасающий отца. «Я убью дону Рэбу». — «За что?» — «Он убивает моих братьев». — «Он не ведает, что

творит». — «Он убивает будущее». — «Он не виноват, он сын своего века». — «То есть, он не знает, что он виноват? Но мало ли чего он не знает? Я, я знаю, что он виноват». — «А что ты сделаешь с отцом Цупиком? Отец Цупик многое бы дал, чтобы кто-нибудь убил дону Рэбу. Молчишь? Многих придётся убивать, не так ли?» — «Не знаю, может быть и многих. Одного за другим. Всех, кто поднимет руку на будущее». — «Это уже было. Травили ядом, бросали самодельные бомбы. И ничего не менялось». — «Нет, менялось. Так создавалась стратегия революции». — «Тебе не нужно создавать стратегию революции. Тебе ведь хочется просто убить». — «Да, хочется». — «А ты умеешь?» — «Вчера я убил дону Окану. Я знал, что убиваю, ещё когда шёл к ней с пером за ухом. И я жалею только, что убил без пользы. Так что меня уже почти научили». — «А ведь это плохо. Это опасно. Помнишь Сергея Кожина? А Джорджа Лэнни? А Сабину Крюгер?» Румата провёл ладонью по влажному лбу. Вот так думаешь, думаешь, думаешь — и в конце концов выдумываешь порох...

Он вскочил и распахнул окно. Кучки огней в тёмном городе пришли в движение, распались и потянулись цепочками, появляясь и исчезая между невидимыми домами. Какой-то звук возник над городом — отдалённый многоголосый вой. Вспыхнули два пожара и озарили соседние крыши. Что-то запылало в порту. События начались. Через несколько часов станет понятно, что означает союз серых и ночных армий, противоестественный союз лавочников и грабителей с большой дороги, станет ясно, чего добивается дон Рэба и какую новую провокацию он задумал. Говоря проще: кого сегодня режут. Скорее всего началась ночь длинных ножей, уничтожение зарвавшегося серого руководства, попутное истребление находящихся в городе баронов и наиболее неудобных аристократов. Как там Пампа, подумал он. Только бы не спал — отобьётся...

Додумать ему не удалось. В дверь с истошным криком: «Отворите! Дежурный, отворите!» — забарабанили кулаками. Румата откинул засов. Ворвался полуодетый, сизый от ужаса человек, схватил Румату за отвороты камзола и закричал трясясь:

— Где принц? Будах отравил короля! Ируканские шпионы подняли бунт в городе! Спасайте принца!

Это был министр двора, человек глупый и крайне преданный. Оттолкнув Румату, он кинулся в спальню принца. Завизжали женщины. А в двери уже лезли, выставив ржавые топоры, потные мордастые штурмовики в серых рубахах. Румата обнажил мечи.

— Назад! — холодно сказал он.

За спиной из спальни донёсся короткий задавленный вопль. Плохо дело, подумал Румата. Ничего не понимаю. Он отскочил в угол и загородился столом. Штурмовики, тяжело дыша, заполняли

комнату. Их набралось человек пятнадцать. Вперёд протолкался лейтенант в серой тесной форме, клинок наголо.

— Дон Румата? — сказал он, задыхаясь. — Вы арестованы. Отдайте мечи.

Румата оскорбительно засмеялся.

— Возьмите, — сказал он, косясь на окно.

— Взять его! — рявкнул офицер.

Пятнадцать упитанных увальней с топорами не слишком много для человека, владеющего приёмами боя, которые станут известны здесь лишь три столетия спустя. Толпа накатила и откатилась. На полу осталось несколько топоров, двое штурмовиков скрючились и, бережно прижимая к животам вывихнутые руки, пролезли в задние ряды. Румата в совершенстве владел веерной защитой, когда перед нападающим сплошным сверкающим занавесом крутится сталь и кажется невозможным прорваться через этот занавес. Штурмовики, отдуваясь, нерешительно переглядывались. От них остро тянуло пивом и луком.

Румата отодвинул стол и осторожно пошёл к окну вдоль стены. Кто-то из задних рядов метнул нож, но промахнулся. Румата опять засмеялся, поставил ногу на подоконник и сказал:

— Сунетесь ещё раз — буду отрубать руки. Вы меня знаете...

Они его знали. Они его очень хорошо знали, и ни один из них не двинулся с места, несмотря на ругань и понукания офицера, державшегося, впрочем, тоже очень осторожно. Румата встал на подоконник, продолжая угрожать мечами, и в ту же минуту из темноты, со двора, в спину ему ударило тяжёлое копьё. Удар был страшен. Он не пробил металлопластовую рубашку, но сшиб Румату с подоконника и бросил на пол. Мечей Румата не выпустил, но толку от них уже не было никакого. Вся свора разом надела на него. Вместе они весили, наверное, больше тонны, но мешали друг другу, и ему удалось подняться на ноги. Он ударил кулаком в чьи-то мокрые губы, кто-то по-заячьи заверещал у него под мышкой, он бил и бил локтями, кулаками, плечами (давно он не чувствовал себя так свободно), но он не мог стряхнуть их с себя. С огромным трудом, волоча за собой кучу тел, он пошёл к двери, по дороге наклоняясь и отдирая вцепившихся в ноги штурмовиков. Потом он ощутил болезненный удар в плечо и повалился на спину, под ним бились задавленные, но снова встал, нанося короткие, в полную силу удары, от которых штурмовики, размахивая руками и ногами, тяжело шлёпались в стены; уже мелькало перед ним перекошенное лицо лейтенанта, выставившего перед собой разряженный арбалет, но тут дверь распахнулась, и навстречу ему полезли новые потные морды. На него накинули сеть, затащили на ногах верёвки и повалили.

Он сразу перестал отбиваться, экономя силы. Некоторое время его топтали сапогами — сосредоточенно, молча, сладострастно хакая. Затем схватили за ноги и поволокли. Когда его тащили мимо раскрытой двери спальни, он успел увидеть министра двора, приколотого к стене копьём, и ворох окровавленных простынь на кровати. «Так это переворот! — подумал он. — Бедный мальчик...» Его поволокли по ступенькам, и тут он потерял сознание. [...]

Румата сразу понял, куда он попал. Это был знакомый кабинет дон Рэбы в лиловых покоях. [...]

Румата невольно почесал в затылке. Вот это да, подумал он. Так вот для кого мостили дорогу несчастные лавочники. Вот это провокация! Дон Рэба торжествующе скалил зубы.

— Мы ещё не знакомы, — тем же лязгающим голосом продолжал он. — Позвольте представиться: наместник Святого Ордена в Арканарской области, епископ и боевой магистр раб божий Рэба!

А ведь можно было догадаться, думал Румата. Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят чёрные. Эх, историки, хвостом вас по голове... Но он заложил руки за спину и покачался с носков на пятку.

— Сейчас я устал, — сказал он брезгливо. — Я хочу спать. Я хочу помыться в горячей воде и смыть с себя кровь и слюни ваших головорезов. Завтра... точнее, сегодня... скажем, через час после восхода, я зайду в вашу канцелярию. Приказ на освобождение Будаха должен быть готов к этому времени.

— Их двадцать тысяч! — крикнул дон Рэба, указывая рукой в окно.

Румата поморщился.

— Немного тише, пожалуйста, — сказал он. — И запомните, Рэба: я отлично знаю, что никакой вы не епископ. Я вижу вас насквозь. Вы просто грязный предатель и неумелый дешёвый интриган... — Дон Рэба облизнул губы, глаза его остекленели.

Румата продолжал:

— Я беспощаден. За каждую подлость по отношению ко мне или к моим друзьям вы ответите головой. Я вас ненавижу, учтите это. Я согласен вас терпеть, но вам придётся научиться вовремя убираться с моей дороги. Вы поняли меня?

Дон Рэба торопливо сказал, просительно улыбаясь:

— Я хочу одного. Я хочу, чтобы вы были при мне, дон Румата. Я не могу вас убить. Не знаю, почему, но не могу.

— Бойтесь, — сказал Румата.

— Ну и боюсь, — согласился дон Рэба. — Может быть, вы дьявол. Может быть, сын бога. Кто вас знает? А может быть, вы человек из могущественных заморских стран: говорят, есть такие... Я даже не пытаюсь заглянуть в пропасть, которая вас извергла.

У меня кружится голова, и я чувствую, что впадаю в ересь. Но я тоже могу убить вас. В любую минуту. Сейчас. Завтра. Вчера. Это вы понимаете?

— Это меня не интересует, — сказал Румата.

— А что же? Что вас интересует?

— А меня ничто не интересует, — сказал Румата. — Я развлекаюсь. Я не дьявол и не бог, я кавалер Румата Эсторский, весёлый благородный дворянин, обременённый капризами и предрассудками и привыкший к свободе во всех отношениях. Запомнили?

Дон Рэба уже пришёл в себя. Он утёрся платочком и приятно улыбнулся.

— Я ценю ваше упорство, — сказал он. — В конце концов вы тоже стремитесь к каким-то идеалам. И я уважаю эти идеалы, хотя и не понимаю их. Я очень рад, что мы объяснились. Возможно, вы когда-нибудь изложите мне свои взгляды, и совершенно не исключено, что вы заставите меня пересмотреть мои. Люди склонны совершать ошибки. Может быть, я ошибаюсь и стремлюсь не к той цели, ради которой стоило бы работать так усердно и бескорыстно, как работаю я. Я человек широких взглядов, я вполне могу представить себе, что когда-нибудь стану работать с вами плечом к плечу...

— Там видно будет, — сказал Румата и пошёл к двери. Ну и слизняк! — подумал он. Также мне, сотрудничек. Плечом к плечу... [...]

А как у меня дома? — вспомнил вдруг он и ускорил шаги. Последний квартал он почти пробежал. Дом был цел. На ступеньках сидели двое монахов, капюшоны они откинули и подставили солнцу плохо выбритые головы. Увидев его, они встали. «Во имя господа», — сказали они хором. «Именем его, — отозвался Румата. — Что вам здесь надо?» Монахи поклонились, сложив руки на животе. «Вы пришли, и мы уходим», — сказал один. Они спустились со ступенек и неторопливо побрели прочь, ссутулившись и сунув руки в рукава. Румата поглядел им вслед и вспомнил, что тысячи раз он видел на улицах эти смиренные фигуры в долгополых чёрных рясах. Только раньше не волочились за ними в пыли ножны тяжелых мечей. Проморгали, ах, как проморгали! — подумал он. Какое это было развлечение для благородных донов — пристроиться к одиноко бредущему монаху и рассказывать друг другу через его голову пикантные истории. А я, дурак, притворяясь пьяным, плёлся позади, хохотал во всё горло и так радовался, что Империя не поражена хоть религиозным фанатизмом... А что можно было сделать? Да, что можно было сделать?

— Кто там? — спросил дребезжащий голос.

— Открой, Муга, это я, — сказал Румата негромко.

Загремели засовы, дверь приоткрылась, и Румата протиснулся в прихожую. Здесь всё было, как обычно, и Румата облегчённо

вдохнул. Старый, седой Муга, тряся головой, с привычной почти-тельностью потянулся за каской и мечами.

— Что Кира? — спросил Румата.

— Кира наверху, — сказал Муга. — Она здорова.

— Отлично, — сказал Румата, вылезая из перевязей с мечами. — А где Уно? Почему он не встречается меня?

Муга принял меч.

— Уно убит, — сказал он спокойно. — Лежит в людской.

Румата закрыл глаза.

— Уно убит... — повторил он. — Кто его убил?

Не дождавшись ответа, он пошёл в людскую. Уно лежал на столе, накрытый до пояса простынёй, руки его были сложены на груди, глаза широко открыты, рот сведён гримасой. Понурые слуги стояли вокруг стола и слушали, как бормочет монах в углу. Всхлипывала кухарка. Румата, не спуская глаз с лица мальчика, стал отстёгивать непослушными пальцами воротник камзола.

— Сволочи... — сказал он. — Какие все сволочи!..

Он качнулся, подошёл к столу, всмотрелся в мёртвые глаза, приподнял простыню и сейчас же снова опустил её.

— Да, поздно, — сказал он. — Поздно... Безнадёжно... Ах, сволочи! Кто его убил? Монахи?

Он повернулся к монаху, рывком поднял его и нагнулся над его лицом.

— Кто убил? — сказал он. — Ваши? Говори!

— Это не монахи, — тихо сказал за его спиной Муга. — Это серые солдаты... [...]

Было уже далеко за полдень, когда Кира пригласила благородного господина и его высокоучёного друга к столу. Доктор Будах, отмывшийся, переодетый во всё чистое, тщательно побритый, выглядел очень внушительно. Движения его оказались медлительными и исполнены достоинства, умные серые глаза смотрели благосклонно и даже снисходительно. Прежде всего он извинился перед Руматой за свою вспышку на площади. «Но вы должны меня понять, — говорил он. — Это страшный человек. Это оборотень, который явился на свет только упущением божьим. Я врач, но мне не стыдно признаться, что при случае я охотно умертвил бы его. Я слышал, что король отравлен. И теперь я понимаю, чем он отравлен. (Румата насторожился.) Этот Рэба явился ко мне в камеру и потребовал, чтобы я составил для него яд, действующий в течение нескольких часов. Разумеется, я отказался. Он пригрозил мне пытками — я засмеялся ему в лицо. Тогда этот негодяй крикнул палачей, и они привели ему с улицы дюжину мальчиков и девочек не старше десяти лет. Он поставил их передо мной, раскрыл мой мешок со снадобьями и объявил, что будет пробовать на этих детях

все снадобья подряд, пока не найдёт нужное. Вот как был отравлен король, дон Румата...» Губы Будаха начали подёргиваться, но он взял себя в руки. Румата, деликатно отвернувшись, кивал. Понятно, думал он. Всё понятно. Из рук своего министра король не взял бы и огурца. И мерзавец подsunул королю какого-то шарлатанчика, которому был обещан титул лейб-знахаря за излечение короля. И понятно, почему Рэба так возликовал, когда я обличал его в королевской опочивальне: трудно было придумать более удобный способ подsunуть королю лже-Будаха. Вся ответственность падала на Румату Эсторского, ируканского шпиона и заговорщика. Щенки мы, подумал он. В Институте надо специально ввести курс феодальной интриги. И успеваемость оценивать в рэбах. Лучше, конечно, в децирэбах. Впрочем, куда там...

По-видимому, доктор Будах был очень голоден. Однако он мягко, но решительно отказался от животной пищи и почтил своим вниманием только салаты и пирожки с вареньем. Он выпил стакан эсторского, глаза его заблестели, на щеках появился здоровый румянец. Румата есть не мог. Перед глазами у него трещали и чадили багровые факелы, отовсюду несло горелым мясом, и в горле стоял клубок величиной с кулак. Поэтому, ожидая, пока гость насытится, он стоял у окна, ведя вежливую беседу, медлительную и спокойную, чтобы не мешать гостю жевать.

Город постепенно оживал. На улице появились люди, голоса становились всё громче, слышался стук молотков и треск дерева — с крыш и стен сбивали языческие изображения. Толстый лысый лавочник прокатил тележку с бочкой пива — продавать на площади по два гроша за кружку. Горожане приспособливались. В подъезде напротив, ковыряя в носу, болтал с тощей хозяйкой маленький шпион-телохранитель. Потом под окном поехали подводы, нагруженные до второго этажа. Румата сначала не понял, что это за подводы, а потом увидел синие и чёрные руки и ноги, торчащие из-под рогож, и поспешно отошёл к столу.

— Сущность человека, — неторопливо жуя, говорил Будах, — в удивительной способности привыкать ко всему. Нет в природе ничего такого, к чему бы человек не притерпелся. Ни лошадь, ни собака, ни мышь не обладают таким свойством. Вероятно, бог, создавая человека, догадывался, на какие муки его обрекает, и дал ему огромный запас сил и терпения. Затруднительно сказать, хорошо это или плохо. Не будь у человека такого терпения и выносливости, все добрые люди давно бы уже погибли, и на свете остались бы злые и бездушные. С другой стороны привычка терпеть и приспособливаться превращает людей в бессловесных скотов, кои ничем, кроме анатомии, от животных не отличаются и даже

превосходят их в беззащитности. И каждый новый день порождает новый ужас зла и насилия...

Румата поглядел на Киру. Она сидела напротив Будаха и слушала, не отрываясь, подперев щёку кулачком. Глаза у неё были грустные: видно, ей было очень жалко людей.

— Вероятно, вы правы, почтенный Будах, — сказал Румата. — Но возьмите меня. Вот я — простой благородный дон (у Будаха высокий лоб пошёл морщинами, глаза удивлённо и весело округлились), я безмерно люблю учёных людей, это дворянство духа. И мне невдомёк, почему вы, хранители и единственные обладатели высокого знания, так безнадёжно пассивны? Почему вы безропотно даёте себя презирать, бросать в тюрьмы, сжигать на кострах? Почему вы отрываете смысл своей жизни — добывание знаний — от практических потребностей жизни борьбы против зла?

Будах отодвинул от себя опустевшее блюдо из-под пирожков.

— Вы задаёте странные вопросы, дон Румата, — сказал он. — Забавно, что те же вопросы задавал мне благородный дон Гуг, постельничий нашего герцога. Вы знакомы с ним? Я так и подумал... Борьба со злом! Но что есть зло? Всякому вольно понимать это по-своему. Для нас, учёных, зло в невежестве, но церковь учит, что невежество — благо, а всё зло от знания. Для землепашца зло — налоги и засухи, а для хлеботорговца засухи — добро. Для рабов зло — это пьяный и жестокий хозяин, для ремесленника — алчный ростовщик. Так что же есть зло, против которого надо бороться, дон Румата? — Он грустно оглядел слушателей. — Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счёт ухудшения судьбы других. И всегда будут короли, более или менее жестокие, бароны, более или менее дикие, и всегда будет невежественный народ, питающий восхищение к своим угнетателям и ненависть к своему освободителю. И всё потому, что раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя. Таковы люди, дон Румата, и таков наш мир.

— Мир всё время меняется, доктор Будах, — сказал Румата. — Мы знаем время, когда королей не было...

— Мир не может меняться вечно, — возразил Будах, — ибо ничто не вечно, даже перемены... Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается. Взгляните, например, как устроено наше общество. Как радуется глаз эта чёткая, геометрически правильная система! Внизу крестьяне и ремесленники, над ними дворянство, затем духовенство и, наконец, король. Как

всё продумано, какая устойчивость, какой гармонический порядок! Чему ещё меняться в этом отточенном кристалле, вышедшем из рук небесного ювелира? Нет зданий прочнее пирамидальных, это вам скажет любой знающий архитектор. — Он поучающе поднял палец. — Зерно, высыпаемое из мешка, не ложится ровным слоем, но образует так называемую коническую пирамиду. Каждое зёрнышко цепляется за другое, стараясь не скатиться вниз. Так же и человечество. Если оно хочет быть неким целым, люди должны цепляться друг за друга, неизбежно образуя пирамиду.

— Неужели вы серьёзно считаете этот мир совершенным? — удивился Румата. — После встречи с доном Рэбой, после тюрьмы...

— Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих. Какой смысл дереву сетовать, что оно не может двигаться, хотя оно и радо было бы, наверное, бежать со всех ног от топора дровосека.

— А что, если бы можно было изменить высшие предназначения?

— На это способны только высшие силы...

— Но всё-таки, представьте себе, что вы бог...

Будах засмеялся.

— Если бы я мог представить себя богом, я бы стал им!

— Ну, а если бы вы имели возможность посоветовать богу?

— У вас богатое воображение, — с удовольствием сказал Будах. — Это хорошо. Вы грамотны? Прекрасно! Я бы с удовольствием позанимался с вами...

— Вы мне льстите... Но что же вы всё-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по-вашему, следовало бы сделать всемогущему, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?..

Будах, одобрительно улыбаясь, откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. Кира жадно смотрела на него.

— Что ж, — сказал он, — извольте. Я сказал бы всемогущему: «Создатель, я не знаю твоих планов, может быть, ты и не собираешься делать людей добрыми и счастливыми. Захоти этого! Так просто этого достигнуть! Дай людям вволю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужда, а вместе с тем и всё, что разделяет людей».

— И это всё? — спросил Румата.

— Вам кажется, что этого мало?

Румата покачал головой.

— Бог ответил бы вам: «Не пойдёт это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими».

— Я бы попросил бога оградить слабых. «Вразуми жестоких правителей», — сказал бы я.

— Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их.

Будах перестал улыбаться.

— Накажи жестоких, — твёрдо сказал он, — чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым.

— Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильные из слабых. Тоже жестокие. Так придётся карать всех, а я не хочу этого.

— Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили всё и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

— И это не пойдёт людям на пользу, — вздохнул Румата, — ибо когда получают они всё даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

— Не давай им всего сразу! — горячо сказал Будах. — Давай понемногу, постепенно!

— Постепенно люди и сами возьмут всё, что им понадобится.

Будах неловко засмеялся.

— Да, я вижу, это не так просто, — сказал он. — Я как-то не думал раньше о таких вещах... Кажется, мы с вами перебрали всё. Впрочем, — он подался вперёд, — есть ещё одна возможность. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!

Да, это мы тоже намеревались попробовать, подумал Румата. Массовая гипноиндукция, позитивная реморализация. Гипноизлучатели на трёх экваториальных спутниках...

— Я мог бы сделать и это, — сказал он. — Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?

Будах, сморщив лоб, молчал обдумывая. Румата ждал. За окном снова тоскливо зашуршали подводы. Будах тихо проговорил:

— Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или ещё лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

— Сердце моё полно жалости, — медленно сказал Румата. — Я не могу этого сделать.

И тут он увидел глаза Киры. Кира глядела на него с ужасом и надеждой. [...]

«Во имя господи! — ревели внизу. — Открывай! Взломаем — хуже будет!». Румата отдернул штору, и в комнату хлынул знакомый пляшущий свет факелов. Множество всадников топтались внизу — мрачных чёрных людей в остроконечных капюшонах. Румата несколько секунд глядел вниз, потом осмотрел оконную

раму. По обычаю рама была вделана в оконницу намертво. В дверь с треском били чем-то тяжёлым. Румата нашарил в темноте меч и ударил рукояткой в стекло. Со звоном посыпались осколки.

— Эй, вы! — рявкнул он. — Вам что, жить надоело?

Удары в дверь стихли.

— И ведь всегда они напутают, — негромко сказали внизу. — Хозяин-то дома...

— А нам что за дело?

— А то дело, что он на мечах первый в мире.

— А ещё говорили, что уехал и до утра не вернётся.

— Испугались?

— Мы-то не испугались, а только про него ничего не велено. Не пришлось бы убить...

— Свяжем. Покалечим и свяжем! Эй, кто там с арбалетами?

— Как бы он нас не покалечил...

— Ничего, не покалечит. Всем известно: у него обет такой — не убивать.

— Перебью как собак, — сказал Румата страшным голосом.

Сзади к нему прижалась Кира. Он слышал, как бешено стучит её сердце. Внизу скомандовали скрипуче: «Ломай, братья! Во имя господи!» Румата обернулся и взглянул Кире в лицо. Она смотрела на него, как давеча, с ужасом и надеждой. В сухих глазах плясали отблески факелов.

— Ну что ты, маленькая, — сказал он ласково. — Испугалась? Неужели этой швали испугалась? Иди одевайся. Делать нам здесь больше нечего... — Он торопливо натягивал металлопластовую кольчугу. — Сейчас я их прогоню, и мы уедем. Уедем к Пампе.

Она стояла у окна, глядя вниз. Красные блики бегали по её лицу. Внизу трещало и ухало. У Руматы от жалости и нежности сжалось сердце. Погоню как псов, подумал он. Он наклонился, отыскивая второй меч, а когда снова выпрямился, Кира уже не стояла у окна. Она медленно сползала на пол, цепляясь за портьеру.

— Кира! — крикнул он.

Одна арбалетная стрела пробила ей горло, другая торчала из груди. Он взял её на руки и перенёс на кровать. «Кира...» — позвал он. Она всхлипнула и вытянулась. «Кира...» — сказал он. Она не ответила. Он постоял немного над нею, потом подобрал мечи, медленно спустился по лестнице в прихожую и стал ждать, когда упадёт дверь...

ЭПИЛОГ

— А потом? — спросила Анка.

Пашка отвёл глаза, несколько раз хлопнул себя ладонью по колену, наклонился и потянулся за земляникой у себя под ногами. Анка ждала.

— Потом... — пробормотал он. — В общем-то никто не знает, что было потом, Анка. Передатчик он оставил дома, и когда дом загорелся, на патрульном дирижабле поняли, что дело плохо, и сразу пошли в Арканар. На всякий случай сбросили на город шашки с усыпляющим газом. Дом уже догорал. Сначала растерялись, не знали, где его искать, но потом увидели... — Он замялся. — Словом, видно было, где он шёл.

Пашка замолчал и стал кидать ягоды в рот одну за другой.

— Ну? — тихонько сказала Анка.

— Пришли во дворец... Там его и нашли.

— Как?

— Ну... он спал. И все вокруг... тоже... лежали... Некоторые спали, а некоторые... так... Дона Рэбу тоже там нашли... — Пашка быстро взглянул на Анку и снова отвёл глаза. — Забрали его, то есть Антона. Доставили на Базу... Понимаешь, Анка, ведь он ничего не рассказывает. Он вообще теперь говорит мало.

Анка сидела очень бледная и прямая и смотрела поверх Пашкиной головы на лужайку перед домиком. Шумели, легонько раскачиваясь, сосны, в синем небе медленно двигались пухлые облака.

— А что стало с девушкой? — спросила она.

— Не знаю, — жёстко сказал Пашка.

— Слушай, Паша, — сказала Анка. — Может быть, мне не стоило приезжать сюда?

— Нет, что ты! Я думаю, он тебе обрадуется...

— А мне всё кажется, что он прячется где-нибудь в кустах, смотрит на нас и ждёт, пока я уеду.

Пашка усмехнулся.

— Вот уж нет, — сказал он. — Антон в кустах сидеть не станет. Просто он не знает, что ты здесь. Ловит где-нибудь рыбу, как обычно.

— А с тобой как он?

— Никак. Терпит. Но ты-то другое дело...

Они помолчали.

— Анка, — сказал Пашка, — помнишь анизотропное шоссе?

Анка наморщила лоб.

— Какое?

— Анизотропное. Там висел «кирпич». Помнишь, мы втроём?..

— Помню. Это Антон сказал, что оно анизотропное.

— Антон тогда пошёл под «кирпич», а когда вернулся, то сказал, будто нашёл там взорванный мост и скелет фашиста, прикованного к пулемёту.

— Не помню, — сказала Анка. — Ну и что?

— Я теперь часто вспоминаю это шоссе, — сказал Пашка. — Будто есть какая-то связь... Шоссе было анизотропное, как история. Назад идти нельзя. А он пошёл. И наткнулся на прикованный скелет.

— Я тебя не понимаю. При чём здесь прикованный скелет?

— Не знаю, — признался Пашка. — Мне так кажется.

Анка сказала:

— Ты не давай ему много думать. Ты с ним всё время о чём-нибудь говори. Глупости какие-нибудь. Чтобы он спорил.

Пашка вздохнул.

— Это я и сам знаю. Да только что ему мои глупости?.. Послушает, улыбнётся и скажет: «Ты, Паша, тут посиди, а я пойду поброжу». И пойдёт. А я сижу... Первое время, как дурак, незаметно ходил за ним, а теперь просто сижу и жду. Вот если бы ты...

Анка вдруг поднялась. Пашка оглянулся и тоже встал. Анка не дыша смотрела, как через поляну к ним идёт Антон — огромный, широкий, со светлым, не загорелым лицом. Ничего в нём не изменилось, он всегда был немного мрачный.

Она пошла ему навстречу.

— Анка, — сказал он ласково. — Анка, дружиче...

Он протянул к ней огромные руки. Она робко потянулась к нему и тут же отпрянула. На пальцах у него... Но это была не кровь — просто сок земляники.

Иллюстрации к роману «Трудно быть богом»
Владимира Любарова, Александра Спивака, Бориса Харламова

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Заинтересовало ли вас прочитанное? Поделитесь своими впечатлениями.
2. Расскажите, какие порядки царили в Арканаре. Свой ответ подтвердите цитатами из текста.
3. Охарактеризуйте образ Руматы. Какие чувства вызывает у вас этот персонаж? Обоснуйте свой ответ.

4. Проследите по тексту, когда и в связи с чем в произведении появляется тема бога.
5. Найдите в тексте и зачитайте диалог Руматы с доном Кондором. Выскажите своё отношение к Проблеме Бескровного Воздействия, о которой идёт речь.
6. Согласны ли вы с утверждением дона Кондора: *«Пятнадцать лет понадобилось мне, голубчик, чтобы понять, что же самое страшное. Человеческий облик потерять страшно, Антон. Запачкать душу, ожесточиться. Мы здесь боги, Антон, и должны быть умнее богов из легенд, которых здешний люд творит кое-как по своему образу и подобию»*.
7. Проанализируйте эпизод посещения Руматой Патриотической школы. О каких правилах государства Арканар узнаём мы из уст отца Кина?
8. Как вы думаете, почему главным врагом короля Арканара отец Кин считает *«грамотея-мечтателя, грамотея усомнившегося, грамотея неверящего»*? Аргументируйте свой ответ.
9. Прокомментируйте следующие размышления Руматы: *«Я знаю только одно: человек есть объективный носитель разума, всё, что мешает человеку развивать разум, — зло, и зло это надлежит устранять в кратчайшие сроки и любым путём. Любым? Любым ли?.. Нет, наверное, не любым. Или любым?»* В классе проведите дискуссию на тему: *«Можно ли бороться со злом любым путём?»*.
10. Расскажите, что вам известно о доне Рэбе. Какие исторические ассоциации вызывает у вас этот образ?
11. Выразительно прочитайте диалог Руматы с доктором Будахом. Позиция кого из персонажей вам ближе и почему?
12. Расскажите, что стало причиной того, что Румата всё-таки нарушил правила невмешательства в жизнь Арканара, каким он должен был следовать. Как вы оцениваете действия персонажа? Свой ответ обоснуйте.
13. Напишите сочинение-рассуждение на тему: *«Трудно быть богом, а человеком легко?»*.

Читателю XXI столетия на заметку

Благодаря произведениям братьев Стругацких в русском языке появились новые слова. Например, слово *«сталкер»*. И хотя оно есть и в английском языке *stalker* — «охотник» или «упорный преследователь», братья Стругацкие в романе *«Пикник на обочине»* наполнили его новым смыслом: сталкеры — профессиональные правонарушители, охотники за инопланетными артефактами. Сегодня слово *«сталкер»* чаще всего

звучит, когда речь заходит о ликвидаторах аварий, исследователях заброшенных городов и поселений — всех тех, чья деятельность связана с проникновением в закрытую и безлюдную зону.

Слово «прогрессор» также вошло в наш обиход благодаря АБС. В их произведениях это представитель сверхцивилизации, тайно внедрённый в менее развитое общество, чтобы ускорить технологический и этический прогресс. В современной разговорной речи — это человек, ратующий за всестороннее развитие общества, зачастую вопреки собственным эгоистическим интересам.

Подытожим изученное

1. Раскройте символический смысл названия произведения Стругацких.
2. Можете ли вы согласиться с таким утверждением критика А. Громовой: «Трудно, невозможно человеку быть «богом», безучастным наблюдателем, даже если он понимает, что это необходимо. Антон — Румата не удерживается до конца на этой позиции, и мы понимаем, что так должно быть, что это неизбежно, потому что он — человек. Мстя за смерть любимой, он проходит свой последний путь по этой планете, оставляя за собой кровавый след. Это не выход, не сознательное решение, это лишь стихийный бурный взрыв, калечащий душу, непоправимо ранящий сознание. Но такой — израненный, искалеченный — Румата понятен и близок нам. Неизмеримо более понятен и близок, чем был бы, если б до конца оставался на позициях «бога», предписанных ему «базисной теорией» и условиями эксперимента. Потому что человеком во всём значении этого слова быть тоже нелегко»? Обоснуйте свою точку зрения.
3. Можно ли утверждать, что созданный воображением братьев Стругацких Арканар — это типичный образ тоталитарного государства, где главной целью является воспитание бездумных и слепо верящих своему правителю людей? Свой ответ подтвердите примерами из истории известных вам тоталитарных государств.
4. Расскажите об известных вам экранизациях произведений Стругацких. Поделитесь своими впечатлениями от увиденного.
5. Подготовьте мультимедийную презентацию на тему «Мир братьев АБС».

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

в разделе «Бесконечность вопросов и неисчерпаемость ответов в литературе XX века»

1. Какие проблемы раскрывает Максим Горький в своих ранних рассказах?
2. Подготовьте и проведите в классе дискуссию на тему: «Мы пришли в этот мир, чтобы не соглашаться...» (по произведениям М. Горького).
3. «У него для всех на свете находились сокровища», — писал поэт Леон Поль Фарг об А. де Сент-Экзюпери. А для вас нашлись «сокровища» у автора «Маленького принца»? Если да, то расскажите о них.
4. Объясните, как вы понимаете высказывание «привести в порядок планету».
5. Какие афоризмы из сказки «Маленький принц» вам запомнились? Подготовьте мотиваторы с высказываниями, которые заставили вас задуматься. Обоснуйте свой выбор.
6. Раскройте подтекст сказки-притчи «Маленький принц».
7. Прокомментируйте высказывание современного российского писателя Анта Скаландиса (Антон Молчанов): «Стругацкие — это наше представление о будущем, о мире, о человеке, о том, что правильно и что неправильно, о смысле бытия и бессмысленности смерти... Стругацкие — это наши вывернутые наизнанку души. И наша совесть».
8. Российский литературовед Илья Кукулин утверждает: «Для Стругацких было аксиомой, что фантастика должна не только быть жанром массовой культуры, но и отвечать на серьёзные вопросы, которые волнуют интеллектуальную часть общества». На примере романа «Трудно быть богом» расскажите, какие «серьёзные вопросы» раскрывают писатели в своём произведении.
9. Подготовьте эскиз рекламы, посвящённой одному из произведений этого раздела. Обоснуйте свой выбор.
10. Какие вопросы, интересные для вас, были подняты в этом разделе? Получили ли вы ответы на эти вопросы?
11. Внимательно рассмотрите шмуцтитул к этому разделу. Предложите своё название раздела, эпиграфы к нему и свой вариант его художественного оформления.

ПОЗНАЁМ СЕБЯ ЧЕРЕЗ КНИГУ

Переворачивая страницы, мы совершаем открытие за открытием.

Жорж Дюамель, французский писатель
и литературный критик

- ✘ Какие из уроков литературы в этом учебном году вам запомнились больше всего и почему?
- ✘ Французский философ Ролан Барт утверждал: «*Читать — значит выявлять смыслы*». А какие смыслы удалось выявить вам из прочитанных в этом учебном году произведений?
- ✘ Чтение какого художественного произведения из предложенных в этом учебном году доставило вам наибольшее удовольствие и почему?
- ✘ Ещё раз внимательно рассмотрите шмуцтитулы, представленные в учебнике. С их помощью расскажите о тех путешествиях в мир литературы и культуры, которые вы совершили в этом учебном году.
- ✘ Какие «вечные образы» предстали перед вами из прочитанных произведений?
- ✘ В группах подготовьте одно из творческих заданий по произведению, прочитанному в этом учебном году (*буктрейлер, скрапбукинг, кардмейкинг, комикс, мультимедийную презентацию, рекламный проект, фотоколлаж и др.*).
- ✘ Прокомментируйте эпиграф к этой части учебника. О каких открытиях идёт речь? А у вас были такие открытия? Свой ответ подтвердите конкретными примерами.
- ✘ Напишите письмо будущим восьмиклассникам о своих впечатлениях от прочитанных в этом учебном году произведений.
- ✘ Расскажите, что вы ожидаете от уроков литературы в новом учебном году.

Сведения о состоянии учебника

№	Фамилия и имя ученика	Учебный год	Состояние учебника		Оценка
			в начале года	в конце года	
1					
2					
3					
4					
5					

Навчальне видання

ІСАЄВА Олена Олександрівна
КЛИМЕНКО Жанна Валентинівна
БИЦЬКО Оксана Костянтинівна
МЕЛЬНИК Анжела Олегівна

«Інтегрований курс

“ЛІТЕРАТУРА” (російська та зарубіжна)»

підручник для 8 класу загальноосвітніх навчальних закладів
з навчанням російською мовою
(Російською мовою)

Рекомендовано Міністерством освіти і науки України

ВИДАНО ЗА РАХУНОК ДЕРЖАВНИХ КОШТІВ. ПРОДАЖ ЗАБОРОНЕНО

Редактор *Т. М. Гревцева*
Літературний редактор *М. М. Тягунова*
Головний художник *І. П. Медведовська*
Технічний редактор *Е. А. Авраменко*
Коректор *С. В. Войтенко*

На першій сторінці обкладинки: фрагменти картин *І. Крамського* та *Кім Мін Джи*.

У підручнику використано малюнки *І. Медведовської*, світлини *Т. Будкевич*,
П. Молодчика, *В. Соловійова*, а також репродукції портретів письменників,
виконані художниками: *М. Деревуса* (с. 19), *Ч. Джарвіса* (с. 82),
О. Кіпренського (с. 114), *П. Заболотских* (с. 159), *О. Іванова* (с. 173),
О. Нікітіна (с. 207), *І. Крамського* (с. 235), *І. Рєпіна* (с. 248), *М. Нестерова* (с. 264),
Б. Харламова (с. 320); на шмуцах — репродукції картин *М. Фаршчяна*, *М. Врубеля*,
Ф. Б. Діксі, *Кім Мін Джи*.

Формат 60x90 ¹/₁₆. Ум. друк. арк. 22,00 + 0,25 форзац.
Обл.-вид. арк. 21,20 + 0,44 форзац. Тираж 24 512 прим.
Зам. №

ТОВ «Український освітнянський видавничий центр «Оріон»»

Свідоцтво «Про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції»

Серія ДК № 4918 від 17.06.2015 р.

Адреса видавництва: 03061, м. Київ, вул. Миколи Шепелева, 2
www.orioncentr.com.ua

Віддруковано ТОВ «НВП Поліграфсервіс»,
вул. Юрія Коцюбинського, 4, к. 25, м. Київ, 04053
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи серія ДК № 3751 від 01.04.2010 р.